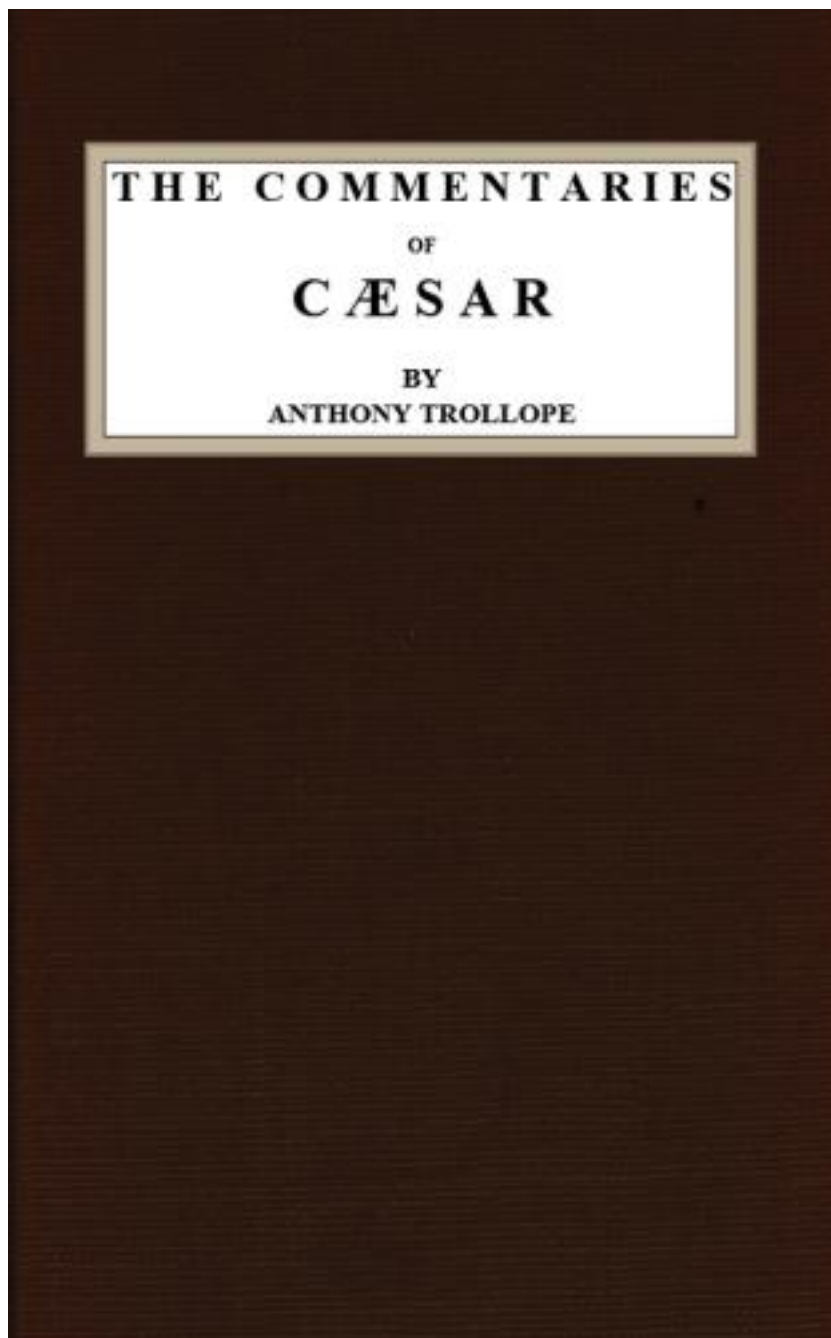

Комментарии Цезаря

Энтони Тrollop

Электронная книга проекта Гутенберга "Комментарии Цезаря"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Комментарии Цезаря

Автор: Энтони Троллоп

Дата выхода: 9 ноября 2017 г. [Электронная книга № 55926]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Втирах: Продюсер - Чак Грайф и команда корректоров, распространяющая в режиме онлайн на <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Books.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "КОММЕНТАРИИ ЦЕЗАРЯ" ***

Античная классика для английских читателей

ПОД РЕДАКЦИЕЙ преподобного У. ЛУКАСА КОЛЛИНЗА, магистра медицины

С А Р

Изданные тома этой серии содержат

"ГОМЕР: ИЛИАДА", составленную Редактором.

ГОМЕР: "ОДИССЕЯ", там же.

ГЕРОДОТ, автор Джордж К. Суэйн, магистр

, ныне покойный сотрудник колледжа Корпус-Кристи в Оксфорде.

Следующие авторы, написанные различными авторами, находятся в стадии подготовки:—

ВЕРГИЛИЙ.

ГОРАЦИЙ.

ЭСХИЛ.

СОФОКЛ.

АРИСТОФАН.

ЦИЦЕРОН.

ЮВЕНАЛ.
КСЕНОФОНТ.

За ним последуют другие.
Том будет публиковаться 1 числа каждого
альтернативного месяца по цене 2,6 доллара.

КОММЕНТАРИИ OF ЦЕЗАРЯ

ЭНТОНИ ТРОЛЛОП

УИЛЬЯМ БЛЭКВУД И СЫНОВЬЯ
ЭДИНБУРГ И ЛОНДОН
MDCCCLXX

Содержание.

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. ВВЕДЕНИЕ,	1
II. ПЕРВАЯ КНИГА ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ.—ЦЕЗАРЬ ИЗГОНЯЕТ СНАЧАЛА ШВЕЙЦАРЦЕВ, А ЗАТЕМ ГЕРМАНЦЕВ Из ГАЛЛИИ.—58,	28
гг.III. ВТОРАЯ КНИГА ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ.—ЦЕЗАРЬ ПОДЧИНЯЕТ БЕЛЬГИЙСКИЕ ПЛЕМЕНА.—57,	45
гг.IV. ТРЕТЬЯ КНИГА ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ.—ЦЕЗАРЬ ПОДЧИНЯЕТ ЗАПАДНЫЕ ПЛЕМЕНА ГАЛЛИИ.—56,	54
гг.V.— ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ.—ЦЕЗАРЬ ПЕРЕСЕКАЕТ РЕКУ. РЕЙН, УБИВАЕТ ГЕРМАНЦЕВ И ВТОРГАЕТСЯ В БРИТАНИЮ.—55,	63
До н.э. VI. ПЯТАЯ КНИГА "ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ".—ВТОРОЕ ВТОРЖЕНИЕ ЦЕЗАРЯ В БРИТАНИЮ.—ГАЛЛЫ ВОССТАЮТ ПРОТИВ НЕГО.—54,	74
До н.э.VII. ШЕСТАЯ КНИГА "ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ".—ЦЕЗАРЬ ПРЕСЛЕДУЕТ АМБИОРИКСА.—МАНЕРЫ ГАЛЛОВ И ГЕРМАНЦЕВ КОНТРАСТИРУЮТ.-53,	88
До н.э.VIII. СЕДЬМАЯ КНИГА ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ.—ВОССТАНИЕ ВЕРЦИНГЕТОРИКСА.—До н.э. 52,	100
IX. ПЕРВАЯ КНИГА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.—ЦЕЗАРЬ ПЕРЕХОДИТ РУБИКОН.—СЛЕДУЕТ ЗА ПОМПЕЕМ В БРУНДУЗИЙ.—И ПОБЕЖДАЕТ АФРАНИЯ В ИСПАНИИ.—До н.э. 49,	116
X. ВТОРАЯ КНИГА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.—ВЗЯТИЕ МАРСЕЛЯ.—ВАРРОН НА ЮГЕ ИСПАНИИ.—СУДЬБА КУРИОНА ПЕРЕД УТИКОЙ.—До н.э. 49,	131
XI. ТРЕТЬЯ КНИГА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.— ЦЕЗАРЬ СЛЕДУЕТ ЗА ПОМПЕЕМ В ИЛЛИРИЮ.—ЛИНИИ ПЕТРЫ И БИТВА	146

ЦЕЗАРЬ

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Пожалуй, справедливо будет сказать, что Комментарии Цезаря положили начало современной истории. Он действительно писал почти две тысячи лет назад; но он писал не о давно минувших временах, а о том, что совершалось на его собственных глазах, и о его собственных деяниях. И он писал о странах, с которыми мы знакомы, — о нашей Британии, например, в которую он дважды вторгся, о народах, не столь отдаленных, но которые мы можем отождествить с нашими соседями и с самими собой; и он писал так, чтобы мы почувствовали, что читаем реальную историю, а не роман. Простота рассказов, которые он оставил, является их главной характеристикой, если не величайшим очарованием. Мы уверены, что обстоятельства, о которых он нам рассказывает, действительно имели место, и что они произошли почти так, как он о них рассказывает. Он имеет дело с теми великими движениями в Европе, которые возникли и по которым мы можем проследить нынешнее политическое состояние наций. Как бы ученый или читатель общей литературы ни интересовался великими деяниями героев Греции и пламенными словами греческих ораторов, для него почти невозможно связать какую-либо интимную и заслуживающую полного доверия связь судеб Афин, или Спарты, или Македонии с нашим собственным временем и нашим собственным положением. Почти столь же трудно сделать это в отношении событий в Риме и римской власти до времен Цезаря. Мы не можем осознать и вспомнить Пунические войны или Социальную войну, Сципионов и Гракхов, или даже соперничество за власть между Марием и Суллой, как мы это делаем с Галльскими войнами и вторжением в Британию, благодаря которым цивилизация Рима впервые была перенесена на запад, или великие гражданские войны - “Bellum Civile”, — с которых началась череда императоров, продолжающаяся почти до наших дней, и с которых в той или иной степени можно проследить происхождение и формирование почти каждой существующей европейской нации. Несомненно, верно, что, если бы мы только правильно знали факты, мы могли бы отнести каждое политическое и социальное состояние сегодняшнего дня к самому отдаленному периоду существования человека; но интерес покидает нас, когда факты становятся сомнительными, и когда разум начинает опасаться, что история смешана с романтикой. Геродот настолько мифичен, что то восхищение, которое мы испытываем от его трудов, в очень малой степени проистекает из любого желания с нашей стороны составить непрерывную цепочку от дней, о которых он писал, до наших собственных. Между чудесами Геродота и фактами Цезаря большой промежуток, из которого дошли до нас работы различных благородных историков; но с Цезарем, кажется, начинается та достоверность, которую мы хотели бы рассматривать как отличительную черту современной истории.

С самого начала следует помнить, что Цезарь писал только о том, что он сделал, или о том, что он сам заставил сделать. По крайней мере, он только так писал в двух своих работах, которые остались до нас. Нам говорят, что он создал многое помимо своих Комментариев — среди других работ стихотворение, — но эти два комментария - все, что у нас есть, принадлежит ему.

Первый в семи книгах рассказывает о своих семи первых кампаниях в Галлии в течение семи лет подряд; о тех кампаниях, в которых он подчинил народы, живущие между Рейном, Роной, Средиземным морем, Пиренеями и морем, которое мы теперь называем Британским каналом.^[1] Последний комментарий описывает обстоятельства гражданской войны, в которой он боролся за власть против Помпея, своего бывшего коллеги, вместе с Крассом в первом триумvirате и основал ту империю, которой Август наследовал после второго недолговечного триумvirата между ним самим, Лепидом и Антонием.

Цель этой небольшой книги - описать Комментарии Цезаря в помощь тем, кто не читает полатыни, и не писать римскую историю; но, возможно, было бы неплохо в нескольких вводных строках рассказать кое-что о жизни и характере нашего автора. Всем нам более или менее знакомо имя Юлия Цезаря. В наши первые дни мы узнали, что он был первым из тех двенадцати римских императоров, чьи имена считались уместными для отягощения наших юных воспоминаний; и нас научили понимать, что, когда он начал править, прекратила существовать та форма республиканского правления, при которой два избираемых ежегодно консула действительно вершили судьбы империи. Сначала было семь царей, имена которых также стали нам известны, затем консулы, а за ними двенадцать цезарей, из которых первым был великий Юлий. Так много мы все о нем знаем; и мы также знаем, что он был убит в Капитолии заговорщиками как раз в тот момент, когда собирался стать императором, хотя этот последний фрагмент знаний, кажется, парадоксальным образом расходится с первым. В дополнение к этому мы знаем, что он был великим полководцем, завоевателем и писателем, который совершал поступки и писал о них в стиле “вени, види, вичи”, говоря о себе: “Я пришел, я увидел, я победил”. Мы знаем, что ему была доверена огромная римская армия, и что он использовал эту армию с целью установления своей собственной власти в Риме, перейдя часть ее через Рубикон, небольшую реку, отделявшую провинцию, которой он был назначен управлять, от собственно римской территории, на которой, как военный служащий магистратов республики, он не имел права появляться в качестве генерала во главе своей армии. Так много мы знаем; и в нижеследующих очень коротких мемуарах великого полководца и историка не будет предпринято никаких попыток, — как это часто и с такой болью делалось для нас в последние годы, — опровергнуть учения нашей молодежи и доказать, что старые уроки были неправильными. Все они были довольно точны и теперь будут дополнены лишь несколькими дополнительными обстоятельствами, которые, несомненно, когда-то были известны всем школьникам, но которые некоторые, возможно, забыли с тех счастливых дней.

Декан Меривейл в одной из первых глав своей замечательной истории римлян при Империи заявляет, что Гай Юлий Цезарь - величайшее имя в истории. Он выдвигает это утверждение без каких-либо оговорок и не прилагает к нему никаких ограничений или предположений о том, что это просто его собственное мнение. Утверждения подобного рода, выдвигаемые писателями от имени своих любимых героев, мы все, как правило, склонны оспаривать; но это утверждение, каким бы великим оно ни было, вряд ли может быть оспорено. Доктор Меривейл не говорит, что Цезарь был величайшим человеком, когда-либо жившим. Оценивая такое превосходство, люди руководствуются различными стандартами. Чтобы удовлетворить суждения одного, необходимо выбрать поэта; для другого - религиозного учителя; для третьего - какого-нибудь интеллектуального героя, который помог открыть тайны природы с помощью операций своего собственного мозга; для четвертого - правителя — и так далее. Но имена некоторых из них нельзя назвать великими в истории. Гомер, Лютер, Галилей и Карл V. Великие имена, как и Шекспир, Нокс, королева Елизавета и Ньютон. Среди них два правителя, вероятно, вызвали бы

наименьшее всеобщее восхищение. Но никто не может утверждать, что имена поэтов, богословов и философов значительнее, чем их имена в истории. Декан имеет в виду, что из всех людей, которые когда-либо жили и чьи деяния нам известны, Юлий Цезарь сделал больше всего для того, чтобы изменить мир; и мы думаем, что Декан прав. Те, кого мы могли бы, возможно, сравнить с цезарем, - это Александр, Карл Великий, Кромвель, Наполеон и Вашингтон. Что касается первых двух, то, когда предъявляются претензии к ним, мы чувствуем, что они основаны на совершении поступков, известных нам лишь частично. Во времена Александра история все еще была темной, а во времена Карла Великого она снова стала темной. То, что сделал Кромвель, ограничивалось нашими собственными островами, и, хотя он был велик для нас, он не так значителен в глазах человечества в целом, как тот, кто двигал всю Европу, настоящую и будущую. Если и есть какой-то справедливый антагонист Цезарю в этом утверждении, то это Наполеон. Как солдат он был столь же велик, и область его действий была столь же обширна. Но есть старая поговорка, которая говорит нам, что никто не может быть уверен в своей удаче, пока не наступит конец; и смерть цезаря на ступенях Капитолия больше соответствовала нашим представлениям о величии, чем смерть Наполеона на острове Святой Елены. Более того, мы не можем не чувствовать, что в личном поведении римского "императора" и диктатора было меньше недостатков величия, чем в поведении французского императора. Ибо Юлий Цезарь никогда не был настоящим императором в том смысле, в каком мы используем это слово, и в соответствии с которым его преемник Август действительно стал императором. Что касается Вашингтона, то мы, возможно, можем допустить, что по моральным качествам он был величайшим из всех. Чтобы помочь своей стране, он отважился на все, даже на позорную смерть мятежника, если бы не преуспел там, где успех был самым невероятным; и во всем, что он предпринимал, он преуспевал. Его имя занимает видное место среди тех людей, которые сделали Соединенные Штаты нацией, и делают это с горячего согласия всего ее народа. И его работа исходила исключительно из патриотизма, без примеси личных амбиций. Но нельзя сказать, что дела, которые он совершал, были столь же велики, как те, что были совершены цезарем, или что он сам был столь же силен в их совершении. Он отваживался на все с такой великой целью, которая когда-либо согревала сердце человека, и добивался успеха; но то, что он делал, само по себе было незначительным по сравнению с тем, что совершал его менее благородный соперник за славу. Немецкий историк Моммзен описывает Цезаря как человека слишком великого для масштабов его интеллекта и способности к очертаниям. "Историк," говорит он, говоря о Цезаре, "когда раз в тысячу лет он сталкивается с совершенным, может только молчать по этому поводу". Наполеон также в своей "Жизни Цезаря" рисует своего героя совершенным; но Наполеон, поступая так, фактически утверждает божественное совершенство для этого второго цезаря, своего дяди. И совершенство, на которое он претендует, - это не то, о чем говорит Моммзен. Немец намеревается донести до нас свою убежденность в том, что Цезарь был совершенен в человеческих способностях и уме. Наполеон требует от него морального совершенства. "Приведенные выше факты могут убедить нас, — говорит император, — что во время его первого консульства цезарем двигал только один мотив, а именно общественные интересы". Мы, однако, не можем полностью воспринимать факты так, как их излагает император французов, и не можем разделить его убеждения; но общее согласие читающих людей, вероятно, признает, что в истории нет имени более великого, чем имя Юлия Цезаря, о письменных трудах которого предполагается дать некоторый отчет в следующих главах.

Он родился всего за сто лет до Рождества Христова и происходил из старинной знатной римской семьи, отличительным именем которой было Юлий, а не Цезарь. Происхождение имени Цезаря было предметом сомнений и легенд. Некоторые говорят, что он возник из густых волос одного из племени Юлианов; другие, что некий отпрыск семьи, такой как Макдафф, “был преждевременно вырван из чрева своей матери”, для чего, как считается, подходят производные латинских слов. Снова нам говорят, что кто-то из семьи когда-то держал слона, и отсылают к какому-то восточному языку, в котором слово, обозначающее слона, звучит как Цезарь. Другая легенда также возникла из имени Цезаря, которое на галльском языке тех дней, — к большому счастью для Цезаря, — звучало так, как будто следовало сказать: “Отправь его обратно”. Лошадь Цезаря однажды убежала вместе с ним и унесла его к врагу. Наглый галл, знавший его, крикнул: “Цезарь, цезарь!” — и тогда другие галлы, повинаясь приказу, который, как предполагалось, был отдан, позволили прославленному сбежать. Однако следует признать, что ученый немец, рассказывающий нам эту историю, выражает презрительную убежденность в том, что она не может быть правдой. Что бы ни породило это слово, его значение, почерпнутое из деяний и трудов Кая Юлия, было очень велико. На разных языках оно стало означать носителя деспотической власти; и хотя говорят, что на самом деле русский титул “Царь” не имеет никакого отношения к римскому слову, престиж этого имени настолько велик, что в умах людей популярное название российского императора всегда будет связано с именем римского императора.

Цезарь был племянником по браку того Мария, который, чередуя кровавые успехи и, казалось бы, непоправимые разорения, вел борьбу с Суллой за верховную власть в республике. Сулла в этой борьбе представлял аристократов и патрициев — то, что мы, возможно, можем назвать консервативными интересами; в то время как Марий, имевший низкое происхождение, бывший простым солдатом и, поднявшись по служебной лестнице, ставший любимцем армии и народа, возможно, мог бы считаться человеком, который назвал бы себя либералом, если бы в те дни был известен такой термин. Его либеральность, — как и в случае с другими политическими лидерами его времени, — привела его к личной власти. Он был семикратным консулом, обеспечив свое седьмое избрание чудовищным варварством и резней своих врагов в городе; и во время этого последнего консульства он умер. Молодой цезарь, хотя и патриций по происхождению, сменил своего дядю в народной партии и, по-видимому, с самого раннего возраста — с самого отрочества — предвкушал власть, которую он мог бы завоевать, если бы осторожно разыгрывал свои карты.

И он был очень сдержан, до удивительной степени уверен в себе и к тому же терпелив. Следует предположить, что большинство наших читателей знают, как пала Римская республика и утвердилась Римская империя в результате гражданских войн, которые начались при Мариусе и закончились тем “молодым Октавием”, которого мы лучше узнаем как Августа Цезаря. Юлий Цезарь был племянником Мария по браку, а Август — внучатым племянником и наследником Юлия. Посредством призывов в армию и убийств, худших по своему характеру, хотя, вероятно, и меньших по количеству, чем те, которые опозорили Французскую революцию, власть, которой Мариус достиг почти без предвидения, за которую великий цезарь боролся с юности с постоянной предусмотрительностью, была утверждена в руках Августа и завещана им императорам. Оглядываясь назад на летописи мира, мы, как правило, обнаруживаем, что деспотическая власть впервые выросла из народного движения против власти. Так было с нашим собственным Кромвелем, так было дважды в истории современной Франции и, конечно, так было при формировании Римской империи. В великой работе по созданию этой империи

именно ум, рука и мужество цезаря привели к результату, будь то к добру или ко злу. И, рассматривая жизни трех мужчин — Мария, Цезаря и Августа, которые сменяли друг друга и все стремились к одной цели - уничтожению той олигархии, которую в Риме называли Республикой, — мы обнаруживаем, что один из них был человеком, в то время как другие были хищными зверями. Жестокости Мария в старости и Августа в молодости были настолько поразительны, что даже на таком расстоянии приводили читателя в ужас, хотя он помнит, что христианство еще не смягчило сердца людей. Марий, старик, почти купался в крови своих врагов, как и его соперник Сулла; но молодой Октавий, тот, к кому боги благоволили так долго, как к почти божественному^[2] Август, укрепил свой трон кровью своих друзей. Чтобы окончательно удовлетворить Лепида и Антония, своих товарищей по второму триумвирату, он без колебаний добавил к списку тех, кому предстояло умереть, имена самых близких ему людей. Между этими чудовищами жестокости — между Марием и Суллой, которые были до него, и Октавием и Антонием, которые последовали за ним, — Цезарь прославился милосердием. И все же волосы у читателя чуть ли не встают дыбом от ужаса, когда Цезарь страницу за страницей пересказывает истории о сожженных дотла городах и хладнокровно вырезанных целых общинах. Об уничтожении женщин и детей целого племени Цезарь оставит бесстрастный отчет в одной строке. Но по крайней мере это можно сказать о цезаре: он не получал удовольствия от резни. Когда в его глазах стало целесообразным, чтобы народ пострадал, чтобы другие могли научиться уступать и повиноваться, он мог отдать приказ, по-видимому, без усилий. И мы не слышим ни о каких сожалениях или каких-либо угрызениях совести, последовавших за его исполнением. Но кровопролитие само по себе не было для него приятным. Он был сдержанным, дальновидным человеком и мог без зазрения совести делать то, чего от него требовали благоразумие и осторожность.

И о Цезаре можно сказать, что он в некотором роде руководствовался в своей жизни чувством долга и любовью к родине; то же можно сказать и о его великих современниках, Помпее и Цицероне. Что касается тех, кто был до него, Мария и Суллы, а также тех, кто последовал за ним, Антония и Августа, то, по-видимому, ими не двигали какие-либо подобные мотивы. Властолюбие и жадность, ненависть к своим врагам и личные амбиции, чувство, что судьба побуждает их стремиться к высокому положению, и решимость, что лучше убивать, чем быть убитыми, побуждали их идти своим путем. Эти чувства были сильны и у цезаря, как сильны они и по сей день у государственных деятелей и полководцев; но к ним примешивалась в груди Цезаря благородная идея, что он будет верен величию Рима и что он ухватится за власть, чтобы Римская империя могла хорошо управляться. Август, несомненно, правил хорошо; и Юлию Цезарю было предоставлено очень мало возможностей для правления после того, как он завершил битву; но Августу нельзя воздать большей похвалы, чем за то, что у него хватило ума понять, что временное благополучие граждан Рима было лучшей гарантией его собственной безопасности.

В раннем возрасте цезарь занял высокое положение, хотя и делал это среди опасностей. Окружающие его люди удивлялись, что Сулла не убил его, когда он был молод, — не раздавил его, когда он был еще, так сказать, в своей скорлупе; но Сулла пощадил его, и он быстро поднялся. Нам говорят, что он стал жрецом Юпитера в семнадцать лет и тогда уже был женатым человеком. Он рано выучился на публичного оратора и, несмотря на все опасности, поддерживал народное дело в Риме. Он служил своей стране на Востоке, вероятно, в Вифинии, избегая таким образом опасностей, связанных с проживанием в городе. Он стал квестором, а затем эдилом, которому помогала вся партия Мариан, поскольку эта партия будет помогать

восходящему человеку, которого они считали своим будущим лидером. Он атаковал и был атакован, и был “неутомим в преследовании аристократии”,^[3] которые стремились, но тщетно, сокрушить его. Хотя он был молод и пристрастился ко всем радостям юности — пустяк, как однажды назвал его Сулла, — он не упустил из виду ничего из того, что ему было необходимо знать как главнокомандующему великой партией и предводителю великих армий. Когда ему исполнилось тридцать семь, он был назначен Большим понтифексом, официальным главой жречества Рима, на самую почетную должность из всех в городе, хотя против него выступала вся масса аристократии, и хотя кандидатом был Катулл, который из всей этой партии был самым высоким не только по известности, но и по добродетели. На следующий год он стал претором, хотя снова столкнулся со всем влиянием тех, кто его боялся. И после двенадцати месяцев пребывания в должности он принял на себя управление Испанией — провинцией, выделенной ему как пропретору в соответствии с обычаями Республики, — вопреки указу сената, предписывавшему ему оставаться в Риме. Здесь он добился своего первого крупного военного успеха, впервые дал знать о себе своим солдатам и вернулся в Рим с почестями триумфатора.

Но оставалась еще одна ступенька на государственной лестнице, прежде чем он смог занять то положение, которое, без сомнения, он уже видел перед собой. Он должен был стать консулом, прежде чем стать командиром многих легионов, и для того, чтобы он мог надлежащим образом подать в суд на консульство, было необходимо, чтобы он отказался от своего Триумфа. Он мог торжествовать победу только в качестве генерала республиканских войск, а как генерал или император он не мог войти в город. Он отказался от Триумфа, подал в суд на свой пост обычным способом и позволил гражданам сказать, что он предпочитает их службу своим личным почестям. В возрасте сорока одного года он стал консулом. Именно во время борьбы за консульство был образован триумвират, о котором в последующие века так много слышали и о котором римляне того времени, вероятно, слышали так мало. Помпей, который был политическим детищем Суллы и надеждой патрициев, к которым он принадлежал, вернулся в Рим после различных побед, одержанных им в качестве проконсула на Востоке, одержал победу и осмелился воспользоваться почестями, распустив свою армию и приписав себе заслугу уединения. Времена были слишком суровыми для такого честного исполнения обязанностей, и Помпей на некоторое время обнаружил, что его партия пренебрегает им. Хотя он считал себя способным отказаться от власти, он не мог смириться с ее потерей. Возможно, он считал себя способным управлять городом благодаря своему влиянию без помощи своих легионов. Цезарь соблазнил его, и они вдвоем с Крассом, который был востребован из-за своего богатства, образовали первый триумвират. По такому договору между собой они должны были править всем Римом и всеми римскими провинциями; но, несомненно, благодаря внутренним решениям, о которых никто не знал, Цезарь уже тогда намеревался захватить власть над целым в свои собственные руки. В течение последующих лет, — лет, когда Цезарь был занят своими галльскими войнами, — Помпей оставался в Риме, на самом деле не как друг Цезаря — ибо этой пустой дружбе пришел конец из-за смерти Юлии, дочери Цезаря, на которой Помпей, хотя и был старше Цезаря на пять лет, женился, — а в нерешительном соперничестве с деятельным человеком, который в зарубежных войнах готовил легионы для завоевания Империи. Впоследствии, когда Цезарь, как мы услышим, перешел Рубикон, их вражда была объявлена. Естественно, что они были врагами. В зрелом возрасте Помпей, как мы видели, женился на дочери Цезаря, и второй женой Цезаря была Помпея.^[4] Но когда они были молоды и каждый стремился посвятить себя политике своей собственной партии, Помпей женился на невестке Суллы, а Цезарь женился на дочери Цинны, которая почти объединилась с Марием в

руководстве народной партией. Учитывая ту связь, которую они установили в молодости, было естественно, что Помпей и Цезарь были врагами, и что союз этих двоих с любым другим третьим членом триумvirата должен был быть всего лишь пустым компромиссом, спланированным и осуществленным только для того, чтобы выиграть время.

Цезарь был теперь консулом и со своего консульского кресла смеялся, презирая сенат и коллегу—аристократа, с которым он был связан, - Бибула, о котором мы снова услышим в "Комментарии к гражданской войне". В течение года своего правления он, кажется, правил почти безраздельно и почти единолично. Сенат был вынужден выполнять его приказы, и Помпей, по крайней мере в этом году, был его союзником. Мы уже знаем, что преторам и консулам после года их пребывания в должности в городе было доверено управление крупными провинциями Республики, и что эти должностные лица во время такого управления назывались пропреторами и проконсулами. После своего преторства Цезарь отправился на год в южную Испанию, провинцию, которая была ему поручена, откуда он вернулся с триумфом, но не для того, чтобы насладиться своим Триумфом. По истечении срока его консульства за ним были закреплены объединенные провинции Цизальпинская Галлия и Иллирия, но не на один год, а на пять лет; и к ним была добавлена Трансальпийская Галлия, по которой ему было дарованогосподство над всей той страной, которую мы теперь знаем как Северную Италию, над Иллирией на востоке и на западе за Альпами, над римской провинцией, уже основанной на юге Франции. Эта провинция, ограниченная на севере озером Леман и швейцарскими горами, простиралась на юг, к Средиземному морю, и к западной половине пересекала большой перешеек, соединяющий Испанию с европейским континентом. Эта провинция Трансальпийской Галлии уже была римской, и на цезаря была возложена задача защищать ее и сам Рим от ужасающей доблести галлов. Чтобы он мог это сделать, ему было необходимо собрать свои легионы в той другой Галлии, которую мы теперь знаем как север Италии.

Не похоже, что существовала какая-либо предвзятая идея о том, что цезарь должен подчинить всю Галлию римскому игу. До сих пор Рим боялся галлов и подвергался их набегам. Галлы в прежние годы даже проникали в качестве захватчиков в сам город, и их выкупали оттуда с большим выкупом. Они распространились по Северной Италии, и поэтому, когда Северная Италия была завоевана римским оружием, она стала провинцией под названием Цизальпинская Галлия. Затем, в течение ста лет, предшествовавших войнам Цезаря, на юге Франции постепенно была основана и расширена провинция, ядром которой был Марсель. Массилия была колонией греческих купцов, и ее поддерживал римский союз. К чему ведет такой союз, известно всем читателям истории. Греческая колония стала римским городом, а вокруг города раскинулась римская провинция. Долгом цезаря как губернатора Трансальпийской Галлии было следить за тем, чтобы бедная провинция не пострадала от этих опустошительных галлов. О том, как он выполнил этот долг, он рассказывает нам в своем первом комментарии.

В течение четвертого года его правления, когда Помпей и Красс, его коллеги по существовавшему тогда триумvirату, были консулами, срок его правления над тремя провинциями был продлен за счет добавления еще пяти лет. Но он не увидел конца этих десяти лет в этой сцене действия. Джулия, его дочь, умерла, и его главный соперник отдалился от него. Сенат требовал его отзыва, и Помпей с сомнением в голосе согласился, у него потребовали часть его армии, которая была отправлена им в Италию в знак повиновения сенату и вскоре после этого была передана под командование Помпея. Затем цезарь обнаружил, что

итальянская сторона Альп более удобна для его целей, что Ближняя, или Цизальпийская, Галлия нуждается в его услугах и что для него было бы хорошо находиться поближе к Рубикону. Второй комментарий в трех книгах, 'De Bello Civili', дает нам его отчет о гражданской войне, рассказывает нам о его деяниях и судьбе на следующие два года - 49 и 48 годы до н.э. Продолжение его карьеры генерала описано в трех других Комментариях, написанных не его рукой, на которые, поскольку они выходят за рамки этого тома, будет сделан лишь краткий намек. Затем наступил год власти, полный славы и, в целом, хорошо использованный; а после этого наступил конец, о котором так часто рассказывали, когда он пал, пронзенный друзьями и врагами, у подножия колонны Помпея в Капитолии.

Далее необходимо добавить лишь несколько слов о характере сочинений Цезаря, поскольку именно о его сочинениях, а не о его карьере здесь предполагается дать некоторое представление тем, у кого нет возможности их прочитать. Историю Цезаря вряд ли можно изложить в этом небольшом томе, ибо это история мира таким, каким он был тогда. Слово, которое наш автор выбрал в качестве названия для своего произведения, — и которое теперь стало так хорошо известно как связанное с Цезарем, что тот, кто использует его, кажется, говорит о Цезаре, — означает, в смысле Цезаря, Мемуары. Если бы не Цезарь, "Комментарий" был бы принят для обозначения того, что добавил критик, а не произведения, которое автор создал первым. "Комментарии" Цезаря - это мемуары, написанные им самим, описывающие его различные кампании, в которых он говорит о себе в третьем лице и рассказывает свою историю так, как ее мог бы рассказать какой-нибудь сопровождающий его писец или секретарь. Учитывая это, мы, конечно, вынуждены поинтересоваться, не мог ли какой-нибудь сопровождающий нас писец или секретарь на самом деле не выполнять эту работу. И, несомненно, есть один важный аргумент, который должен быть весомым для всех нас в пользу принятия такого предположения. Объем работы, которая была на плечах Цезаря не только в связи с его кампаниями, но и в ходе его политической карьеры, был настолько велик, что перегружал любой мозг без добавления литературного труда. Несомненно, ни один человек никогда так не трудился, ибо доктрина разделения труда тогда не преобладала в крупных делах так, как сейчас. Цезарь был не только полководцем; он был также инженером, астрономом, оратором, поэтом, верховным жрецом — для которого, как такового, хотя он сам, как нам сказали, не верил в богов Олимпа, сложная система римского богослужения была необходимым знанием. И он был политиком, о котором можно сказать, что, хотя он был близко знаком со свирепостью оппозиции, он ничего не знал о ее сравнительной праздности. У нас были занятые государственные деятели, писавшие книги, два премьер-министра переводили Гомера, еще один писал романы, четвертый известен как историк, драматург и биограф. Но они не руководили армиями так хорошо, как Палатами парламента, и иногда им улыбалась удача благодаря возможностям сравнительной политической отставки, которые предоставляет оппозиция. С начала Галльской войны Цезарь сражался лично каждый год, кроме одного, пока не умер. Только личным боем он мог добиться успеха. Читатель следующих страниц обнаружит, что, за единственным исключением осады Марсея, в его отсутствие для него не было сделано ничего выдающегося. И ему пришлось не только руководить своей армией, но и создавать ее. Легион за легионом, он должен был собирать их по мере необходимости, и собирать силой своего собственного характера и своего собственного имени. Ненормальная добыча, с помощью которой было необходимо привлечь его солдат к ненормальной доблести и тяжелому труду, должна была быть получена как бы из его собственных рук. Он нес ответственность за каждую деталь солдатской работы; и в то же время на нем лежала обязанность так

манипулировать своими римскими врагами в Риме — и, что еще труднее, своими римскими друзьями, — чтобы на него как на политика не обрушились смуты и разрушения. Мог ли он, будучи таким взвешенным, написать свои собственные Комментарии? Есть основания полагать, что он собрал, без сомнения, с помощью своих секретарей, большое количество заметок, которые были известны как Эфемериды Цезаря, — записей, которые, можно сказать, делались изо дня в день. Не были ли Комментарии, носящие имя Цезаря, составлены на основе этих заметок каким-нибудь ученым и хитроумным секретарем?

Эти заметки вызвали бурю схоластического гнева у некоторых редакторов и критиков. Один ученый немец, горячо доказывающий, что цезарь не писал Эфемерид, допускает, что кто-то должен был записать размеры путешествий, гор и рек, а также количество пленников и рабов.^[5] “Даже я, — говорит он, — даже я не верю, что цезарь был способен просто сохранить все эти вещи в своей памяти”. Затем он продолжает утверждать, что с ведением таких записей мог справиться любой писец; и что маловероятно, чтобы цезарь мог найти время для ведения записей, находясь абсолютно в своем шатре. Возмущение и энтузиазм комичны, но рассуждения кажутся убедительными. Заметки, вероятно, были собраны непосредственно под наблюдением цезаря его секретарями; но есть достаточно свидетельств того, что сами Комментарии являются работой самого цезаря. Они, по-видимому, сразу стали известны образованным римлянам того времени; и Цицерон, который был, вероятно, самым образованным и, безусловно, лучшим критиком того времени, говорит о них без каких-либо сомнений относительно их авторства. Сразу стало известно, что первые семь книг “Галльской войны” были написаны Цезарем, а восьмая — нет. Это кажется убедительным. Но в дополнение к этому есть внутренние свидетельства. Цезарь пишет в третьем лице и очень тщательно придерживается этого способа выражения. Но он не настолько осторожен, чтобы в трех или четырех случаях не забыть и не говорить от первого лица. Ни один другой писатель, пишущий для Цезаря, не сделал бы этого. И в манере повествования есть определенные мелочи, которые, должно быть, были личными для этого человека. Он пишет о “молодом” Крассе и “молодом” Бруте так, как не написал бы ни один писец; и он показывает, во-первых, свою собственную гордость за то, что получил легион благодаря дружбе Помпея, а затем свое безмерное отвращение, когда Сенат требует и получает от него этот легион и еще один, и когда Помпей использует их против себя таким образом, что можно было бы далеко зайти, чтобы доказать подлинность каждого комментария, если бы потребовались какие-либо доказательства. Но для этого достаточно согласия современников Цезаря и без других доказательств.

И похоже, что они были написаны во время войны и что каждая из них была опубликована сразу. Если бы это было не так, мы не могли бы понять, почему Цезарь должен был начать второй комментарий до того, как закончил первый. Похоже, что срочность Гражданской войны помешала ему написать то, что вместе с ним стало бы двумя последними книгами о Галльской войне, и поэтому он передал завершение этой работы в руки своего друга Гирция, который написал воспоминания о двух годах в одной книге. И манера Цезаря говорить о людях, которые когда-то были его друзьями, а затем врагами, показывает, что его первый Комментарий был завершен и вышел из-под контроля раньше, чем был написан второй. Лабиен, который во время Галльской войны был самым доверенным помощником Цезаря, перешел на другую сторону и служил под началом Помпея в Гражданской войне. Он не мог бы не каким-либо образом намекнуть на дезертирство Лабиена в первом Комментарие, если бы Лабиен оставил его и присоединился к Помпею, когда первый комментарий все еще был у него в руках.

Его стиль сразу же был признан великим литературным критиком того времени как превосходно соответствующий своему назначению. Цезарь явно не стремится к литературным достижениям, но очень стремится донести до своих читателей рассказ о своих собственных деяниях, который должен быть наглядным, кратким, доходчивым и достаточно хорошо выраженным, чтобы привлечь внимание читателей. Цицерон, великий критик, так отзывается о Комментариях: “*Valde quidam, inquam, probandos; nudi enim sunt, recti, et venusti, omni ornatu orationis, tanquam veste, detracto*”. Этот отрывок легко понять, но, возможно, не очень легко перевести на английский. “Я действительно считаю их весьма похвальными, ибо они просты, прямолинейны, приятны, с них снято все риторическое убранство, как снимают одежду”. Это было написано Цицероном, когда Цезарь был еще жив, как показывает контекст. И Цицерон не имеет в виду, что писания Цезаря безвкусны или неотесанны: слово “*venusti*” свидетельствует об этом. И снова, говоря о языке цезаря, Цицерон говорит, что Цезарь говорил с более законченным подбором слов, чем почти любой другой оратор того времени. И если он так говорил, то, несомненно, так и писал, ибо все великие речи римлян были письменными произведениями. Монтень говорит о Цезаре: “Я читаю этого автора с несколько большим почтением, чем обычно позволяется человеческим произведениям, рассматривая его личность, его действия и чудесное величие, а другой - чистоту и неподражаемый лоск его языка и стиля, в которых он не только превосходит всех других историков, как признается Цицерон, но, возможно, даже самого Цицерона”. Цицерон, однако, не признает ничего подобного, а Монтень глубоко ошибается. Цезарь был большим любимцем Монтень, который всегда говорит о своем герое с пылким энтузиазмом.

Для нас, которые любят делать наш язык понятным с помощью количества используемых слов и которые при написании редко уделяют себе время на обобщение, сжатый стиль “Цезаря” поначалу несколько сложен для понимания. Его можно читать только медленно, пока ум читателя практикой не приучится к цезаревым выражениям, и то не быстро. Три или четыре прилагательных или, что более вероятно, причастия, соединенные с существительными в предложении, постоянно предназначены для передачи объема информации, для которой у нас использовались бы три или четыре других отдельных предложения. Почти невозможно передать значение слова “Цезарь” по-английски, не используя втрое больше слов, чем он использует. То же самое можно сказать о многих латинских писателях, а может быть, и обо всех; так велика была склонность римлян к сгущению, и так велика наша склонность к разбавлению. Но в “Цезаре”, хотя каждое слово имеет большое значение, в одном предложении часто много слов, и читатель вскоре вынужден признать, что о пропуске речи не может быть и речи, а быстрое чтение нежелательно.

Что больше всего поразит рядового английского читателя в повествовании о Цезаре, так это жестокость римлян, жестокость, в которой сам Цезарь повинен в ужасающей степени и по поводу которой он никогда не выражает ужаса. И все же среди своих современников он приобрел репутацию человека милосердного, которую сохранил до наших дней. Описывая характер цезаря, не ссылаясь на его современников, невозможно не признать, что он был ужасно жесток. Из кровожадности он никого не убил, но и из нежности никого не пощадил. Все делалось из политики; и когда политика, как ему казалось, требовала крови, он мог без зазрения совести — насколько мы можем судить, без угрызений совести — приказывать уничтожать людей, не обращая внимания на количество, пол, возраст, невинность или беспомощность. Наше единственное оправдание для него - это то, что он был римлянином, а римляне были равнодушны к крови. Самоубийство было для них обычным способом избежать

неизбежного в противном случае несчастья, и было естественно, что люди, которые относились легкомысленно к своей собственной жизни, должны также относиться легкомысленно к жизням других. Из всех тех, с именами которых читатель познакомится на следующих страницах, едва ли один или двое умерли в своих постелях. Цезарь и Помпей, два великих человека, были убиты. Думнорикс, эдуанец, был убит по приказу цезаря. Верцингеторикса, доблестнейшего из галлов, долгие годы сохраняли в живых, чтобы его смерть могла украсить Триумф цезаря. Германец Ариовист сбежал от цезаря, но вскоре после этого мы узнаем о его смерти и о том, что германцы были возмущены этим. Он, несомненно, был убит римским оружием. Что стало с преследуемым Амбиориксом, мы не знаем, но его брат, король Кативолк, отравился соком тисового дерева. Красс, партнер Цезаря и Помпея в первом триумвирате, был убит парфянами. Юный Красс, сын, офицер Цезаря в Галлии, был убит своими же людьми, чтобы не попасть в руки парфян, а его голова была отрублена и отправлена отцу. Лабиен пал при Мунде, во время последней гражданской войны в Испании. Квинт Цицерон, наместник Цезаря, его старший брат, оратор, и его сын погибли во время проскрипций второго триумвирата. Титурий и Котта были перебиты Амбиориксом со всей их армией. Афраний был убит солдатами Цезаря после последней битвы в Африке. Петрей был разрублен на куски в дружеском поединке королем Джубой. Варрон действительно дожил до старости и написал много книг. Домиций, защищавший Марсель от имени Помпея, был убит во время бегства после Фарсалии. Требоний, атаковавший Марсель по суше, был убит зятем Цицерона в Смирне. Дециму Бруту, напавшему на Марсель с моря, некто Камилл отрубил голову и послал ее в подарок Антонию. Курион, пытавшийся овладеть провинцией Африка от имени цезаря, бросился под мечи своего врага и был убит. Царь Джуба, покоривший его, не сумев покончить с собой, приказал рабу убить себя. Аттий Вар, который удерживал провинцию за Помпея, впоследствии пал при Мунде. Марк Антоний, старший лейтенант Цезаря в Фарсалийских войнах, зарезал себя. Кассий Лонгин, другой лейтенант при Цезаре, утонул. Сципион, партнер Помпея по величию в Фарсалии, покончил с собой в Африке. Бибул, его главный адмирал, тосковал до смерти. Юный Птолемей, к которому бежал Помпей, утонул в Ниле. Судьба его сестры Клеопатры известна всему миру. Фарнак, враг Цезаря в Азии, пал в битве. Катон покончил с собой в Утике. Старший сын Помпея, Кней, был пойман раненым в Испании и убит. Секст младший был убит несколько лет спустя одним из солдат Антония. Брут и Кассий, два великих заговорщика, оба покончили с собой. Но об этих двоих мы почти ничего не слышим в Комментариях; равно как и об Августе Цезаре, который умудрился выжить, несмотря на все кровопролитие, через которое он пробирался к трону. Среди всего этого числа есть не более трех, если не больше, тех, кто честно погиб в бою.

Приведенный выше список представляет собой список имен выдающихся людей — главным образом воинов, людей, которые с открытыми глазами, зная, что их ждет, выходили навстречу опасности с определенными целями. Кровавый каталог настолько полон, так близко включает в себя всех, чьи имена упомянуты, что он повергает читателя в почти комический ужас. Но когда мы переходим к истреблению целых городов, к опустошению страны, произведенному намеренно, чтобы мужчины и женщины могли умереть с голоду, к оставлению старых, молодых и нежных, чтобы они могли погибнуть на склонах холмов, к увечью толп людей, к сожжению городов, о которых нам рассказали вскользь, к утоплению многих тысяч, — упомянутому так же, как мы должны упомянуть уничтожение выводка крыс, — комедия заканчивается, и сердце заболевает. Затем мы вспоминаем, что пришествие Христа изменило все, и что люди сейчас, — хотя с тех пор, как Христос пришел к нам, совершались ужасные вещи, — не такие, какими были люди во дни Цезаря.

ГЛАВА II.

ПЕРВАЯ КНИГА ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ.—ЦЕЗАРЬ ИЗГОНЯЕТ СНАЧАЛА ШВЕЙЦАРЦЕВ, А ЗАТЕМ ГЕРМАНЦЕВ ИЗ ГАЛЛИИ.—58 г. до н.э.

В предыдущей главе было отмечено, что Цезарь, по-видимому, не получал никаких поручений по покорению Галлии, когда принимал военное руководство тремя своими провинциями. Галлов все еще боялись в Риме, и его долгом было проследить, чтобы они не перебрались через Альпы на римскую территорию. Его долгом было также защитить от вторжения, а также от восстания ту часть Галлии, которая уже была образована римской провинцией, но в которой симпатии народа все еще были скорее на стороне их старых братьев, чем на стороне их новых хозяев. Однако опыт, который мы имеем с великими и вторгающимися империями, говорит нам, насколько вероятно, что защита того, что уже принадлежит сильному, приведет к захвату большего, пока, наконец, все не будет захвачено. Именно так выросла наша собственная империя в Индии. Именно так выросла испанская империя в Америке. Именно так сейчас растет империя Соединенных Штатов. Именно таким образом Пруссия, движимая, как мы все помним, необходимостью самосохранения, на днях захватила Нассау, а также Ганновер, Гольштейн и Гессен. Именно таким образом волк захватил всю реку, не будучи в состоянии вынести посягнувшего ягненка. Гуманный читатель истории, читая, проклинает жестокого, всепоглощающего, прожорливого волка. Но читатель-философ понимает, что именно таким образом, и никаким другим, цивилизация переносится в далекие страны. Волк, хотя он и прожорливый волк, приносит с собой энергию и знания.

Каковы могли быть собственные устремления цезаря в отношении Галлии, когда ему было доверено управление провинциями, мы не имеем возможности узнать. Мы можем предположить, — на самом деле мы чувствуем, что знаем, — что у него в руках был проект, гораздо более важный для него, с его точки зрения результата, чем присоединение какой-либо новой провинции к Республике, пусть даже добавленная территория будет такой же широкой, как вся Галлия. Он достаточно посмотрелся на римскую политику, чтобы понимать, что реальная власть в Риме может принадлежать только командиру легионов. И Марий, и Сулла одержали победу в городе с помощью армий, которые они набрали как доверенные генералы Республики. Помпей обучил свою армию завоеваниям на Востоке, и ожидалось, что он также использует ее с той же целью. Он был великодушен, или нерешителен, или неосмотрителен, в зависимости от того, как критики его поведения могли судить его тогда и могут судить сейчас, и, достигнув Италии с Востока, распустил свои легионы. Как следствие, в тот момент, когда цезарь смотрел в будущее и готовился к своей карьере, он хотел добиться некоторого влияния в городе, заключив тайный договор с Цезарем, своим заклятым врагом, и с Крассом. Цезарь, видя все это, зная, как Марий и Сулла преуспели и потерпели неудачу, видя, к чему привело великодушие Помпея, без сомнения, решил, что, какими бы ни были войны, в которых им предстояло участвовать, он подготовит легионы под своим командованием. Поэтому, когда он впервые нашел повод для войны, он был готов к войне. Не успел он долго побыть проконсулом, как появился злой ягненок и напился из его ручья.

Описывая нам способ, которым он завоевывал ягненка за ягненком по всей стране, которую он называет Галлией, он почти ничего не рассказывает нам о себе. О своих собственных политических идеях, о своих собственных амбициях, даже о своих действиях в Италии в те

зимние месяцы, которые он обычно проводил на римской стороне Альп, оставив свою армию на зимних квартирах под командованием своих лейтенантов, он говорит всего лишь несколько слов. Его послужной список - это просто отчет о кампаниях; и хотя он время от времени говорит о достоинстве Республики, он вряд ли когда-либо настолько отклонялся от повествования, чтобы дать читателю какое-либо представление о мотивах, которыми он руководствовался. Единственный раз в этих семи воспоминаниях о семилетних боях в Галлии он ссылается на мотив, абсолютно личный для него самого. Когда ему удалось перебить четвертую часть эмигрировавших швейцарцев, что было его первым военным успехом в Галлии, он говорит нам, что тогда он отомстил за нанесенный ему ущерб, а также за ущерб Республике, потому что дед его тестя в прежних войнах был убит тем самым племенем, которое он только что уничтожил!

Следует также отметить, что он намеренно не говорит от первого лица, и что когда он делает это, то в какой-то момент, когда личность случайна и совершенно тривиальна. Он говорит не о "я" и "меня", а о Цезаре, как будто он, Цезарь, написавший Комментарий, не был тем цезарем, о котором он пишет. Нередко он сильно хвалит себя; но как в его тоне нет смирения, так и гордости нет, даже когда он хвалит себя. Кажется, он никогда не хвастается, хотя и рассказывает нам о своих собственных подвигах, как и о подвигах своих генералов и центурионов. Без всякой застенчивости он время от времени сообщает нам, как по окончании той или иной кампании в Риме, после получения новостей, было объявлено о "молебне", или публичном празднестве и благодарении за его победы, которое должно было длиться пятнадцать или двадцать дней, в зависимости от обстоятельств.

О своих трудностях дома, политических трудностях, с которыми ему приходилось бороться, он не говорит ни слова. И все же временами они, должно быть, были очень мучительными. Из других источников мы слышим, что во время этих войн в Галлии его поведение было жестоко осуждено в Риме, поскольку он с предельной жестокостью нападал и сокрушал государства, которые, как предполагалось, были в дружеских отношениях с Римом, и что однажды даже предлагалось выдать его врагу в наказание за тяжкое предательство по отношению к врагу. Если бы это было так решено римским сенатом, — если бы такой закон был принят, — потребовалась бы власть для приведения закона в исполнение. Было легче удовлетворить "мольбу" на двадцать дней, чем остановить его карьеру после того, как его узнали легионы.

Цезарь также не слишком много говорит о своих стратегических трудностях; хотя время от времени, особенно когда его корабли терпят крушение у берегов Британии, и снова, когда железная его пята так сокрушает галлов, что они все как один поворачиваются против него под командованием Верцингеторикса, читателю позволено видеть, что на него давят достаточно сильно. Но это его правило - рассказывать о том, что он собирается сделать, о том, как он это делает, и о полноте результата как можно меньшим количеством слов. Если бы любой изучающий боевую литературу прочитал сначала семь книг "Галльской войны" Цезаря, а затем первые четыре тома "Вторжения в Крым" мистера Кинглейка, он смог бы сравнить два самых замечательных примера ловкого употребления слов, в первом из которых повествование изложено с предельно возможной краткостью, а во втором - почти с предельно возможной растянутостью. И все же каждое повествование одинаково ясно, и каждое в равной степени отличается столь превосходным расположением слов, что читатель вынужден признать, что история рассказана ему великим мастером.

Восхваляя других - своих лейтенантов, своих солдат, а иногда и своих врагов, — Цезарь часто полон энтузиазма, хотя похвала выражается одним—двумя словами, возможно, просто в эпитете, добавленном специально для этой цели к предложению, задуманному с совершенно иной целью. Он очень скуп на упреки; настолько, что почти кажется, что он рассматривал определенные несовершенства, даже в том, что касается веры, а также доблести или благоразумия, как необходимые для человечества и простительные из-за их необходимости. Он может рассказать о полном уничтожении легиона из-за глупости и, возможно, трусости одного из своих лейтенантов, не обрушив ни слова упрека на имя несчастного. Он может рассказать, как облюбованное племя снова и снова отступало от своей веры, не выражая гнева по поводу их неверия, и может объяснить, как они были — с трудом прощены, но снова приняты как друзья, — потому что ему было выгодно так обращаться с ними. Но опять же, он может рассказать нам, по-видимому, даже не взмахнув пером, как он мог посвятить разрушению город со всеми его женщинами и всеми его детьми, чтобы другие города знали, что их ждет, если они не уступят и не подчинятся и не станут вассалами богоподобного героя, в руки которого Провидение отдало их жизни и имущество.

Похоже, что Цезарь никогда не переставал верить в себя. Он слишком прост в формулировках и слишком осознает свое личное достоинство, чтобы утверждать, что его никогда не обижали. Но сама его простота, кажется, дает уверенность в том, что таковым в конечном счете не может быть результат ни одной кампании, в которой он участвует. Кажется, он подразумевает, что победа сопутствует ему настолько неизбежно, что в любом случае было бы бесполезно обсуждать ее вероятность. Он никого не боялся и поэтому вызывал благоговейный трепет у других. Он мог встретиться лицом к лицу со своими собственными легионами, когда они не подчинялись его призыву к оружию, и одним словом принудить их к повиновению. Лукан, хорошо понимая его характер, говорит о нем, что “он заслуживал того, чтобы его боялись, потому что он ничего не боялся”; “meruitque timeri Nil metuens”. Он пишет о себе так, как мы могли бы себе представить, написал бы какой-нибудь бог, который знал, что его божественная цель, конечно же, должна восторжествовать, и который поэтому никогда не стал бы испытывать сомнений. В Цезаре всегда присутствует эта богоподобная простота, которая делает его “Veni, vidi, vici” естественным выражением его ума относительно собственного образа действий. То же самое чувствуется в очень многочисленных, но очень кратких записях о наказаниях, которые он наложил. Города опустошаются, так сказать, по мановению его руки, но он едва ли соизволяет сказать, что его собственной рукой хотя бы помахали. Он рассказывает нам об одном Акко, который выступал против него, что “Graviore sententia pronunciata”, — как будто были присяжные, чтобы вынести этот суровый приговор, который на самом деле был вынесен только им самим, цезарем, — он назначил ему наказание “more majorum”. Мы узнаем из других источников, что это наказание состояло в том, что его раздели догола, зацепили за шею расщепленной палкой, а затем выпороли до смерти. В следующих словах, сообщив нам в половине предложения, что из-за него в стране стало слишком жарко, чтобы содержать беглых сообщников замученного вождя, он переходит в Италию величественной поступью человека, слишком великого, чтобы долго останавливаться на этих мелких, но неприятных деталях. И мы чувствуем, что он слишком велик.

Уже говорилось, что великий волк-проконсул вскоре услышал, что ягненок спустился напиться из его ручья. Гельветы, или швейцарцы, как мы их называем, — те племена, которые жили на озере Леман и среди холмов и долин к северу от озера, — решили, что они населяют всего лишь бедную страну и что они могли бы значительно улучшить свое положение, покинув свои горы и

отправившись в какую-нибудь часть Галлии, где они могли бы оказаться сильнее существующих племен и завладеть плодородием этой земли. При этом им проще всего было бы покинуть свою страну по реке Рона, где она сейчас протекает через Женеву во Францию. Но, следуя этим маршрутом, швейцарцы были бы вынуждены миновать уголок римской провинции. Здесь был случай, когда агнец с удвоенной силой взбаламутил воды. Когда цезарю сообщили, что швейцарцы намереваются “*facere iter per Provinciam nostram*” — “совершить путешествие через нашу Провинцию”, — он поспешил через Альпы в Галлию и прибыл в Женеву так быстро, как только мог.

Свою первую книгу он начинает с географического определения Галлии, которое, без сомнения, вряд ли было точным, но которое дает нам исключительно ясное представление о том, что хотел передать Цезарь. Говоря о Галлии, он намеревается обозначить всю страну от впадения Рейна в океан до Пиренеев, а затем на восток до Роны, до швейцарских гор и границ Римской провинции. Он делит ее на три части, сообщая нам, что бельгийцы населяли часть к северу от Сены и Марны, народ Аквитании - часть к югу от Гаронны, а галлы или кельты - промежуточную территорию. Описав до сих пор сцену своего поступка, он сразу же переходит к ужасному греху швейцарских эмигрантов, желающих проехать через “нашу Провинцию”.

У него всего один легион в Дальней Галлии, то есть в римской провинции по другую сторону Альп от Рима; и поэтому, когда к нему приходят послы от швейцарцев, прося разрешения пройти через этот край земли и обещая, что они не причинят вреда при своем переходе, он тянет с ними время. Он не может дать им ответ прямо сейчас, но должен подумать об этом. Они должны вернуться к нему к определенному дню, когда у него будет больше готовых солдат. Конечно, он отказывается. Швейцарцы предпринимают какую-то слабую попытку, но вскоре вотчаянии бросают это дело. Есть еще один способ, которым они могут выбраться из своих гор, — через территорию народа, называемого секвани; и за это они получают разрешение. Но цезарь знает, как вредны будут швейцарские ягнята для него и его волков, если им удастся проникнуть на задворки его провинции, той римской провинции, которая оставила название Прованс в современной Франции до тех пор, пока Франция не отказалась больше делиться на провинции. Более того, некие друзья Римской республики, называемые эдуями, пригласили его приехать и остановить этих грубых швейцарских путешественников. Он всегда готов помочь эдуям, хотя эти эдуи непостоянный народ, а он, прежде всего, хочет начать войну. Итак, он заходит швейцарцам в тыл, когда три части людей перешли реку Арар (Сон), а одна часть все еще отстает. На это самое отдаленное племя, — ибо все несчастные были из одного племени или горного кантона, — он нападает и полностью уничтожает; и по этому случаю поздравляет себя с тем, что отомстил убийцам деда своего тестя.

В истории не может быть ничего более замечательного, чем эта история о попытке эмиграции гельветов, которую Цезарь рассказывает нам без всякого удивления. Весь народ решил, что, поскольку их границы были узкими, их численность увеличивалась, а храбрость возрастала, они уйдут — мужчины, женщины и дети — и будут искать другие дома. Мы постоянно читаем об эмиграциях людей — о норманнах с севера, населяющих южные равнины, о датчанах и юттах, вторгающихся в Британию, о людях из Скандинавии, спускающихся за Рейн, и тому подобном. Мы знаем, что таким образом мир стал населенным. Но обычно мы представляем себе толпу воинов, идущих вперед и оставляющих позади свои дома и друзей, к которым они могут вернуться, а могут и не вернуться. Этим швейцарским скитальцам не было возврата. Все, что они не могли взять с собой, они уничтожали, сжигая свои дома и даже кукурузу, чтобы не было

возможности повернуть их вспять. Они действительно добиваются значительного прогресса, заходя во Францию до Отена, — по крайней мере, три четверти из них заходят так далеко; но недалеко от этого места они вступают в бой с Цезарем, который опережает их на холме. Престиж римлян еще не утвердился в этих краях, и швейцарцы почти полностью воспользовались им. Цезарь признает, как он не признавался выше ни разу или дважды, что битва между ними была очень долгой и долгое время оставалась весьма сомнительной. Но в конце концов бедных гельветов загоняют на бойню. Цезарь, однако, не довольствуется тем, что они просто бегут. Он загоняет их обратно на их старую территорию — в их сожженные дома и опустошенные поля, — чтобы какие-нибудь немцы не пришли и не поселились там, не вызвав недовольства. И они возвращаются; по крайней мере, возвращаются те, кто не погиб в этом приключении. С большой долей точности Цезарь сообщает нам, что в экспедиции участвовало 368 000 человек, и что 110 000, или менее трети, нашли дорогу обратно. Из тех, кто погиб, многие гекатомбы были принесены в жертву тени деда его тестя.

После этого галлы начинают понимать, каким великим человеком является цезарь. Он рассказывает нам, что не успела закончиться война со швейцарцами, как почти все племена Галлии прислали поздравить его. И одно особое племя, эдуи, — о которых мы много слышим и которые нам никогда не нравились, потому что они решительно настроены против галликан во всех своих действиях, пока не решат, что цезарь действительно в беде, и тогда они обратятся против него, — должны просить его о великой милости. Два племени — эдуи, чье название, по-видимому, не оставило следа во Франции, и арверны, которых мы все еще знаем в Оверни, — долгое время боролись за превосходство; после чего арверны и их друзья секвани призвали на помощь некоторых немцев из-за Рейна. Тогда у эдуев все пошло плохо. И теперь один из их царей по имени Дивитиакс умоляет Цезаря о помощи. Не будет ли цезарь достаточно любезен, чтобы изгнать этих ужасных германцев, вернуть заложников, освободить их от обременительного владычества и немного привести все в порядок? И действительно, не только эдуи пострадали от этих германцев и их царя Ариовиста; еще хуже обстоят дела с секванами, которые призвали их к себе. Фактически, Ариовист был невыносимой помехой для этой восточной части Галлии. Будет ли цезарь настолько любезен, чтобы выгнать его? Цезарь соглашается, и тогда нам приходит на ум другая маленькая басня — о молитве, с которой лошадь обратилась к человеку о помощи в его схватке с оленем, и о том, как человек сел на лошадь и больше никогда не слезал. Цезарь не замедлил вскочить в седло и, оказавшись в нем, конечно же, не собирался покидать его.

Цезарь рассказывает нам о причинах, побудивших его взяться за это поручение. Римский сенат часто называл эдуев “братьями” и “кузенами”, и было неуместно, чтобы люди, удостоившиеся такой чести, находились под властью германцев. И тогда, если этих мародерствующих немцев не удастся остановить, у них войдет в привычку перебираться через Рейн и, в конце концов, они смогут проникнуть в Провинцию, а по этому маршруту - в саму Италию. И сам Ариовист был настолько самонадеянным человеком, что это должно было прекратиться. Итак, цезарь отправляет послов к Ариовисту и приглашает варвара на встречу. Варвар не придет на встречу. Если бы он хотел увидеть римлянина, он бы пошел к римлянину: если римлянин хочет его видеть, римлянин может прийти к нему. Таков ответ Ариовиста. Послы проходят между ними, и возникает много споров, в которых преимущество принадлежит варвару. Цезарь, со своей богоподобной простотой, пренебрегает тем, чтобы не дать варвару воспользоваться своей логикой. Ариовист напоминает цезарю, что римляне имели обыкновение управлять завоеванными ими племенами по своему усмотрению, без вмешательства с его стороны,

Ариовиста; и что германцы претендуют на то же право и намерены им воспользоваться. Далее он говорит, что вполне готов жить в дружбе с римлянами; но будет ли цезарь достаточно любезен, чтобы помнить, что германцы - это народ, непобедимый в войне, обученный владению оружием, и насколько он может судить, когда ему скажут, что в течение четырнадцати лет они не спали под крышей? Тем временем другие галлы жаловались и умоляли о помощи. Тревири, жители страны, где сейчас находится Трев, подвергаются преследованиям со стороны ужасных желтоволосых свевов, которые в это время, по-видимому, владели почти всей Пруссией в том виде, в каком она сейчас существует по ту сторону Рейна, и у которых было такое же желание двинуться на запад, какое с тех пор проявляют пруссаки. И народ под названием харуды с Дуная тоже преследует бедных эдуев. Цезарь, глядя на все это, видит, что, если он не поторопится, северные и южные германцы могут объединить свои силы. Он собирает свой комиссариат и очень быстро налетает на Ариовиста.

На протяжении всех своих кампаний цезарь, как и впоследствии Наполеон, совершал все быстро. Он не читает нам проповедей на эту тему, не удостаивает нас рассуждениями о ценности посыльного на войне, но постоянно говорит нам, что он двигал всю свою армию *"magnis iterinibus"* — очень быстрыми маршами; что он продолжал свою работу день и ночь и принял меры предосторожности *"magno opere"* — с большим трудом и всей своей осторожностью, — чтобы быть впереди врага. В данном случае Ариовист пытается добраться до некоего городка бедных секванов, называвшегося тогда Везонтио, ныне известного нам как Безансон, — то же название, но сильно измененное. Он представлял собой холм, или естественную крепость, почти окруженную рекой, или естественным рвом. По словам Цезаря, ничто так не полезно на войне, как обладание таким естественным укрепленным местом. Поэтому он спешит дальше, опережает Ариовиста и занимает город. Читатель уже начинает чувствовать, что Цезарю предначертан божественный успех. Читатель действительно знает это заранее и не ожидает для цезаря ничего худшего, чем бегство на волосок от гибели. Но сами римляне еще не питали к нему такого доверия. В Везонтио ему сообщают, что его люди ужасно боятся немцев. Так оно, без сомнения, и было. Эти римляне, хотя благодаря военному искусству из них вышли отличные солдаты, — хотя они были обучены восточным завоеваниям и Пуническим войнам, а также вторжениям во все окружающие их народы, — тем не менее, до сего дня сильно боялись даже галлов. Приход галлов в Италию был для них источником ужаса еще со времен Бренна. А германцы были хуже галлов. Хвастовство Ариовиста о том, что его люди никогда не спали под крышей, не было тщеславным или бесполезным. Это были ужасные, лохматые, желтоволосые люди, блеск глаз которых вряд ли мог быть вынесен итальянцем. Страх был настолько велик, что солдаты *"иногда не могли удержаться даже от слез"* — *"neque interdum lacrimas tenere poterant"*. Когда мы вспоминаем, во что превратились эти люди после того, как пробыли некоторое время у Цезаря, их благоговейный трепет перед немцами кажется нам почти комичным. И это напоминает нам о том, что итальянцы тех дней были, как и сейчас, более склонны проявлять внешние признаки эмоций, чем считается приличным для мужчин в более северных краях. Мы с трудом можем представить себе, что солдаты плачут от страха. Центурионы говорят цезарю, что это чувство настолько велико, что люди, вероятно, откажутся взять в руки оружие, когда их призовут выйти и сражаться; после чего он обращается ко всем своим капитанам и лейтенантам с речью, полной хвастовства, презрения, полной, без сомнения, лжи, но используя толику правды всякий раз, когда правда может ему помочь. Мы знаем, что среди других великих даров Цезарь обладал даром убеждения. С его языка также, как и с языка Нестора, могли слетать *"слова слаще меда"* - или острее стали. Во всяком случае,

если другие не последуют за ним, он знает, что его десятый легион будет верен ему. Он пойдет вперед с этим единственным легионом, — если потребуется, с этим легионом настоящих солдат, и ни с кем другим. Хотя он работал совсем недолго, у него уже были свои отборные люди, своя гвардия, свои любимые полки, свой десятый легион; и он хорошо знал, как использовать их превосходство и доблесть для воспитания этих добродетелей в других.

Затем Ариовист отправляет послов и заявляет, что теперь он готов встретиться с цезарем. Пусть они встретятся на определенной равнине, каждый со своей кавалерийской охраной. Ариовист предполагает, что пехотинцы могут быть опасны, зная, что пехотинцами Цезаря будут римляне, а его кавалерией - галлы. Цезарь соглашается, но берет людей из своего собственного десятого легиона верхом на лошадях менее надежных союзников. Отчеты об этих встречах и аргументы, которые, как нам говорят, используются с той или иной стороны, очень интересны. Мы обязаны помнить, что Цезарь рассказывает историю от имени обеих сторон, но мы чувствуем, что он пытается рассказать ее честно. Ариовисту было очень мало что сказать в ответ на требования цезаря, но он мог многое рассказать о своих собственных подвигах. Встреча, однако, была прервана нападением германцев на конную гвардию Цезаря, и Цезарь отступает - однако не раньше, чем он объяснит Ариовисту свою грандиозную идею о защите, которой Рим обязан своим союзникам. Затем Ариовист предлагает другую встречу, на которой цезарь отказывается присутствовать, отправляя, однако, определенных послов. Ариовист сразу же заковывает послов в цепи, и тогда ему не остается ничего, кроме драки.

Подробности всех этих сражений не могут быть изложены в наших кратких рамках, и в этой битве нет ничего особенного, что побудило бы нас остановиться на ней подробнее. Цезарь описывает нам, как германская кавалерия и пехота сражались вместе, пехотинцы выдвигались из средивсадников, а затем возвращались для защиты. Его собственные люди сражаются хорошо, и немцы, несмотря на их сверкающие глаза, отчаянно бегут обратно к Рейну. Ариовисту удастся перебраться через реку и спастись самому, но ему приходится оставить двух своих дочерей и двух жен. Две жены и одна из дочерей убиты; другая дочь взята в плен. Цезарь отправил в качестве одного из своих послов к германцам своего близкого друга, который, как мы слышали ранее, был вместе со своим товарищем немедленно закован в цепи. Во время полета этот посол был восстановлен. Что, действительно, доставило цезарю не меньшее удовлетворение, чем сама победа, — он увидел, что один из честнейших людей провинции Галлия, его близкий друг и гость, спасен из рук его врагов и возвращен ему. И никакое несчастье, постигшее этого человека, не уменьшило этого удовлетворения. Трижды, как он сам рассказывал, в его собственном присутствии по жребию решалось, следует ли его сжечь заживо или приберечь для другого раза”. Итак, Цезарь рассказывает эту историю, и нам нравится его энтузиазм, и мы рады слышать, что товарищ посол тоже вернулся.

Желтоволосые свевы, услышав обо всем этом, воздерживаются от вторжения на нижний Рейн и спешат вернуться в свою страну, не без несчастий по дороге. Имя цезаря уже настолько велико, что племена, действующие как бы на его стороне, осмеливаются нападать даже на свевов. Затем, в своем стиле “*Veni, vidi, vici*”, он сообщает нам, что, завершив за одно лето две войны, он может перевести свою армию на зимние квартиры даже раньше необходимого срока, чтобы сам отправиться в другую Галлию через Альпы — “*ad conventus agendos*” — провести что-то

вроде сессии или судебных заседаний для правительства своей провинции, и особенно набрать больше солдат.

ГЛАВА III.

ВТОРАЯ КНИГА ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ.—ЦЕЗАРЬ ПОКОРЯЕТ БЕЛЬГИЙСКИЕ ПЛЕМЕНА.—57 г. до н.э.

Человек забрался на спину лошади, но у лошади было много неприятных врагов, в нападении на которых человек мог быть очень полезен, и поэтому лошадь пока не стремилась сбросить своего всадника. Не будет ли цезарь настолько добр, чтобы отправиться покорять бельгийские племена? Цезарь не замедлит найти причины для этого. Бельгийцы составляют заговор против него. Они думают, что, поскольку вся Галлия покорена — или “умиротворена”, как называет это цезарь, — римский завоеватель, несомненно, обрушит на них свою доблесть и что им лучше быть готовыми. Цезарь предполагает, что они, без сомнения, сочли бы большой обидой то, что римская армия всю зиму оставалась так близко от них. Таким образом, руководствуясь этими соображениями, бельгийские ягнята очень печально беспокоят ручей, и волку приходится следить за этим. Он собирает еще два легиона и, как только земля дает пищу, необходимую для его возросшего числа людей и лошадей, он спешит выступить против этих бельгийских племен Северной Галлии. Из них одно племя, реми, немедленно отправило ему весточку, что они не злые ягнята, как другие; они не прикасались к воде. Все остальные бельгийцы, говорят реми, а вместе с ними и группа немцев, находятся в заговоре. Даже их самые ближайшие соседи, их братья и кузены, суэсьоны, злы; но они, реми, упорно отказываются даже понюхать ручей, который, по их признанию, является исключительной собственностью доброго волка. Не будет ли волк настолько любезен, чтобы прийти и завладеть ими и всем их имуществом и позволить им быть самыми скромными из его друзей? Мы начинаем ненавидеть этих реми, как и эдуи; но они мудры для своего поколения и избежали большей части голода, резни и полного разорения, которым подвергаются другие племена. Почти у всех этих так называемых бельгийских племен мы находим знакомые нам современные названия. Реймс находится на старой земле реми, Суассон - на земле суэсьонов. Бове представляет Белловачи, Амьен - Амбиани, Аррас - Атребаты, Тревес — Тревири, как уже указывалось ранее. Сильва-Ардуэн - это, конечно же, Арденнский лес.

Кампания начинается с нападения других бельгийцев на тех неестественных реми, которые перешли на сторону римлян. Там есть их город Бибракс, ныне известный, или, скорее, неизвестный, как Бьевр, и здесь реми осаждены своими собратьями. Когда Бибракс был на грани падения — и мы можем представить, в каком состоянии были бы тогда горожане, — они послали к Цезарю, который находился всего в восьми милях от них. Если Цезарь не поможет, они больше не смогут выносить такого натиска, какой на них обрушивается. Цезарь, выждав время, конечно, посылает помощь, и бедные осаждающие бельгийцы впадают в необъяснимое замешательство. Они соглашались вернуться домой, каждый в свою страну, и оттуда отправиться на защиту любого племени, на которое цезарь может напасть. “Итак,” говорит Цезарь, заканчивая рассказ об этом маленьком происшествии, “без какой-либо опасности с нашей стороны наши люди убили столько их, сколько хватило бы за день”. С заходом солнца, но не раньше, убийства прекратились — таков был приказ цезаря.

Тому, что у этих бельгийцев действительно было намерение напасть на римскую провинцию или даже на любого римского союзника, нет другого доказательства, кроме того, что Цезарь говорит нам, что все они были в заговоре. Но каким бы ни был их грех или каково отсутствие греха с их стороны, он полон решимости продолжать войну до тех пор, пока не покорит их полностью. Уже на следующий день он нападает на суэссонгов и доходит до Новиодуна, нойонов. Люди там, когда они видят, насколько ужасны его военные машины, отказываются от всякой мысли о самозащите и требуют условий. Белловачи делают то же самое. По наущению своих друзей-реми, он штурмует один город и, чтобы угодить эдуюм, другой. Но он забирает все их оружие и берет заложников. У белловачей, поскольку они известны как могущественный народ, он берет 600 заложников. На протяжении всех этих войн нам становится интересно, что Цезарь делал со всеми этими заложниками и как он их содержал. Однако, без сомнения, было ясно понято, что они будут убиты, если город, или государство, или племя, которым они были переданы, будут плохо себя вести или каким-либо образом препятствовать великому завоевателю.

Следующими идут амбиани, и вскоре предки наших близких друзей в Амьене сдаются. Следующими за ними являются нервии, народ далеко на севере, где сейчас находится Лилль и значительная часть Фландрии. О них Цезарь слышал удивительные рассказы путешественников. Это был народ, который не допускал среди себя торговцев, будучи в этом отношении совсем непохожим на своих потомков, современных бельгийцев; они не пили вина и не позволяли себе роскоши, чтобы не умалить их воинскую доблесть. Они не посылают послов к Цезарю и решают выстоять, если смогут. В бою они полагаются исключительно на пехоту и ничего не смыслят в лошадях. Однако от кавалерии других народов они обычно защищаются искусственными изгородями, которые делают почти такими же прочными, как стены.

У Цезаря при нападении на нервии было восемь легионов, и он рассказывает нам, как он выступил против них “консуэтудин суа” — в своей обычной манере. Поскольку нервиям была предоставлена какая-то ложная информация по этому вопросу, что доставило им серьезные неприятности. Он послал сначала свою кавалерию, затем шесть легионов, легионы, состоявшие исключительно из пехотинцев; после них весь багаж, комиссариат и тяготы армии, включая материалы, необходимые для осад; и, наконец, два других легиона, которые были зачислены последними. Возможно, здесь также стоит пояснить, что легион во времена Цезаря на бумаге состоял из шести тысяч тяжеловооруженных пехотинцев. В легионе было десять когорт и шесть центурий, или шестьсот человек, в каждой когорте. Возможно, что, как и в случае с нашими полками, численность часто была неполной. Таким образом, восемь полных легионов сформировали бы армию, состоящую из 48 000 пехотинцев. Точное количество людей, находившихся под его командованием, Цезарь не упоминает ни здесь, ни где-либо еще.

Согласно его собственным показаниям, Цезаря торопят вступить в битву прежде, чем он осознает, где находится. Цезарь, по его словам, должен был все делать сам, и все в одно и то же время — развернуть боевое знамя, подать сигнал трубой, вернуть солдат с их работы, отозвать тех, кто отошел на некоторое расстояние за материалом для возведения вала, выстроить армию, обратиться к людям, а затем дать слово. В этом вопросе ораторского искусства он лишь призывает их вспомнить об их былой доблести. Враг был так близко от них и так готов к бою, что они едва могли надеть шлемы и вынуть щиты из чехлов. Замешательство было настолько велико, что солдаты не могли пробиться в свои ряды, а должны были сражаться стоя, под любым ближайшим к ним флагом. Против них было так много всего, и особенно эти густые искусственные изгороди, которые мешали им даже видеть, что для них было невозможно

сражаться каким-либо методом, и, как следствие, были превратности судьбы. Создается впечатление, что в этом случае Цезаря застали врасплох. Нервии, похоже, временами и местами извлекали из этого максимум пользы. Девятый и десятый легионы загоняют одно племя в реку, а затем им снова приходится сражаться с ними и вытеснять их из реки. Одиннадцатый и восьмой, обратив в бегство другое племя, подвергаются нападению на самом берегу реки. У двенадцатого и седьмого поровну заняты руки, когда Бодуогнатус, нервийский вождь, пробирается в самую середину римского лагеря. Смятение настолько велико, что тревирсы, которые присоединились к цезарю в этом случае в качестве союзников, хотя и считались самыми храбрыми кавалеристами Галлии, разбегаются по домам и объявляют, что римляне побеждены. Цезарь, однако, приходит на помощь и спасает свою армию в этом случае благодаря личной доблести. Когда он увидел, как это происходит, - *“reme esse in angusto”*, — как тварь попала в самую узкую щель затруднения, он выхватывает щит у простого солдата, — сам оказавшись там без щита, - и бросается в бой. Когда солдаты увидели его и также поняли, что то, что они сделали, было сделано на его глазах, они снова начали сражаться, и натиск врага был остановлен.

Возможно, читатели пожелают узнать, насколько все это соответствует действительности. Это читается так, как будто это правда. В наши дни мы не можем понять, как один храбрый человек в такой момент мог быть намного эффективнее другого, как он мог быть лично известен солдатам такой большой армии, как цезарь должен был знать имена центурионов, — ибо он говорит нам, что обращается к ним по имени; - и все же это звучит как правда; и читатель чувствует, что, поскольку цезарь вряд ли снизошел бы до хвастовства, никакое современное чувство смирения не удержало бы его от того, чтобы рассказать о себе правду. Это как если бы Минерва рассказала нам о каком-то происхождении, которое она совершила среди троянцев. Нервии продолжают сражаться, но, конечно, они обращены в бегство. Нация почти полностью уничтожена, так что само название едва ли может сохраниться; по крайней мере, так нам здесь говорят, хотя мы снова слышим о них как о племени, которое ни в коем случае не было уничтожено или бессильно. Когда из шестисот сенаторов осталось всего три сенатора, когда из шестидесяти тысяч воинов армия сократилась едва ли до пятисот, Цезарь набрасывает мантию своего милосердия на оставшихся в живых. Он даже позволяет им жить в своих собственных домах и запрещает соседям притеснять их. Не может быть никаких сомнений в том, что Цезарю едва не досталось самое худшее в этой борьбе, и мы можем предположить, что он усвоил урок, который сослужил ему службу в последующих кампаниях.

Но до конца лета еще предстоит избавиться от некоторых адуатиков — людей, которые помогали нервиям, — у которых есть свой город и которые живут где-то в нынешнем районе Намюр.^[6] Сначала они немного сражаются у стен своего города; но когда они видят, какие ужасные орудия есть у цезаря, с помощью которых он может добраться до них через самые стены, — как он может построить на расстоянии огромную башню, которая на таком расстоянии кажется им смехотворной, но которую он приближает к ним, чтобы они могли атаковать их. он нависает над ними, откуда их можно изводить стрелами и камнями, и от которого, поскольку он так высок, у них нет защиты — тогда они высылают войска и молят о пощаде. Несомненно, говорят они, цезарь и римляне должны обладать силой, превышающей человеческую. Они откажутся от всего, если только Цезарь из своей милости оставит им их оружие. Они всегда находятся в состоянии войны со всеми своими соседями; и где бы они были без оружия?

Отвечает Цезарь. Собственных заслуг у них нет. Как могло быть племя, против которого Цезарь воевал? Тем не менее, таков его обычай, он окажет им некоторую милость, если они сдадутся до того, как его таран коснется их стен. Но что касается их оружия, то они, несомненно, шутят с ним. Конечно, их оружие должно быть сдано. То, что он сделал для нервиев, он сделает и для них. Он скажет их соседям не причинять им вреда. Они соглашаются и выбрасывают свое оружие во внешний городской ров, но не совсем все свое оружие. Часть — треть - хитро удерживается; и когда цезарь входит в город, те, кто сохранил оружие, и другие безоружные пытаются бежать из города. Они сражаются, и несколько тысяч убито. Других отбрасывают назад, а этих продают в рабство. Интересно, кто бы мог быть покупателями и по какой цене в тот день можно было купить человека в городе Адуатичи?

Затем цезарь узнает от своего помощника, юного Красса, сына своего коллеги по триумvirату, что все бельгийские государства, от Шельды до Бискайского залива, пали под игом римского народа. Германцы тоже посылают к нему послов, настолько они убеждены, что сражаться с ним бесполезно, — настолько чудесная идея этой последней войны проникла во все племена варваров. Но Цезарь спешит и сейчас не может принять послов. Он хочет попасть в Италию, и они должны снова приехать к нему следующим летом.

За все эти славные деяния объявляется публичное пятнадцатидневное благодарение, как только новость будет услышана в Риме.

ГЛАВА IV.

ТРЕТЬЯ КНИГА ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ.—ЦЕЗАРЬ ПОДЧИНЯЕТ ЗАПАДНЫЕ ПЛЕМЕНА ГАЛЛИИ.—56 г. до н.э.

Из первых нескольких строк третьей книги мы узнаем, что Цезарь стремился не только к завоеваниям, но и к их преимуществам. Когда он отправился в Италию в конце последней кампании, он послал некоего Гальбу, чей потомок стал императором после Нерона, с двенадцатым легионом занять свои зимние квартиры в верхней долине Роны, чтобы облегчить движение торговцам, пересекающим Альпы в Северной Италии и из нее. Похоже, что использовался проход Великого Сенбернара, и Гальба расположился со своим легионом на том перекрестке долины, который мы все так хорошо знаем как Мартиньи. Здесь, однако, он подвергся яростному нападению в своем лагере со стороны жителей долины, которые, вероятно, возражали против того, чтобы им диктовали размер пошлины, взимаемой с путешествующих торговцев, и был почти уничтожен. Однако римляне, наконец, когда у них не осталось ни оружия, ни продовольствия для поддержания своего лагеря, решили прорубить себе дорогу сквозь ряды врагов. Это они сделали так успешно, что убили более десяти тысяч человек, а остальные двадцать тысяч швейцарских воинов обратились в бегство! Тем не менее Гальба счел за благо покинуть этот негостеприимный край, в котором было почти невозможно найти пропитание на зиму, и направился вниз по долине и вдоль озера в Римскую провинцию. Он поселился на зимовку среди аллоброгов, которые принадлежали к этой провинции, — народа, жившего к югу от нынешнего Лиона. Как это понравилось Аллоброгам, нам не сказано, но мы знаем, что тогда они были очень верующими, хотя в прежние времена доставляли много хлопот. Их положение делало веру в Рим почти необходимостью. Мы не знаем, оплачивали ли в таком положении помощники цезаря свой путь и покупали ли зерно по рыночной цене.

Несомненно, правление цезаря заключалось в том, чтобы заставить страну, на которой стояла его армия, поддерживать его армию.

Если учесть количество людей, которых цезарь взял с собой в страны, доселе неизвестные ему или его армии, и кажущуюся безрассудной дерзость, с которой он это сделал, следует признать, что сам он очень мало говорит о своих трудностях. У него, должно быть, постоянно были армии, для обеспечения которых требовалось вдвое больше нашей крымской армии, — вероятно, такие же большие, как объединенные силы англичан и французов в Крыму; и он, конечно, не мог привезти с собой на кораблях то, что ему было нужно. Мы знаем, что дорога от Балаклавы до высот над Севастополем была очень плохой, но она была короткой. Дорога от подножия Альп в римской провинции до стран, с которыми мы имели дело в предыдущей главе, не могла, мы бы сказали, быть очень хорошей две тысячи лет назад, и она, безусловно, была очень длинной; почти сто миль от Цезаря до каждой из тех, что были так ужасны для нас в Крыму. Цезарь, однако, мало что взял с собой, кроме своего оружия и боевых приспособлений, причем самые тяжелые из них он, без сомнения, изготовил по пути. Помимо такого большого жалования, мужчинам выдавалась суточная норма зерна. Нам говорят, что до цезаря жалование легионерам составляло 100 ослов в месяц, — *as* было меньше пенни, — и что цезарь удвоил это жалование. Мы можем предположить, что деньги беспокоили его сравнительно немного, но найти кукурузу и фураж на день для такого большого отряда людей и лошадей, должно быть, было очень трудно. Он часто говорит о трудностях, но никогда с тем отчаянием, которое испытывал при обжарке нашего кофе в Крыму. Мы слышим о том, что он ждет, пока не вырастет запас фуража, и иногда высказываются необходимые соображения “о фурументах” — по этому важному общему вопросу о провизии; но о сокрушительных трудностях говорится очень мало, а о плохих дорогах — ни слова. Одно большое преимущество у Цезаря, безусловно, было перед лордом Рагланом: он был его собственным специальным корреспондентом. Кофе его люди, конечно, не получали; но если их кукуруза не была должным образом прожарена для них и если, что было бы естественно, люди роптали, у него не было с собой лицензированного сборщика ворчунов, который мог бы предать гласности страдания своих людей.

И теперь, когда это дело Гальбы было закончено, — когда цезарь, как он говорит нам, действительно думал, что вся Галлия была “*pacatam*”, успокоена или, по крайней мере, покорена, — бельгийцы побеждены, германцы изгнаны, эти швейцарцы изрублены на куски в долине Роны; когда он подумал, что мог бы ненадолго посетить другую свою провинцию, Иллирию, чтобы посмотреть, на что это похоже, — ему сказали, что в Галлии разразилась новая война! Молодой Красс, из-за необходимости, которая, конечно, лежала на нем, обеспечить продовольствием седьмой легион на зиму, который ему было приказано отвести в Аквитанию, был вынужден послать за зерном в соседние страны. Конечно, хорошо обученный молодой полководец, каким был Красс, взял заложников, прежде чем отправить своих людей к незнакомым и диким варварам. Но, несмотря на это, венеты, морской народ древней Бретани, как раз в той стране Морбиан, куда мы сейчас направляемся, чтобы осмотреть работы друидов в Карнаке и Локмариакере, решительно задержали двух своих послов; так их называли впоследствии, хотя в своем первом упоминании о них Цезарь называет их префектами и воинскими трибунами. Ванн, столица департамента Морбиан, дает нам представление о названии этого племени. Венеты, которые были сильны в кораблях, не понимали, почему они должны отдавать свое зерно Крассу. Цезарь, когда он слышит, что послы — священные послы — были задержаны, преисполняется стыда и негодования и сам спешит разобраться в этом деле, поскольку, как мы можем себе представить, ему удалось увидеть очень мало Иллирии.

Этот ужас цезаря по отношению к своим послам, говоря о котором, он ссылается на то, что почувствовали сами галлы, когда поняли, что они натворили, взяв послов в плен, — “легаты”, — имя, которое всегда считалось священным и неприкосновенным у всех народов, — очень велик и заставляет его чувствовать, что он действительно должен быть серьезен. Нам напоминают о предписаниях, напечатанных на испанском языке, которые испанцы распространили среди индейцев континента в странах, ныне называемых Венесуэла и Новая Гранада, объясняющих людям, которые ничего не знали ни об испанском, ни о книгопечатании, как они были обязаны повиноваться приказам далекого короля, который имел власть более далекого Папы, который, опять же, — как они утверждали, — был послан более далеким Богом. Боль истории заключается в несправедливости волка по отношению к ягненку, соединенной с убежденностью в том, что таким образом, и никак иначе, ягненок мог быть приведен к лучшему, чем смиренный образ жизни! Но Цезарь был настроен серьезно.^[7] Ниже приводится перевод десятого раздела этой книги; “В ведении войны, которую мы показали выше, были трудности”. — Он ссылается на морские возможности народа, который он желает завоевать. — “Тем не менее, многое подтолкнуло Цезаря к этой войне; — ошибки тех римских рыцарей, которые были задержаны, восстание, начатое пешком после согласованной капитуляции”, — о том, что какая-либо такая капитуляция была сделана, мы не слышим, хотя мы, между прочим, слышали, что Красс взял заложников; — “разрыв союза после того, как заложники были переданы; заговор среди стольких племен; и затем это первое соображение, что если пренебречь этой частью страны, другие племена могут подумать, что они могут позволить себе такую же вольность. Затем, когда он вспомнил, что, поскольку галлы были склонны к мятежам и их быстро и легко подстрекали к войне, и что, более того, все люди любят свободу и ненавидят состояние подчинения, он решил, что было бы лучше, чем устраивать заговоры другим государствам”, — и чтобы избежать восстания во имя свободы, которое, вероятно, могло бы возникнуть таким образом, — “чтобы его армия была разделена и более широко разбросана”. Рассматривая всю Галлию как шахматную доску, он рассылает слуг, чтобы обеспечить тишину в Тревири. Хедеры наверняка помнят, как далеко Трев находится от окраин Бретани. Следует ожидать, что бельгийцы восстанут и придут на помощь. Необходимо помешать немцам перейти Рейн. Лабием, который во время галльских войн пользовался высшим доверием цезаря, должен позаботиться обо всем этом. Крассус должен вернуться в Аквитанию и сохранять спокойствие на юге. Титурий Сабин, которому впоследствии был уготован печальный конец, отправляется с тремя легионами — восемнадцатью тысячами человек — к соседним племенам Северной Бретани и Нормандии. “Молодой” Децим Брут, — Цезарь говорит о нем с той доброй любовью, которую передает этот эпитет, и мы помним, читая, что этот Брут впоследствии появляется в истории как один из убийц Цезаря, вместе со своим более великим тезкой, — молодой Децим Брут, будущий римский заговорщик, доверил ему флот, который должен уничтожить этих гораздо менее виновных далеких заговорщиков, и цезарь сам немедленно принимает командование своими собственными легионами. Все это рассказано меньшим количеством слов, чем здесь использовано для описания рассказа, и читатель чувствует, что имеет дело с могущественным человеком, чьи глаза повсюду, и о котором обычный враг наверняка сказал бы: “Конечно, это не человек, а бог”.

Он рассказывает нам, как велик был эффект от его собственного присутствия на берегу, хотя битва под командованием юного Брута велась в море. “То, что осталось от сражения, ” говорит он после описания их маневров, — зависело от доблести, в которой наши люди намного превосходили их; и это было особенно верно, потому что дело происходило так явно на глазах у

цезаря и всей армии, что ни один храбрый поступок не мог остаться незамеченным. Ибо все холмы и верховья, откуда открывался близкий вид на море, были прикрываемы армией”.

Конечно, он покоряет венетов и другие морские племена, даже находясь в их собственной стихии. После чего они отдают себя и все свое имущество цезарю. Цезарь, желая, чтобы отныне права послов лучше соблюдались среди варваров, решает, что он должен быть немного суровее. “*Gravius vindicandum statuit*” — “он постановил, что преступление должно быть искуплено более суровым наказанием, чем обычное”. Следовательно, он убивает весь сенат и продает всех остальных людей в рабство! Содержательная краткость, непримиримое достоинство фразы, в том виде, в каком он ее произнес и рассказывает нам, душераздирающе, но и восхитительно на таком расстоянии во времени. “*Itaque, omni senatu necato, reliquos sub coronâ vendidit*”; — “поэтому, когда весь сенат был перебит, он продал остальных граждан с венками на головах”; — таков римский обычай помечать военнопленных, предназначенных для продажи. Мы видим, как он машет рукой и проходит дальше. Несомненно, он должен быть богом!

Его генералы в этой кампании столь же успешны. Некий Виридовикс, галл из Нормандии, — можно предположить, что где-то около Авранша или Сен-Ло, — втянут в сражение и уничтожен вместе со своей армией. Аквитания сдается Крассу после долгих боев и складывает оружие.

Затем Цезарь вспоминает, что морини и менапии до сих пор ни разу не склонили перед ним головы. Булонь и Кале находятся на ныне хорошо известной территории Морини, но менапии лежат далеко, в устьях Шельды и Рейна, — Нидерландах современной истории, — тогда это были неуютные люди, которые после долгих боев спешили в свои леса и болота и у которых, казалось, не было особых домов или городов, на которые можно было напасть или разрушить. Только что был почти конец лета, и расстояние между, скажем, Ваном в Бретани и Бредой или даже Антверпеном кажется нам значительным, если вспомнить состояние страны и численность армии Цезаря. Но у него было несколько недель, чтобы набраться сил, и тогда он мог бы почувствовать, что вся Галлия “умиротворена”. В настоящее время там был этот надменный маленький северный уголок. “*Omni Gallia pacatâ, Morini Menapiique* превосходящий”; — “вся Галлия была умиротворена, морини и менапии остались”. Более того, он, без сомнения, начинал размышлять о том, что с Морини можно совершить кратчайшее путешествие в ту дикую Крайность острова, на котором жили британцы. Цезарь пользуется несколькими неделями и нападает на этих неудобных людей. Когда они отступают в лес, он вырубает лес. Он вырубает огромное количество древесины, но враг отступает только в более густые леса. Наступает плохая погода, и солдаты больше не могут жить в своих кожаных палатках. Давайте представим себе этих итальянцев, встречающих зиму в безводной Фландрии, без защитных стен и крыш, которым приказано рубить бесконечные леса! Если бы тогда была написана и подшита “Таймс”, а не “Комментарий” из рук главнокомандующего, мы, вероятно, услышали бы о многих страданиях. Как бы то ни было, нам только говорят, что Цезарю пришлось отказаться от своего предприятия на тот год. Поэтому он сжег все их деревни, опустошил все их поля, а затем отвел свою армию в более удобный район к югу от Сены и там разместил их на зимние квартиры, что не слишком утешило живущих там людей.

ГЛАВА V.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА "ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ". — ЦЕЗАРЬ ПЕРЕХОДИТ РЕЙН, ГРОМИТ ГЕРМАНЦЕВ И ВТОРГАЕТСЯ В БРИТАНИЮ. — 55 г. до н.э.

В следующем году некоторые германцы, Усипетес и другие, переправились через Рейн в Галлию, недалеко от моря, как сообщает нам Цезарь. Он снова рассказывает нам, что когда он отогнал немцев обратно за реку, это было недалеко от слияния Мааса и Рейна. Когда мы вспоминаем, как трудно было цезарю добывать информацию, мы должны признать, что его география относительно впадения Рейна в море и слияния Рейна и Мааса у Ваала удивительно точна. Место, указанное как то, где немцы были сброшены в реку, по-видимому, находится недалеко от Боммеля в Голландии, где Ваал и Маас соединяют свои воды, у оконечности острова Боммель, где стоит форт Сен-Андре.[8]

Эти замечательные свевы, среди которых мужчины поочередно сражаются и пашут из года в год, однако больше заботятся о скоте, чем о кукурузе, которые являются социалистами в отношении земли, не имея частной собственности на свои поля, — которые все они, с юности и старше, делают только то, что им заблагорассудится, — крупные, костлявые мужчины, которые носят даже в этих холодных краях каждый лишь какой-нибудь скудный кусок кожаного покрова, — которые круглый год купаются в реках, которые имеют дело с торговцами только для продажи военной добычи, которым все равно, но мало для своих лошадей, и ездят, когда они все-таки ездят, без седел, — не думая о людях, которым необходимы такие нежные придатки, — которые не пьют вина и не желают иметь рядом соседей, — эти свирепые свевы вытеснили другие германские племена за Рейн в Галлию. Цезарь, услышав это, преисполнился дурных предчувствий. Он знает слабость своих бедных друзей галлов, — насколько они склонны к сплетням, какого беспокойного нрава. Эти германцы селятся в стране менапиев, племени, с которым он не совсем закончил свое маленькое дело в предыдущей главе; и неизвестно, какие неприятности могут доставить ему незваные гости, если он позволит им чувствовать себя как дома на том берегу реки. Поэтому он спешит оказать помощь бедному Менапию.

Конечно, есть отправка послов. Немцы признают, что их выгнали со своих земель их братья, свевы, которые лучше их самих. Но они утверждают, что в бою их хозяевами являются свевы, и только свевы. Даже бессмертные боги не могут устоять против севов. Но они также германцы и нисколько не боятся римлян. Но в предложении, которое они делают, они проявляют некоторый благоговейный страх. Позволит ли им цезарь остаться там, где они есть, или выделит им какую-нибудь другую область по ту сторону Рейна? Цезарь говорит им, что они могут идти и жить, если пожелают, с убиями — другим племенем германцев, которые населяют Рейнскую область, вероятно, там, где сейчас находится Кельн, или, возможно, немного севернее его, и которые, кажется, уже были вытеснены за Рейн, — они или некоторые из них, — и прочно обосновались где-то в регионе, в котором Карл Великий построил свою церковь, ныне называемую Экс-ла-Шапель. Они все еще там, немцы, и, вероятно, таковыми и являются, потому что эти убии прочно обосновались. У убиев тоже проблемы со севами; и если эти незваные гости пойдут и присоединятся к убиям, цезарь все уладит для них. Вторгшиеся колеблются, но не уходят и, наконец, атакуют кавалерию цезаря, не без некоторого успеха. Во время этой битвы совершается двойное предательство — сначала со стороны германцев, а затем со стороны

Цезаря, — которое в основном памятно нападением на Цезаря в Риме. Именно вследствие примененного здесь обмана его враги в городе предложили, чтобы Республика выдала его врагу. Если бы такой указ был принят, отказаться от цезаря было бы нелегко.

Немцы, конечно, разбиты и сброшены в реку в тех низменных и тогда еще не пересушенных районах, в которых Рейн, Маас и Вааль запутываются сами по себе и сбивают с толку путешественников; либо здесь, либо гораздо выше по реке, у Кобленца; но читатель уже решил для себя этот вопрос в начале главы. Цезарь говорит об этих германцах так, как будто все они утонули — мужчины, женщины и дети. Они привели с собой все свои семьи, и, когда боевые действия развернулись против них, со всеми своими семьями они бежали в реку. Цезарь преследовал их после битвы, и они бросились на берег. Там, побежденные страхом, усталостью и водой, они погибли. Было подсчитано, что сто восемьдесят тысяч из них были уничтожены, но римская армия была в безопасности до единого человека.^[9]

Тогда Цезарь решил переправиться через реку. Похоже, что у него не было намерения расширять империю Республики на то, что он называл Германией, но он считал необходимым напугать немцев. Кавалерия вторгшихся усипетесов, к счастью для них, отсутствовала, они перебирались за реку; и теперь он послал к сигамбри, среди которых они нашли убежище, желая, чтобы эти всадники были выданы ему. Но сигамбри не подчиняются. Германцы, похоже, поняли, что Галлия в руках цезаря и он может делать с ней все, что ему заблагорассудится; но они не одобряли его вмешательства за Рейном. Цезарю, однако, всегда удавалось завести друзей среди своих врагов, которые помогали ему улаживать вражду. Мы слышали об эдуях в центральной Галлии и о ремах на севере. Убии были его немецкими друзьями, которые, вероятно, в это время занимали оба берега реки; и убии попросили его просто приехать и поугатить их соседей. Цезарь решает удовлетворить их. И поскольку переплывать реку на лодках несовместимо ни с его безопасностью, ни с его достоинством, он решает построить мост.

Найдется ли в Англии школьник или тот, кто был школьником в любой школе, посвященной чтению Цезаря, кто не помнит тех незабываемых слов “*Tigna bina sesquipedalia*”, с которых Цезарь начинает свой красочный рассказ о строительстве моста? Принимая во внимание ширину реки, ее быстроту и трудности, с которыми, должно быть, приходилось сталкиваться при поиске инструментов и материалов для такого строительства в такой дикой стране, столь удаленной от римской цивилизации, создание этого моста наполняет нас восхищением духом и способностями цезаря. Он вбивал сваи в русло реки, по двое, лежа ничком против течения. Мы могли бы сделать это сейчас, хотя и не так быстро, как это делал Цезарь; но нам понадобились бы плотины и паровые насосы, патентованные трамбовки и рабочий. Он объясняет нам, что он так построил фундаменты, что сама сила потока добавила им прочности и постоянства. За десять дней все было сделано, и армия перешла. Цезарь не говорит нам, из-за каких страданий или потери скольких людей. Именно простота всего так замечательна в этих Комментариях. Мы читали о сооружениях, построенных современными армиями, и о сооружениях, которые современные армии построить не смогли. Мы помним дорогу из Балаклавы и железную дорогу, проложенную из Англии. Мы также знаем, какими вспомогательными средствами и приспособлениями снабдила нас наука. Но все же ни в одной современной войне трудности не кажутся такими незначительными, так мало заслуживающими упоминания, какими они были для Цезаря. Он построил свой мост и принял командование своей армией, кавалерией и всем прочим, за десять дней. Должно быть, были трудности, и мы должны опасаться, что многие люди утонут; но Цезарь ничего не говорит обо всем этом.

Немедленно отправляются послы. С того момента, как был заложен мост, сигамбри убежали и спрятались в лесу. Цезарь сжигает все их деревни, уничтожает всю их кукурузу и отправляется в страну убиев. Он утешает их; и весть о его приближении достигает этих ужасных свевов. Они готовятся к войне большого масштаба; но Цезарь, сообразив, что он перевел свою армию через реку не для того, чтобы сражаться со свевами, и сказав им, что он уже сделал достаточно для чести и на благо дела, отвел свою армию обратно после восемнадцати дней, проведенных в пути, и разрушил свой мост.

Затем следует отрывок, который заставляет британца колебаться между стыдом за собственное древнее ничтожество и гневом из-за неправильного понимания цезарем его древнего характера. После того как Цезарь вернулся через Рейн, от сезона сражений осталось всего несколько недель; и что он может сделать с ними лучше, чем отправиться завоевывать Британию? Это первое упоминание о вторжении на нас помещено в конце главы, и вторжение было сделано просто для того, чтобы заполнить лето! По словам Цезаря, никто, казалось, ничего не знал об острове; и все же факт оставался фактом: во всех его войнах с галлами галлам помогали люди из Британии. Прежде чем встретиться лицом к лицу со своей армией, он посылает надежного гонца осмотреться и разузнать что-нибудь о побережьях и гаванях. Верный гонец не решается сойти на берег, но возвращается и рассказывает Цезарю о том, что он видел со своего корабля. Тем временем цезарь собрал большой флот где-то в окрестностях Булони и Кале; и, — так он говорит, — к нему прибыли гонцы из Британии, куда уже дошли слухи о его намерениях, говорящие, что они подчинятся Римской республике. Мы можем верить в это сколько угодно. Но он явно думает о жителях Булони и Кале меньше, чем даже о британцах, что является для нас утешением. Когда эти люди, которых тогда звали Морини, пришли к нему, прося прощения за то, что однажды осмелились выступить против него, и предлагая любое количество заложников, и говоря, что ими руководили дурные советы, цезарь допустил к ним некоторую степень снисхождения; не желая, как он говорит нам, чтобы их не пускали в Британию из-за рассмотрения таких очень незначительных дел. “У Neque есть tantularum rerum occupationes sibi Britanniae anteponendas judicabat”. Мы надеемся, что жители Булони и Кале поймут и оценят эту фразу. Захватив множество заложников, он решает довериться жителям Булони и Кале и готовит свои корабли к переходу через Ла-Манш. Он встает почти в третью стражу, — можно предположить, около полуночи. Часть его армии — кавалерия - столкнулась с небольшой задержкой, что с тех пор часто случалось на одном и том же месте даже с путешественниками без лошадей. Сам он добрался до британского побережья примерно в четвертом часу. В середине лета это было примерно в четверть девятого. Поскольку лето было уже в конце, возможно, было девять часов утра, когда Цезарь очутился под утесами Кента и увидел наших вооруженных предков, стоящих вдоль всех холмов, готовых встретить его. Он стоял на якоре, ожидая свои корабли, примерно до двух часов дня, его кавалерия переправилась только через четыре дня. Отдав свои приказы и выбрав подходящий момент и подходящее место, Цезарь подводит свои корабли к берегу.

Цезарь признается, что ему было очень трудно сойти на берег. Когда мы знаем, как очень трудно совершить тот же подвиг на том же побережье в наши дни, имея в помощь все достижения современной науки и, как мы должны предположить, не имея реального намерения со стороны кантиев или жителей Кента препятствовать нашей высадке, мы можем вполне посочувствовать Цезарю. Корабли были настолько большими, что их нельзя было вывести на очень мелководье. Римские солдаты были вынуждены прыгать в море, хорошо вооруженные, и там сражаться с волнами и с врагом. Но бритты, умеющие пользоваться всеми своими

конечностями, знающие местность, стоящие либо на берегу, либо просто выбегающие на мелководье, сделали высадку достаточно непростой. “Ностри”, — говорит Цезарь, — наши люди, несмотря на все это, не все были так искусны в бою, как это было обычно с ними на сухой земле, чему никто не может удивляться.

У цезаря было два вида кораблей — “naves longæ”, длинные корабли для перевозки солдат; и “naves onerariæ”, корабли для перевозки грузов. Длинные корабли, по-видимому, не были такими боевыми кораблями, какие римляне обычно использовали в своих морских сражениях, но были более удобными и простыми в управлении, чем транспорты. Он прижал их бортом к берегу и изводил бедных туземцев камнями и стрелами. Затем орлоносец десятого легиона прыгнул в море, заявив, что он, во всяком случае, выполнит свой долг. Если они не хотели, чтобы их орел попал в руки врага, они должны были следовать за ним. “Спрыгивайте, - сказал он, - мои товарищи-солдаты, если вы не хотите предать своего орла врагу. Я, по крайней мере, выполню свой долг перед Республикой и нашим генералом. Сказав это громким голосом, он выбросился из корабля и направил "орла" на врага”. Увидев и услышав это, люди свободно выпрыгнули с этого корабля и с других. Как обычно, завязалась ожесточенная драка. “Pugnatum est ab utrisque acriter.” Это почти всегда одно и то же. Цезарь не пренебрегает своей славой, недооценивая своего врага. Но в конце концов бритты обращаются в бегство. “Всего лишь не хватало обычной удачи цезаря”, — что у него не хватало кавалерии, чтобы пуститься в погоню и “захватить остров”! Учитывая, как недолго он остается на острове, мы считаем, что его жалобы на судьбу вряд ли обоснованны. Но происходит всеобщая капитуляция, захват заложников, и через несколько дней в сердцах британцев загорается новая надежда. Поднимается шторм, и корабли Цезаря так сильно разбивает, что он не знает, как ему вернуться в Галлию. Он обеспокоен очень высоким приливом, не понимая природы этих приливов. Поскольку он намеревался совершить всего лишь небольшую пробную поездку — просто попробовать будущую войну с Британией, — он не взял с собой большого запаса кукурузы. Он должен вернуться, всеми правдами и неправдами. Британцы, видя, как обстоят с ним дела, думают, что могут уничтожить его, и предпринимают попытку сделать это. Седьмой легион находится в большой опасности, его послали на поиски кукурузы, но он спасен. Некоторые из своих кораблей — те, которые наиболее сильно пострадали во время шторма, — он разбирает, чтобы починить остальные из их материалов. Когда мы думаем, сколько времени нам требуется, чтобы починить корабли, имея верфи, патентные бланки и все остальное готовое, для нас это самое удивительное. Но он чинит свои корабли, и при этом у него происходит вторая битва с бриттами, и снова он дает им отпор. Повсюду горит и разрушается все, собираются послы к цезарю, спрашивающие об условиях, требуют заложников — теперь их стало вдвое больше, — которых цезарь хотел отправить к нему в Галлию, потому что в это время года он не хотел доверять им корабли, которые были непригодны для плавания; а сам он со всей своей армией возвращается в страну Булонь и Кале. Не хватает только двух транспортов, которые перевозятся несколько ниже по побережью. На этих транспортах всего триста человек, и морини из тех мест угрожают убить их, если они не сложат оружие. Но цезарь посылает помощь, и даже эти триста человек спасены от позора. Из-за этой маленькой попытки, конечно, снова горят дома и опустошаются поля, а затем цезарь отводит свою армию на зимние квартиры.

Что изменилось бы для мира, если бы бритты, как они, несомненно, могли бы сделать, уничтожили цезаря и всех римлян и не оставили даже корабля, чтобы вернуться в Галлию? Вместо этого цезарь мог послать в Рим известие об этих различных победах и объявить публичный день благодарения — по этому случаю в течение двадцати дней.

ГЛАВА VI.

ПЯТАЯ КНИГА "ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ".—ВТОРОЕ ВТОРЖЕНИЕ ЦЕЗАРЯ В БРИТАНИЮ.—ГАЛЛЫ ВОССТАЮТ ПРОТИВ НЕГО.—54 г. ДО Н.Э.

По возвращении из Британии Цезарь, как обычно, отправился за Альпы, чтобы присмотреть за другими своими провинциями и заняться своими делами в Италии; но он был полон решимости совершить еще один набег на остров. Он еще не мог предположить, что “взял его”, и поэтому оставил своим генералам подробные инструкции относительно постройки новых кораблей и ремонта тех, которые были почти уничтожены. Он сообщает нам, что посылает в Испанию за вещами, необходимыми для оснащения его кораблей. Мы никогда не слышали о каких-либо трудностях с деньгами. Мы знаем, что он действительно получал крупные субсидии от Рима для поддержки своих легионов; но он без колебаний вел войну за войной, насколько это было возможно. Цезарь лично был по уши в долгах, когда начинал свои кампании. Он занял огромную сумму, восемьсот тридцать талантов, или что-то около 200 000 фунтов стерлингов, у Красса, который был особенно богатым римлянином тех дней, прежде чем смог принять управление своей испанской провинцией. Когда его войны закончились, он вернулся в Рим с большим сокровищем; и действительно, во время этих войн в Галлии он потратил большие суммы на подкуп римлян. Мы можем предположить, что он нашел сокровища среди варваров, как это сделал лорд Клайв в Ост-Индии. Клайв удовлетворился тем, что взял немного: цезарь, вероятно, забрал все.

Отдав распоряжение насчет своих кораблей, он уладил небольшое дело в Иллирии, позаботившись и о том, чтобы собрать там некоторую дань. Он отводит всего дюжину строк для записи этой зимней работы, а затем сообщает нам, что поспешил обратно к своей армии и своим кораблям. Его приказание было так хорошо выполнено в отношении судов, что он находит готовыми те особые суда, которые он заказал, только с одним рядом весел на каждом борту, целых шестьсот, и двадцать восемь более крупных судов. Он высоко ценит усилия своих солдат и отправляет свой флот в ПортИтий. Точное место, которое Цезарь назвал этим именем, географы не установили, но предполагается, что оно находится между Булонью и Кале. Вероятно, это могло быть в Виссане. Убедившись, что все, таким образом, готово для второго похода в Британию, он разворачивается и спешит с четырьмя легионами и восемью сотнями кавалеристов, — армией численностью 25 000 человек, — в страну Тревов. Там происходит ссора между двумя вождями, которую хорошо бы уладить ему, — примерно так же, как обезьяна уладила спор из-за устрицы. Это, однако, сущий пустяк, и через полторы страницы он снова возвращается к своим кораблям в порту Итиус.

Он решает ввести в Британию пять легионов своих собственных солдат и две тысячи конных галлов. Он собрал четыре тысячи этих всадников со всей Галлии, их вождей и знать, не только как боевых союзников, но и как заложников, чтобы племена не подняли восстание, пока он стоит к ним спиной. Он делит их, забирая половину с собой, а половину оставляет с тремя легионами своих людей под командованием Лабиена в Булони в качестве базы для своей армии, чтобы присматривать за провизией и следить, чтобы его не беспокоили по возвращении. Однако у него была небольшая интрижка с одним из галльских вождей, Думнориксом Эдуанским, который должен был быть его самым близким другом. Думнорикс

убегает со всеми эдуанскими всадниками. Однако Цезарь посылает за ним и приказывает убить его, и тогда все готово. Он стартует с более чем 800 кораблями на закате и возвращается с легким юго-западным ветром. Он прибывает у берегов Британии около полудня, но не видит никого из обитателей утеса. Он воображает, что все они сбежали, напуганные количеством его кораблей. Цезарь разбивает свой лагерь и той же ночью углубляется примерно на двенадцать миль в глубь страны, — можно сказать, на одиннадцать миль, поскольку наша миля длиннее римской, — и там он находит бриттов. Происходит некоторое сражение, после которого цезарь возвращается и укрепляет свой лагерь. Затем налетает шторм и ужасно швыряет его корабли, хотя он нашел, как ему казалось, хорошее мягкое местечко для них. Но буря очень сильна, и их срывает с якорей, и выбрасывает на берег, и швыряет друг о друга, пока не начинаются бесконечные неприятности. Он вынужден послать к Лабиену, приказав ему построить больше кораблей; а те, что остались, он перетаскивает по берегу в свой лагерь, несмотря на огромный труд, необходимый для этого. Он занимается этой работой десять дней, днем и ночью, и мы можем себе представить, что его солдатам пришлось нелегко. Когда это было сделано, он снова продвигается в глубь страны вслед за врагом и обнаруживает, что Кассивеллаун командует объединенными силами различных племен. Кассивеллаунус родом с другого берега Темзы, из Миддлсекса или Хартфордшира. Бритты до сих пор жили не очень мирно друг с другом, но теперь они согласны, что против римлян они будут действовать в союзе под предводительством Кассивеллауна.

Описание острова Цезарем очень интересно. Внутренняя часть острова населена туземцами, или, скорее, "аборигенками". Цезарь утверждает, что это, по крайней мере, традиция страны. Но приморские районы принадлежат бельгийским иммигрантам, которые, по большей части, привезли с собой с континента названия своих племен. Население велико, и дома, построенные очень похоже на дома в Галлии, многочисленны и расположены очень плотно друг к другу. У бриттов много скота. Они используют деньги, имеющие либо медную монету, либо железные кольца большого веса. В центре острова встречается олово, а на побережье - железо. Но количество найденного железа невелико. Они импортируют медь. У них есть та же древесина, что и в Галлии, только там нет ни бука, ни пихты. Они считают неправильным есть зайцев, кур и гусей; но они держат этих животных в качестве домашних любимцев. Климат, в целом, мягче, чем в Галлии. Остров имеет треугольную форму. Один угол, Кент, имеет восточную и южную стороны. Эту южную сторону острова он огибает на 500 миль, превышая истинную примерно на 150 миль. Затем Цезарь становится немного туманным в своей географии, говоря нам, что другая сторона, имея в виду западную линию треугольника, где находится Ирландия, граничит с Испанией. Ирландия, по его словам, вдвое меньше Британии и примерно на таком же расстоянии от нее, как Британия от Галлии. В середине пролива, отделяющего Ирландию от Великобритании, есть остров под названием Мона, — остров Мэн. Есть также несколько других островов, на которых в середине зимы ночь длится тридцать непрерывных дней. Здесь Цезарь становится не только туманным, но и мифическим персонажем. Но он объясняет, что сам ничего подобного не видел, хотя с помощью научных измерений установил, что ночи в Британии короче, чем на Континенте. Конечно, летом ночи у нас короче, чем в Италии, и длиннее зимой. Длина западного побережья, по его словам, составляет 700 миль; говоря это, он почти на 100 миль превышает норму. Третью сторону он описывает как обращенную на север. Он имеет в виду восточное побережье. Он называет его протяженностью 800 миль и преувеличивает наши территории более чем на 200 миль. Удивительно, однако, что он оказался так близок к истине. Жители Кента - самые цивилизованные: в этом отношении они почти не уступают галлам! Какие

только изменения не вносит время в сравнительные достоинства стран! Мужчины в глубине страны питаются мясом и молоком и не заботятся о кукурузе. Они носят одежду из кожи. Они приводят себя в ужас от шерсти и ходят с очень длинными волосами. Они бреются наголо, за исключением головы и верхней губы. Затем возникает наихудшая привычка из всех: у десяти или дюжины мужчин есть общие жены.

У нас есть очень яркий и отнюдь не нелестный рассказ об исключительной ловкости наших предков в их способах ведения боя на колесницах. “Такова,” говорит Цезарь, “природа их боя на колесницах. Сначала они быстро разъезжают по полю боя — “per omnes partes” - и бросают свои дротики, и часто приводят в беспорядок ряды самым ужасом, наводимым лошадьми и шумом колес; а когда они пробиваются сквозь ряды кавалерии, они спрыгивают и сражаются пешими. Затем колесничие немного отходят от места сражения и размещают свои колесницы таким образом, чтобы у них был готовый способ вернуться, если их друзья будут потеснены числом врагов. Таким образом, они объединяют быстроту кавалерии и устойчивость пехоты; и при ежедневном использовании и практике они становятся настолько эффективными, что они привыкли удерживать своих лошадей, какими бы возбужденными они ни были, на ногах на крутых и обрывистых участках, и очень быстро управлять ими, и поворачивать их, и бегать вдоль шеста, и вставать на хомут”, — которым лошади удерживались вместе у ошейников, — “и снова с величайшей быстротой возвращаться к колеснице”. [10] Все это очень замечательно.

Конечно, боев много, и британцы вскоре на собственном опыте научились избегать общих столкновений и вести партизанские действия. Цезарь постепенно пробивается к Темзе и с большим трудом переправляет через нее свою армию. Он может сделать это только в одном месте, и то плохо. Местоположение этого брода он нам не описывает. Предполагается, что это было недалеко от места, которое мы теперь знаем как Санбери. Он действительно говорит нам, что его люди были так глубоко в воде, что над ручьем торчали только их головы. Но даже при этом они были настолько стремительны в своем натиске, что бритты не стали ждать их на противоположном берегу, а обратились в бегство. Вскоре последовала безоговорочная капитуляция, заложники и обещания дани. Кассивеллаун, который сам всего лишь узурпатор и, следовательно, имеет много врагов дома, пытается обезопасить себя в укрепленном месте или городе, который, как предполагается, находился на месте нашего Сент-Олбанса или поблизости от него. Цезарь, однако, объясняет, что бедные бритты дали название городу — “оппидум” - месту, в котором они просто окружили несколько густых лесов рвом и валом. Цезарь, конечно, изгоняет их из лесной крепости, а затем быстро следует еще одна капитуляция, новые заложники и требование дани. Цезарь оставляет свои приказы позади, как будто говорить означало подчиняться. Некто Мандубратий, а не Кассивеллаун, должен стать будущим королем Мидлсекса и Хартфордшира, то есть над живущими там тринобантами. Он устанавливает размер дани, которую бритты должны ежегодно отправлять Риму; и особенно он отдает распоряжения о том, чтобы Кассивеллаун не причинял вреда молодому Мандубратию. Затем он в два захода возвращается в Галлию — его корабли сначала забирают половину армии, а возвращаются за другой половиной; и он благочестиво замечает, что, хотя он потерял много кораблей, когда они были сравнительно пустыми, едва ли один был уничтожен, пока на них находились его солдаты.

Так закончилось второе и последнее вторжение Цезаря в Британию. Тем, что он подчинил Британию так же, как подчинил Галлию, он, конечно, похвастаться не мог; хотя Квинт Цицерон написал своему брату, сообщив, что с Британией покончено. Хотя он дважды высаживал свою

армию под белыми утесами и дважды отводил ее в относительной безопасности, в обоих случаях ему дали почувствовать, насколько ужасно сильным союзником бриттов был канал, отделявший их от Континента. Читателя заставляют почувствовать, что в обоих случаях существование его армии и его самого находится в величайшей опасности. Идея Цезаря при нападении на Британию, вероятно, заключалась скорее в том, чтобы заставить галлов поверить, что его власть может простирается даже за их пределы — может распространиться повсюду вокруг них, даже на отдаленные острова, — чем в том, чтобы окончательно установить римское владычество за этим далеким морем. Бритты помогали галлам в их войнах с ним, и было необходимо, чтобы он наказал любого, кто осмелился оказать такую помощь. Были ли выполнены приказы, которые он оставил после себя, мы не знаем; но мы можем предположить, что взысканная дань не была отправлена в Рим с большой точностью. На самом деле Цезарь дважды вторгнулся на остров, но не подчинил его себе.

По возвращении в Галлию, почти в конце лета, он оказался вынужден распределить свою армию по стране из-за большой нехватки провизии. Была засуха, и урожай был неурожайным. До сих пор он держал свою армию вместе в течение зимы; теперь он был вынужден разделить свои легионы, разместив один у одного племени, а другой - у другого. Полтора легиона он разместил под командованием двух своих генералов, Л. Титурия Сабина и Л. Аурункулея Котты, среди эбурунов, которые живут на берегах Мааса в области Льежа и Намюра, — очень стойкого народа, который все еще испытывает сильное отвращение к владычеству Рима. Таким образом, он думал, что сможет наилучшим образом преодолеть трудность, связанную с нехваткой провизии; но все же он так хорошо понимал опасность разделения своей армии, что не преминул сообщить нам, что, за исключением одного легиона, который он разместил в очень спокойной местности, — среди Эсси, где сейчас стоит Алансон, - все они находились на расстоянии ста миль друг от друга. Тем не менее, несмотря на эту предосторожность, теперь на Цезаря обрушилось величайшее бедствие, которое он когда-либо терпел на войне.

Во время всех этих кампаний желание галлов освободиться от власти и тирании Рима никогда не прекращалось; и их намерение сделать это никогда не угасало. Цезарь, должно быть, был для них ядовитой заразой или каким-то злым божеством, посланным поражать их по причинам, которые они не могли понять. Были племена, которые тянулись к нему на грузовиках, но среди них у него не было настоящих друзей. Если бы кто-нибудь из галлов мог любить его, эдуи должны были бы любить; но этот Думнорикс, эдуанец, который сбежал со всадниками своего племени, когда от него требовали помощи во вторжении в Британию, перед тем как его убили, пытался защищаться, громогласно заявляя, что он свободный человек и принадлежит свободному государству. Он не смог понять, что, будучи допущенным к союзу с цезарем, он был обязан повиноваться цезарю. Цезарь говорит обо всем этом со своей божественной простотой, как будто он не видел ничего нечестивого в работе, которую выполнял. В нем не было и тени раскаяния, когда он приказывал убивать людей и сжигать деревни. Он был способен смотреть на эти вещи как на мелочи, как на части большого целого. Он чувствовал не больше, чем джентльмен, который отправляет овец из своего парка на бойню в назначенное время. Когда он кажется наиболее жестоким, это делается ради примера, — чтобы мог последовать какой-то политический результат, - чтобы галлы знали, и италики также знают, что они должны преклонить колени перед цезарем. Но сердце читателя обливается кровью, когда он видит бесплодную борьбу племен. Никто особенно не любит эдуев; но Думнорикс, заявляющий, что он не вернется, что он свободный человек из свободного государства, а затем убитый, - это человек, которого нужно любить. Среди карнутов, где сейчас стоит Шартр, цезарь поставил

любимого короля, некоего Тасгегия; но когда Цезарь уезжает в Британию, карнеты убивают Тасгегия. У них не будет любимчика Цезаря. И теперь отважные Эбуроны, у которых есть два собственных короля, Амбиорикс и Кативольк, понимая, что трудности цезаря - это их шанс, атакуют римский лагерь с половиной легиона под командованием Титурия и Котты.

Амбиорикс, вождь, очень хитер. Он убеждает римских военачальников прислать к нему послов и рассказывает им свою историю. Он сам, Амбиорикс, любит цезаря больше всего на свете. Разве Цезарь не был к нему очень добр? Он добровольно не поднял бы руку на цезаря, но он не может контролировать свое государство. Факты, однако, таковы: огромное войско германцев переправилось через Рейн и спешит уничтожить этот римский лагерь; и он, несомненно, будет уничтожен, так велико число германцев. Так говорит Амбиорикс; и затем предполагает, не было бы хорошо, если бы Титурий и Котта со своими девятью или десятью тысячами человек — всего лишь горсткой людей против всех этих германцев, которые уже перешли Рейн; — не было бы хорошо, если бы римляне пошли и присоединились к некоторым из своих братьев, либо к легиону, который находится среди нервиев на востоке, под командованием Квинта Цицерона, брата великого оратора, — либо к тому другому легиону, которым располагает Лабиен, немного южнее, на границах Реми и Тревири? А что касается хорошего поворота с его стороны, то любовь и почитание, которые он, Амбиорикс, испытывает к цезарю, настолько велики, что он вполне готов обеспечить безопасность римлян на территориях Эбуронов. Он умоляет Титурия и Котту подумать об этом и позволить ему помочь им в побеге, пока побег возможен. Два римских генерала действительно думают об этом. Титурий считает, что было бы неплохо последовать совету Амбиорикса. Котта, а с ним и многие трибуны и центурионы солдат, считают, что им не следует трогаться с места без приказа цезаря; — думают также, что на войне нет ничего более низкого или глупого, чем действовать по совету врага. Титурий, однако, готов уйти, и Котта, после долгих споров и нескольких оскорблений, уступает. Рано утром следующего дня все они покидают свой лагерь, прихватив с собой свой багаж, и маршируют вперед, как будто через дружественную страну, — очевидно, веря в предложенную Амбиориксом дружбу. Эбуроны, конечно, подготовили засаду, и римская армия подвергается нападению как сзади, так и спереди и приходит в полное замешательство.

Легион, или полтора легиона, с двумя его командирами, полностью уничтожен. Титурий выходит из своих рядов, чтобы встретиться с Амбиориксом и помолиться о мире. Ему приказывают выбросить оружие, и, подчиняясь позору, он бросает его. Затем, пока Амбиорикс произносит длинную речь, римский полководец окружен и убит. Котта погиб в бою, как и более половины солдат. Остальные возвращаются ночью в лагерь, и тогда, отчаявшись в какой-либо безопасности, охваченные позором, сознавая, что надежде нет места, они уничтожают себя. Лишь немногим удалось спастись во время боев, чтобы рассказать эту историю в лагере Лабиена.

Как правило, симпатии читателя на стороне галлов; но мы не можем не испытывать некоторого сожаления по поводу того, что римский легион был таким образом обречен на гибель из-за слабости его полководца. Если бы Титурия можно было заставить страдать в одиночку, мы перенесли бы это лучше. Когда нам рассказывают, как доблестный орлоносец Петрозидий бросает своего орла на крепостной вал, а затем погибает, сражаясь перед лагерем, мы желаем, чтобы Амбиорикс добился меньшего успеха. В этом, однако, мы совершенно уверены, что наступит день, и очень скоро, когда цезарь совершит наказание.

Сделав так много, Амбиорикс и Эбуроны не останавливаются. Теперь, если вообще когда-либо, после столь великого позора, когда легионы все еще рассеяны, пусть цезарь потерпит поражение. В. Цицерон со своим легионом среди нервиев, и туда направляется Амбиорикс. Нервии вполне готовы, и на Цицерона нападают в его лагере. И здесь римлянам тоже долгое время приходится очень плохо; настолько плохо, что Цицерон едва в состоянии удерживать свои укрепления против атак, предпринимаемых на них варварами. В лагерь бросают раскаленные глиняные шарики и раскаленные стрелы, и там разводят костер. Гонцы, посланные к цезарю за помощью, были убиты по дороге, и римляне начинают думать, что у них вряд ли есть шанс спастись. Если с ними не будет цезаря, они не будут в безопасности. Вся их сила, их престиж, их уверенность в победе зависят от Цезаря. Цицерон ведет себя как благоразумный и доблестный человек; но если бы ему в конце концов не удалось заставить галльского раба передать цезарю письмо, спрятанное в дротике, враг уничтожил бы его.

Есть небольшой эпизод о двух римских центурионах, Пульфии и Варене, которые вечно ссорились из-за того, кто из них двоих лучше. Пульфиус с большой бравадой бросается к врагу, и Варенус следует за ним. Пульфиус попадает в беду, и Варенус спасает его. Затем Варен оказывается в затруднительном положении, и Пульфий приходит ему на помощь. По всем правилам войны, оба должны были быть убиты; но оба невредимыми возвращаются в лагерь; и с того дня и по сей день никто не знает, кто из них был лучше. Цезарь, конечно, спешит на помощь своему наместнику, известив о своем приближении письмом, прикрепленным к другому дротику, которое, однако, едва успевает добраться до Цицерона, чтобы утешить его, как он видит пожары, которыми наступающие легионы опустошали местность вдоль линии своего марша. Затем снова сражение. Цезарь побеждает, и Цицерон спасается из своего очень неприятного положения. Лабиен тоже оказался в затруднительном положении, поскольку, как мы помним, находился на границах Тревири. Тревири так же стремились напасть на него, как эбуроны и Нервии - уничтожить легионы, оставшиеся на их территориях. Но прежде чем атака будет предпринята, весть о победе Цезаря, распространившаяся с поразительной быстротой, разносится по тем краям, и тревии считают, что лучше оставить Лабиена в покое.

Но Цезарь понял, что, хотя он так часто хвастался, что во всей Галлии наконец воцарился мир, вся Галлия готова продолжать войну против него. Именно этой зимой он, кажется, осознает убежденность в том, что его присутствие в стране не нравится галлам в целом, и что ему еще многое предстоит сделать, прежде чем он сможет заставить их понять, что они не свободные люди, принадлежащие к свободным государствам. Оппозиция ему стала настолько всеобщей, что он сам решает остаться в Галлии на всю зиму; и даже после того, как Лабиен рассказал нам об уничтожении Индутиомара, вождя тревиров, он может только похвастаться, что “после того, как это было сделано, цезарь сделал Галлию немного спокойнее” — немного больше похожей на покоренную страну, связанную по рукам и ногам, — чем это было раньше. В течение этого года проконсуловская власть цезаря над его провинциями была продлена на второй пятилетний период.

ГЛАВА VII.

ШЕСТАЯ КНИГА "ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ".—ЦЕЗАРЬ ПРЕСЛЕДУЕТ АМБИОРИКСА.—МАНЕРЫ ГАЛЛОВ И ГЕРМАНЦЕВ КОНТРАСТИРУЮТ.—53 г. до н.э.

Цезарь начинает следующую кампанию до окончания зимы, поскольку, как мы видели, был вынужден продолжать последнюю еще долго после начала зимы. Галлы учились объединяться, и у него все становилось очень серьезно. Одна римская армия, насчитывавшая, вероятно, десять тысяч человек, была полностью уничтожена вместе с ее полководцами Титурием Сабинем и Аурункулеем Коттой. Другого при Квинте Цицероне постигла бы та же участь, если бы не счастливое вмешательство Цезаря. Третий при Лабиене подвергся нападению. Осенью вся Галлия была вооружена или думала о вооружении; и хотя в конце кампании Цезарь смог доложить, что в Галлии — его Галлии, какой он хотел ее видеть, — стало немного спокойнее, тем не менее он хорошо понимал, что ему еще предстоит выполнить свою работу, прежде чем он сможет вступить во владение. Он уже был командиром восьми легионов в Галлии, насчитывавших 48 000 пехотинцев, набранных на италийской стороне Альп. Он добавил к этому большое количество галльской кавалерии и легкой пехоты, сверх своих восьми легионов. Теперь он потерял целых полтора легиона, не считая брешей, которые, должно быть, образовались в Британии, и потерь тех, кто пал при нападении нервиев под командованием Цицерона. Но он хотел показать галлам, что при таком обращении с ними он может начать все сначала, не только с новыми, но и с возросшими силами. Он поразил бы их своей демонстрацией римской мощи, “думая, что в будущем это сильно повлияет на мнение Галлии о том, что мощь Италии должна рассматриваться как настолько великая, что в случае какого-либо поражения в войне не только ущерб можно было бы вылечить за короткое время, но и что потери можно было бы восполнить даже увеличением сил”. Он не только набирает свежие войска, но и одалживает легион, которым Помпей командует за стенами Рима. Он говорит нам, что Помпей отдает свой легион “Республике и Дружбе”. Триумвират все еще существовал, и великий коллега Цезаря, вероятно, чувствовал, что у него нет альтернативы. Таким образом, Цезарь не только восстановил уничтоженный легион, но и доукомплектовал остальные и вышел на поле боя с двумя новыми легионами, добавленными к его армии. Вероятно, теперь у него под командованием было до восьмидесяти тысяч человек.

Сначала он совершает набег на наших старых друзей нервиев, которые почти покорили Цицерона перед Рождеством и которые уже снова вступили в сговор с некоторыми германскими и соседними бельгийскими племенами. Читатель, возможно, помнит, что во второй книге говорилось, что это племя было настолько полностью уничтожено, что от него почти не осталось названия. Таково, без сомнения, было убеждение цезаря после великой резни. Однако их осталось достаточно, чтобы уничтожить К. Цицерон и его легион. Затем Цезарь отправляется в Париж, — Лютецию Парижскую, о которой мы сейчас слышим впервые, - и с помощью своих друзей эдуев и реми заключает мир с центральными племенами Галлии, сенонами и карнутами. Затем он решает напасть на Амбиорикса всем сердцем и душой. Амбиорикс уничтожил его легион и убил двух его генералов, и против Амбиорикса он должен выставить все свои силы. Говорят, что когда цезарь впервые услышал об этом несчастье, он поклялся, что не будет стричь волосы и бриться, пока не будет отомщен. Но он чувствует, что сначала должен избавиться от тех, кто, естественно, был бы союзниками этого преследуемого врага. Менапии, с которыми, как мы помним, он так и не уладил дела в своей прошлой войне, и которые живут на южных берегах Мааса, недалеко от моря, даже еще не прислали к нему гонцов с просьбой о мире. Он сжигает их деревни, забирает их скот, превращает людей в рабов, а затем связывает их заложниками, чтобы они не дружили с Амбиориксом. Тем временем Лабиен наголову побеждает великое северо-восточное племя тревиров, которых он хитро вовлекает в бой как раз перед тем, как к ним присоединяются некие германцы, которые приходят им на помощь. “Quem Deus vult

perdere prius dementat.” Эти несчастные галлы и германцы попадают во все расставленные для них ловушки. Речь, которую Цезарь цитирует, как произнесенную Лабиеном перед своими войсками по этому случаю, запоминается. “Теперь, ” говорит Лабиен, “ у тебя есть возможность. Ты полностью завладел преимуществом своего врага. Ту доблесть, которую ты так часто проявлял перед "Императором", цезарь, прояви сейчас под моим командованием. Думай, что цезарь присутствует и что он созерцает тебя”. Чтобы так писать о себе, Цезарь, должно быть, думал о себе как о боге. Он рассказывает эту историю так, как будто было вполне естественно, что Лабиен и солдаты так относились к нему.

После этой битвы, в которой тревيري, конечно же, были перебиты, Цезарь строит второй мост через Рейн, несколько выше того места, где он переправлялся раньше. Он делает это, по его словам, по двум причинам: во-первых, потому, что германцы послали помощь нервиям; и, во-вторых, чтобы его великий враг Амбиорикс не нашел убежища среди свевов. Затем он предполагает, что это хорошая возможность рассказать что-нибудь своим читателям о различных нравах Галлии и Германии. Среди галлов, в их племенах, деревнях и даже в их семьях всегда существуют две фракции, так что одна всегда должна уравнивать другую, и ни одна из них не становится главенствующей. Цезарь сообщает нам об этом в этом конкретном месте своего повествования, потому что ему не терпится вернуться назад и объяснить, как получилось, что он принял сторону эдуев и впервые вступил в конфликт с германцами, оттеснив Ариовиста обратно за Рейн ради них. В восточной Галлии долгое время уравнивали друг друга два племени, каждое из которых, конечно, стремилось к господству, — эдуи и секваны. Секвани призвали на помощь германцев, а с эдуями обошлись очень жестоко. В своих страданиях они обратились к Риму, поскольку раньше поддерживали тесные дружеские отношения с Республикой. Дивитиак, их главный судья, — брат Думнорикса, который впоследствии был убит по приказу цезаря за то, что сбежал с эдуанской кавалерией перед вторым вторжением в Британию, — некоторое время жил в Риме и пользовался дружбой римлян, в том числе Цицерона. В Риме было много сомнений относительно того, что следует делать с этими эдуями; но в конце концов, как мы знаем, цезарь решил встать на их сторону; и мы также знаем, как он изгнал Ариовиста обратно в Германию, потеряв его жен и дочерей. Так случилось, рассказывает нам Цезарь, что эдуи считались первыми из всех галлов в дружбе с Римом; в то время как ремы, которые с такой готовностью пришли к нему на помощь, когда бельгийцы выступили против него с оружием в руках, были отнесены на второе место.

Среди галлов есть, говорит он, два класса людей, пользующихся почетом, — друиды и рыцари; под этим мы понимаем, что две профессии или образа жизни, и только две, были открыты для знати, — жречество и армия. Все простые люди, говорит Цезарь, - крепостные или немногим лучше. Они без колебаний отдают себя в рабство, когда их угнетают долги, налоги или страх перед каким-нибудь могущественным врагом, любя полученную таким образом защиту. Друиды обладают главной политической властью и могут поддерживать ее с помощью ужасной силы отлучения от церкви. Отлученный от церкви негодяй - вне закона, вне рамок гражданских прав. Над друидами стоит один великий Друид, после смерти которого это место заполняется путем избрания среди всех друидов, если только кто-то не окажется настолько заметным первым, что церемония избрания не потребуется. Их самое священное место для поклонения находится среди карнутов, в центре страны. Их дисциплина и тайны пришли к ним из Британии, и когда возникает какой-либо очень сложный вопрос, они отправляются в Британию, чтобы провести расследование. Друиды не воюют и не платят налогов. Стремление стать друидом очень велико, но вместе с тем и трудность. Нередко требуется двадцать лет обучения, поскольку все

приходится заучивать наизусть. Об их религиозных тайнах ничего нельзя написать. Их великое учение - переселение душ; чтобы люди верили, что душа никогда не умирает, и что, следовательно, смерти или той частичной смерти, которую мы видим, не нужно бояться. Они также великолепны в астрономии, географии, естественной истории и, конечно, в общей теологии.

У рыцарей, или дворян, нет другого выхода, кроме как сражаться. Цезарь предполагает, что до благословения его пришествия они были вынуждены ежегодно воевать друг с другом. Из всех народов галлы, говорит он, наиболее подвержены суевериям; настолько, что при всех опасностях и трудностях они прибегают к человеческим жертвоприношениям, при которых друиды являются их служителями. Они сжигают свои жертвы, чтобы умиловать своих божеств, и, по желанию, будут сжигать воров и убийц — боги больше всего любят такие оскверненные жертвы, — но, за неимением таковых, прибегнут к жертвоприношению невинных. Затем Цезарь сообщает нам, что среди богов они главным образом поклоняются Меркурию, которого, по-видимому, считали умнейшим из богов; но они также поклоняются Аполлону, Марсу, Юпитеру и Минерве, приписывая им атрибуты, которые приписываются им другими народами. Как поклонение греческим и римским богам смешалось с религией друидов, нам не сказано, и Цезарь не выражает удивления, что это могло быть так. Цезарь дает римские имена этим богам, но он не хочет, чтобы мы поняли, что так их называли галлы, у которых были свои собственные имена для своих божеств. Военные трофеи они посвящают Марсу, и во многих государствах хранятся большие запасы таких освященных трофеев. Не часто случается, чтобы галл совершил святотатство, присвоив себе что-либо, ставшее таким образом священным; но наказанием за такое преступление, когда оно совершается, является смерть от пыток. Сыновья испытывают величайшее почтение к своим отцам. Пока сын не научится носить оружие, он не приближается к своему отцу и даже не появляется публично в его присутствии. Состояние мужа приравнивается к приданому жены, и тогда имущество становится общим между ними. Это кажется достаточно разумным, и закон соответствовал бы взглядам современных британских жен. Но следующий галльский обычай не столь достоин примера. Мужья имеют власть над жизнью и смертью своих жен и детей; и когда умирает какой-либо выдающийся мужчина, если есть основания для подозрений, его жен допрашивают под пытками, и если признается в каком-либо злодеянии, их затем пытаются до смерти. Из этого отрывка мы узнаем, что у галлов была разрешена полигамия. У галлов бывают пышные похороны. На этих церемониях сжигаются вещи, которые были дороги усопшим. Таким образом, во времена Цезаря сжигали животных, но в прежние дни сжигали также рабов и иждивенцев, которых особенно любили. Государства с наилучшим управлением очень строго следят за тем, чтобы слухи о государственных делах не становились предметом общественного обсуждения. Все услышанное должно быть передано магистрату; но общественные дела не должны обсуждаться иначе, как в общественном совете. Мы так много слышим об обычаях галлов.

Германцы во многом отличаются от галлов. Они ничего не знают о друидах и не заботятся о жертвоприношениях. Они поклоняются только тому, что видят и чем наслаждаются, — солнцу, огню и луне. Они проводят время на охоте и войне и мало заботятся о сельском хозяйстве. Они питаются молоком, сыром и мясом. Они коммунисты в том, что касается почвы, и остаются на одной земле не дольше года. Этим обычаям они следуют, чтобы не научиться предпочитать земледелие войне; чтобы они не полюбили обширные владения, так что богатые стали бы угнетать бедных; чтобы из-за чрезмерного комфорта они не стали бояться холода и жары; чтобы среди них не выросла любовь к деньгам, и один человек не стал бы стремиться быть выше

другого. Из всего этого следует, что немцы не были лишены передовых идей в области политической экономии.

Для немцев важно не иметь ближайших соседей. Ради безопасности и независимости, каждое племя предпочитает иметь большое преимущество. На войне вожди распоряжаются жизнью и смертью. В мирное время магистратов не назначают, но вожди в кантонах вершат правосудие и, насколько могут, пресекают судебные тяжбы. Воровать в соседнем государстве, а не в своем собственном, для немца почетно. Организуются воровские экспедиции, в которые люди могут вступать или не вступать, как им заблагорассудится; но горе тому, кто, пообещав, терпит неудачу. Они добры к путешествующим незнакомцам. Было время, когда галлы были лучшими людьми, чем германцы, и могли прийти в Германию и захватить немецкую землю. Даже сейчас, говорит Цезарь, в Германии есть галльские племена, живущие по немецкому образцу. Но близость Провинции к Галлии научила галлов роскоши, и поэтому случилось так, что галлы уже не так хороши в бою, как раньше. Интересно почерпнуть из всех этих заметок информацию о прогрессе цивилизации среди народов Европы и некоторые намеки на то, что различные расы считали хорошим и плохим для человечества до времен Христа.

Затем Цезарь рассказывает нам о большом герцинском лесу, начинающемся на севере Швейцарии и простирающемся до Дуная. Человек за девять дней прошел бы его в ширину; но даже за шестьдесят дней человек не смог бы дойти до конца его в длину. Мы можем предположить, что Шварцвальд был его частью. Здесь водится много необычных зверей: однорогие бизоны; лоси, которые похожи на огромных оленей, но у которых нет суставов в ногах, и они не могут лечь, а если их сбить с ног, они не могут подняться, которые спят, прислонившись к деревьям; но деревья иногда ломаются, и тогда лось падает, и ему приходится несладко. Затем есть урусы, почти такие же большие, как слон, которые не щадят ни людей, ни животных. Убить урусов - великое дело, но никто не может приручить их, даже когда они молоды. Немцы любят отделять рога этого животного серебром и использовать их для изготовления чашек для питья.

Цезарь почти ничего не делает среди германцев. Он возвращается, частично разрушает свой мост и снова отправляется на поиски Амбиорикса. Его лейтенант Базилус почти забирает бедного затравленного вождя, но Амбиорикс сбегает, и Цезарь читает мораль о судьбе. Читатель, вероятно, помнит, что Амбиорикс был совместным королем Эбуранов с неким Кативольком. Престарелый Кативолк, видя, как притесняют его народ, проклинает своего брата-короля, который навлек на нацию эти горести, и отравляет себя соком тисового дерева.

Все племена в стране белгов, как галлы, так и германцы, подверглись теперь очень сильному преследованию. Все они помогли, или могли бы помочь, или, если предоставить их самим себе, могли бы когда-нибудь в будущем оказать помощь Амбиориксу и Эбуранам. Цезарь разделяет свою армию, но все же сам отправляется на поиски своей жертвы в сырые, неудобные края близ устьев Шельды и Мааса. Здесь он сильно отвлекается между своим жгучим желанием истребить ту расу нечестивых людей, королем которой был Амбиорикс, и своим беспокойством, как бы он не потерял в этой работе больше своих людей, чем того стоит нечестивая раса. Он приглашает соседних галлов помочь ему в этой работе, чтобы в этих негостеприимных краях скорее погибли галлы, чем его собственные легионеры. Однако он твердо усвоил, что племя, виновное в столь ужасном преступлении, — которое уничтожило на войне его армию, точно так же, как он был бы

рад уничтожить галльскую армию, — должно быть истреблено, чтобы само его название прекратило свое существование! “Pro tali facinore, stirps ac nomen civitatis tollatur.”

Разделяя свою армию, Цезарь разместил Q. Цицерон с одним легионом, тяжелым обозом и трофеями армии находился в крепости как раз на том месте, откуда Титурий Сабин был выманивен хитростью Амбиорикса. Некоторые германцы, сигамбри, узнав, что все имущество эбуронов было отдано цезарем в качестве добычи любому, кто захотел бы его взять, переправились через Рейн, чтобы таким образом набить руки. Но им внушают, что они могут полнее заполнить свои руки, напав на Q. Цицерон в его лагере; и они действительно нападают на него, когда лучшая часть его армии находится в поисках провизии. Это особое место на территории Эбуронов снова чуть не стало смертельным для римского легиона. Но германцы, не зная, как воспользоваться полученным преимуществом, возвращаются со своей добычей за Рейн, и Цезарь снова появляется, как бог. Но он еще не уничтожил Амбиорикса, — который, действительно, еще не взят в плен, — и выражает свое огромное отвращение и изумление по поводу того, что приход этих германцев, который был спланирован с целью причинить вред Амбиориксу, оказал вместо этого столь большую услугу этому чудовищно злему вождю.

Он делает все возможное, чтобы поймать Амбиорикса лично, предлагая большие награды и заставляя своих людей претерпевать всевозможные трудности в погоне. Амбиорикс, однако, с тремя или четырьмя избранными сторонниками сбегает от него. Но Цезарь не лишен мести. Он сжигает все деревни эбуронов и все их дома. Он так опустошает страну, что даже когда его армия уйдет, ни одна живая душа не сможет там жить. После этого он, вероятно, позволил побрить себя. Амбиорикса видят то здесь, то там, но с ничтожными шансами ускользает от своего преследователя. Потерпев таким образом неудачу, Цезарь с приближением зимы возвращается на юг, в Реймс, Дурокортурм; и всего в четырех словах рассказывает нам, как он замучил до смерти одного Акко, потому что Акко возглавлял заговор в центре Галлии среди карнутов и сенонов, и как он объявил вне закона и сослал других, кого не смог поймать, он отводит свои легионы на зимние квартиры и снова возвращается в Италию, чтобы проводить судебные заседания и отстаивать свои интересы среди великих дел Республики.

ГЛАВА VIII.

СЕДЬМАЯ КНИГА ВОЙНЫ В ГАЛЛИИ. — ВОССТАНИЕ ВЕРЦИНГЕТОРИКСА. — 52 г. до н.э.

Начиная рассказ о своей седьмой кампании, Цезарь делает едва ли не единственное упоминание о делах Рима, которое мы находим в этих мемуарах. Клодий был убит. Мы знаем также, что Красс был убит во главе своей армии на востоке и что после смерти Клодия Помпей был назначен диктатором в городе с титулом единоличного консула. Цезарь, однако, упоминает только об убийстве Клодия, а затем продолжает говорить, что галлы, зная, насколько важны для него, должно быть, дела Рима в этот момент, думают, что он не может сейчас заниматься ими и что в его отсутствие они могут сбросить римское иго. Дела Рима, должно быть, действительно были важны для цезаря, если, как это, несомненно, верно, у него уже был перед глазами определенный план действий, с помощью которого он мог бы стать верховным правителем Республики. Умер демагог Клодий, которого он никогда не смог бы полюбить, но к которому ему не пристало относиться как к врагу. Умер и Красс, которого из-за его богатства цезарь признал

своим коллегой. Помпей, третий триумвир, остался в Риме и был теперь единственным консулом; Помпей, который всего двенадцать месяцев назад так наивно отказался от своего легиона ради Республики — и ради дружбы. Цезарь, без сомнения, к этому времени предвидел, что борьба, наконец, развернется между ним и Помпеем. Сами формы старого республиканского правления были брошены на произвол судьбы, и Цезарь, должно быть, знал, как знал и Помпей, и Клодий, и даже Красс, что новая власть станет главенствующей в городе. Но руки, чтобы вырвать такую власть, должны быть очень сильными. И этот день еще не совсем настал. Проведя шесть лет в покорении Галлии, Цезарь не утратил бы престижа, власти, поддержки, которые дала бы ему такая территория, действительно покоренная. Несомненно, в Риме были важные дела, но по-прежнему самым разумным его решением было вернуться за Альпы и завершить свою работу. Еще до окончания зимы он услышал, что племена вступили в заговор, поскольку считалось, что в такой чрезвычайной ситуации цезарь не может покинуть Италию.

Эта последняя книга Комментариев, написанная Цезарем, повествует о доблестном Верцингеториксе, одном из арвернов, — современной Оверни, - отец которого, Кельтилл, как говорят, стремился стать вождем всей Галлии и был убит за это своим собственным государством. Верцингеторикс, несомненно, герой этих войн на стороне галлов, хотя мы ничего не слышим о нем до этой седьмой кампании. Заговор против Рима уже на плаву, его начали карнеты, главный город которых Генабум, то есть Орлеан. Верцингеторикс призывает своих соотечественников присоединиться, но был изгнан из их города Герговии за попытку. Арверны, или, по крайней мере, их вожди, боятся выступать против римлян; но Верцингеторикс собирает толпу сторонников в сельской местности и упорствует. К нему приходят люди из других племен, с севера до Парижа и с запада от океана. Он принимает верховную власть, принимает и выполняет самые суровые законы для своего руководства во время войны. За любое более тяжкое преступление он сжигает преступника заживо и подвергает его всевозможным мучениям. За любую малейшую провинность он отрезает человеку уши, выколачивает ему один глаз и отправляет его домой, чтобы он мог быть примером, видимым для всех людей. Угрожая таким наказанием тем, кто не присоединяется к нему, и подвергая такому наказанию тех, кто присоединяется, а затем становится неверным ему или равнодушным, он собирает великую армию. Цезарь, который все еще находится в Италии, слышит обо всем этом и, уладив дела с Помпеем, спешит в провинцию. Он рассказывает нам о том, как ему было трудно присоединиться к своей армии, о необходимости обезопасить даже римскую провинцию от вторжения и о том, каким образом он прорывается через покрытые снегом горы Севенны в то время года, когда эти горы считались непроходимыми. Он вынужден вступить в бой до окончания зимы, потому что, если он этого не сделает, те немногие друзья, которые у него есть в Галлии, — эдуи, например, — будут захвачены врагом. По словам Цезаря, из-за этого ему было очень трудно понять, что делать; но он решает, что должен начать свою кампанию, хотя еще зима.

Цезарь, передвигая свою армию с поразительной быстротой, захватывает три города в центре Галлии, из которых Генабум, Орлеан, является первым, и таким образом обеспечивает себя продовольствием. Верцингеторикс, когда он слышит об этих потерях, сильно обеспокоенный тем, что цезарь таким образом может существовать на провизию, собранную галлами, решает сжечь все галльские города в тех краях. Он говорит своему народу, что в нынешней чрезвычайной ситуации им больше ничего не остается, и что они должны помнить, когда увидят, что их очаги дымятся, а имущество уничтожено, что для них было бы или должно было

быть гораздо более прискорбным осознание того, что их жены и дети станут рабынями, как, несомненно, сложилась бы их судьба, если бы цезарю позволили одержать верх. Отдан приказ. Двадцать городов, принадлежащих одному племени, сожжены дотла. То же самое делается в других государствах. Но есть один очень красивый город, слава всей округи, который, по их словам, можно так легко защитить, что это будет для них скорее утешением, чем опасностью. Аварикум, нынешний Бурж, — его тоже нужно сжечь? Нельзя ли пощадить Аварикум? Верцингеторикс полностью за то, чтобы сжечь Аварик, как он сжег другие; но он позволяет себя убедить, и город спасен — на время.

Цезарь, конечно, решает захватить Аварикум, но сталкивается с большими трудностями. Скот угнан. Кукурузы нет. Эти несчастные эдуи почти ничего не делают для него; и бои, которые являются их соседями и которые, в лучшем случае, всего лишь бедный скудный народ, также непригодны для служения. Несколько дней его армия остается совсем без продовольствия, но все же не слышно ни слова жалобы, “недостойной величия и прежних побед римского народа”. Солдаты даже умоляют его продолжить осаду, когда он предлагает снять ее из-за трудностей, которые они терпят. Пусть они терпят что угодно, говорят они, но не поражение! Более того, Цезарь, когда он подходил к своим легионам один за другим во время их работы и говорил им, что снял бы осаду, если бы они не могли переносить свои лишения, все они умоляли его не делать этого. Они сказали, что в течение многих лет под его командованием они так хорошо выполняли свой долг, что не претерпели ни малейшего позора, никогда не покидали своих позиций, оставив что—либо незаконченным”, — возможно, могли бы сказать они, за исключением покорения Британии, - “что теперь они были бы опозорены, если бы сняли начатую осаду; что они скорее перенесут все лишения, чем не отомстят за римских граждан, погибших при Генабуме из-за вероломства галлов”. Цезарь вкладывает эти слова в уста своих легионеров, и, читая их, мы верим, что таков был дух этих людей. Солдаты Цезаря теперь научились не плакать, потому что боялись своих врагов.

Затем мы слышим, что у Верцингеторикса неприятности с галлами. Галлы, когда они видят римлян так близко от себя, думают, что их хотят предать в руки цезаря, и обвиняют своего предводителя. Но Верцингеторикс произносит перед ними речь и приводит нескольких римских пленников, чтобы те дали показания о плохом состоянии римской армии. Верцингеторикс клянется, что эти пленники - солдаты римских легионов, и таким образом улаживает эту небольшую неприятность; но Цезарь, защищая своих легионеров, утверждает, что люди, которых так использовали, были просто рабами.

Верцингеторикс находится в своем лагере на некотором расстоянии от Аварика, в то время как Цезарь полон решимости взять город. У нас есть описание осады, краткое, наглядное и ясное. Нам рассказывают о характере стен; о том, как галлы были хороши в минировании; как они обливали захватчиков горячей смолой и кипящим жиром; как это продолжалось, когда один галл за другим наступал на тело своего умирающего товарища; как, наконец, они решили оставить город и ночью пробраться в лагерь Верцингеторикса, но были остановлены молитвами своих собственных женщин, которые боялись милосердия цезаря; — и как, наконец, город был взят. Мы не можем не проклинать Цезаря, когда он хладнокровно рассказывает нам о результате. Все они были убиты. Старики, женщины и дети погибли полностью, перебитые римлянами. Из сорока тысяч жителей, по словам Цезаря, около восьмисот благополучно добрались до Верцингеторикса. Конечно, мы сомневаемся в точности цифр Цезаря, когда он сообщает нам о численности галлов; но мы не сомневаемся, что лишь немногим удалось

спастись и что все, кроме нескольких, были убиты. Когда во время последней кампании галлы в Генабуме (Орлеане) решили восстать против цезаря, некоторые римские торговцы — по большей части ростовщики, которые там обосновались, — были убиты. Цезарь называет это причиной, и достаточной, для массового истребления женщин и детей! Можно подумать, что иначе, возможно, он не смог бы завоевать Галлию, и что Галлия должна была быть завоевана; но в данный момент мы не можем не испытывать отвращения к человеку, способному на такую работу. Верцингеторикс мужественно переносит свою потерю. Он напоминает галлам, что, если бы они последовали его совету, город был бы разрушен сам по себе и не защищался; он говорит им, что все государства Галлии теперь готовы присоединиться к нему; и он готовится укрепить лагерь по римскому образцу. До сих пор галлы сражались либо за стенами городов, либо на открытой местности, не имея другой защиты, кроме лесов и холмов.

Затем есть еще один эпизод с этими неудовлетворительными эдуи. Между ними возник спор, кто будет их главным судьей — некий старик или некий молодой человек, — и они послали к цезарю уладить этот вопрос. Руки цезаря очень заняты; но, как он объясняет, для него важно, чтобы его союзники находились в должном подчиненном порядке. Поэтому он непременно лично отправляется в один из их городов и решает, что молодой человек будет главным судьей. Но поскольку он редко делает что-либо просто так, он умоляет послать ему на помощь против Верцингеторикса десять тысяч эдуанских пехотинцев и всю эдуанскую кавалерию. У эдуи нет иного выбора, кроме как подчиниться. Однако их подчинение носит не совсем дружелюбный характер. Старик, отстраненный от должности магистрата, связывается с эдуанским военачальником, и эдуанская армия выступает в бой - на помощь не цезарю, а Верцингеториксу! Среди эдуев много лжи и предательства, и, конечно же, весть о том, что происходит, доходит до цезаря. Снова и снова эти люди обманывают его, предают и пытаются навредить его делу; но он всегда прощает их или делает вид, что прощает. Его политика заключается в том, чтобы показать галлам, насколько велики могут быть дружба и милосердие цезаря. Если бы он сжег эдуев и пощадил Бурж, он нравился бы нам больше; но тогда, поступи он так, он не был бы цезарем.

В то время как Цезарь, таким образом, обеспокоен своими союзниками, у него достаточно проблем и со своими врагами. Верцингеторикс со своими сторонниками после ужасного поражения при Аварики, Бурже, отправляется в свою страну, известную нам как Овернь, и там ставит свою армию лагерем на высоком холме с плоской вершиной, называемом Герговия. Все мы, кто бывал в Клермоне, наверняка видели этот холм. Верцингеторикс разбивает на холме три лагеря для своей армии, а у арвернов там есть город. Галл занял такое положение, что между ним и цезарем будет река, которую невозможно перейти вброд. Но римский полководец строит мост и высаживается со своими легионами перед Герговией. Рамки этого небольшого труда не допускают сколько-нибудь подробного описания сражений Цезаря; но, возможно, нет ничего более интересного, чем эта осада. Три галльских лагеря взяты. Женщины Герговии, думая, что их город тоже взят, перегнувшись через стены, молят римлян о пощаде и умоляют, чтобы с ними не обращались так, как с женщинами Аварики. Некоторые передовые римские солдаты решительно лезут в город. Читатель также думает, что Цезарь должен одержать победу, как он всегда одерживает. Но его отбивают, и ему приходится сдаться. В этом случае доблестный Верцингеторикс является хозяином дня, и цезарь оправдывает себя, объясняя, как получилось, что его легионы потерпели поражение из-за опрометчивой храбрости его собственных людей, а не из-за плохого командования им самим. И, вероятно, так оно и было. Читатель всегда склонен верить Комментарию, даже если ему больше всего не нравится Цезарь. Цезарь снова наводит

мост через реку Алье и удаляется на территорию своих сомнительных друзей эдуев. Он сам говорит нам, что в этом деле потерял 700 человек и 46 офицеров.

Похоже, что в это время Цезарю со всей его армией грозила большая опасность быть уничтоженным галлами. Почему Верцингеторикс не развил свою победу и не помешал Цезарю сбежать через Алье, не объясняется. Несомненно, галлы не знали требований ведения войны так, как римляне. Как бы то ни было, у Цезаря было достаточно дел, чтобы спасти свою армию. Эдуи, конечно, снова обратились против него. Все его запасы, сокровища и поклажа находились в Новиодунуме, Невере, городе, принадлежащем эдуям. Они захвачены его союзниками, которые уничтожают все, что не могут унести, и армии Цезаря грозит голодная смерть. Там, где он находится, все было съедено, и Луара, без мостов и бродов, была между ним и страной, где можно было найти пищу. Он пересекает реку, эдуи полагали, что это невозможно. Он находит место, в котором его люди могут перейти вброд, держа плечи прямо над водой. Каким бы плохим ни было место для перехода вброд, несмотря на свои большие трудности, он предпринимает попытку и достигает ее.

Затем идет рассказ о битве, которую Лабиену пришлось вести близ Парижа. С ним там четыре легиона, и, услышав о неудаче цезаря при Герговии, он знает, как важно, чтобы он присоединился к своему вождю. Он сражается в своей битве и выигрывает ее, и Цезарь рассказывает эту историю с таким энтузиазмом, как будто он сам был победителем. Когда эта трудность преодолена, Лабиен отправляется на юг и присоединяется к своему Императору.

Галлы все еще полны решимости изгнать цезаря из своей страны и с этой целью созывают большой совет в Бибракте, который был главным городом эдуев. Впоследствии он получил название Августодунум, которое перешло в современное название Отун. На этом собрании эдуи, которые в течение нескольких лет поддерживались Римом и считают себя первыми из всех галлов, требуют, чтобы главная власть в восстании против Рима — теперь, когда они восстали, — была доверена им. Они считают, что эдуанский вождь должен быть главнокомандующим в этой войне против Рима. Кто так много сделал для восстания, как эдуи, которые уже примерно в десятый раз свергли своих друзей римлян? Но Верцингеторикс единогласно избран, и эдуанские вожди испытывают отвращение. Затем происходит еще одно сражение. Верцингеторикс думает, что он достаточно силен, чтобы атаковать врага, поскольку Цезарь направляется на юг, в провинцию. Цезарь, как говорит Верцингеторикс, на самом деле отступает. И, действительно, кажется, что Цезарь отступал. Но галлы разбиты и бегут, потеряв около трех тысяч своих людей, которые были убиты в бою. Верцингеторикс запирается в городе под названием Алезия, а Цезарь готовится к новой осаде.

Взятие Алезии - последнее событие, описанное в Комментариях Цезаря к Галльской войне, и из всех рассказанных историй оно, пожалуй, самое душераздирающее. Цивилизация никогда не развивалась более ужасным образом, чем тот, который преобладал при этой осаде. Верцингеторикс со всей своей армией врывается в город, и цезарь окружает его рвами, укреплениями, линиями и валами, так что никто не сможет убежать из него. Прежде чем это будет завершено, и пока еще открыт путь покинуть город, галльский вождь рассылает всадников, которые должны отправиться ко всем племенам Галлии и созвать воинов в это место, чтобы своей численностью они могли снять осаду и изгнать римлян. Мы обнаруживаем, что эти всадники делают то, что им приказано, и что проводится большое галльское совещание, на котором решается, сколько человек будет послано от каждого племени. Верцингеторикс был

очень трогателен в своем требовании, чтобы все это было сделано быстро. У него есть продовольствия для города на тридцать дней. Возможно, это продлится еще немного. Тогда, если племена не будут верны ему, он и восемьдесят тысяч душ, которые у него с собой, должны погибнуть. Всадники благополучно покидают город, и Верцингеторикс, окруженный восьмьюдесятью тысячами голодных душ, готовится ждать. Когда мы думаем о том, какой, должно быть, была Галлия в те дни, и когда мы вспоминаем, как далеко теперь ушло бы тридцать дней на то, чтобы достичь такой цели, нам кажется, что трудности, которые предстояло преодолеть, были непреодолимыми. Но Цезарь говорит, что племена действительно послали своих людей, причем каждое племя прислало требуемое количество, за исключением белловачи — жителей Бове, — которые заявили, что решили вести войну самостоятельно; но даже они, по доброте душевной, выделили две тысячи человек. Цезарь объясняет, что даже его лучшие друзья среди галлов, среди которых был некто Коммий, оказавший ему большую помощь в Британии и которого он сделал царем над своим собственным племенем, Атребатами, — при таком стечении обстоятельств почувствовали себя обязанными присоединиться к национальному движению. Этот Коммиус даже выпросил две тысячи человек из Бове. Так велико, говорит Цезарь, было объединенное желание галлов восстановить галльскую свободу, что их удерживало от прихода отсутствия воспоминаний о выгодах или дружбе. Восемь тысяч всадников и двести сорок тысяч пехотинцев собрались на территориях эдуи. Алезия находилась к северу от Эдуи, среди лингонов. Эта огромная армия выбрала своих генералов и отправилась в Алезию, чтобы сменить Верцингеторикса.

Но тридцать дней прошли, и даже больше, чем прошло, а мужчины и женщины в Алезии умирали с голоду. До Алезии никогда не доходило никаких известий о прогрессе, достигнутом в сборе их друзей. Им там стало очень плохо. Некоторые поговаривали о безоговорочной капитуляции. Другие предлагали прорваться сквозь римские ряды. Затем некто Критогнат высказал предложение, и Цезарь приводит нам слова его речи. У греческих и латинских историков было обычным делом вкладывать речи в уста определенных ораторов, добавляя слова, когда дело касалось их знаний или убеждений. Цезарь не часто рискует таким образом своим доверием; но в данном случае он это делает. У нас есть речь Критогната, слово в слово. О тех, кто говорит о капитуляции, он думает так подло, что не замечает их. Что касается того, что прорубать путь через римские линии, что означает смерть, он придерживается мнения, что терпеть несчастье больше, чем умереть. Многие люди могут умереть, если не могут мужественно жить и страдать. Пусть они потерпят еще немного. Зачем сомневаться в правдивости и постоянстве племен? Затем он делает свое предложение. Пусть те, кто может сражаться и поэтому полезен, съедят тех, кто бесполезен и не может сражаться; и таким образом проживут до тех пор, пока рекруты со всей Галлии не придут им на помощь! Те, кто обладает властью в Алезии, не могут до конца довести себя до этого, но они делают то, что в высшей степени ужасно. Они выгонят из города всех стариков, всех слабых и всех женщин. После этого, — если этого будет недостаточно, — они начнут поедать друг друга. Город принадлежит, или когда-то принадлежал, народу под названием мандубии, а не Верцингеториксу или его племеню; и мандубии со своими детьми и женщинами вынуждены уйти.

Но куда им идти? Цезарь рассказывал нам, что между его линиями и городской стеной была полоса земли — замкнутое пространство, из которого не было выхода, кроме как в лагерь Цезаря или в осажденный город. Здесь стоят эти слабые люди — пожилые мужчины, женщины и дети — и умоляют цезаря принять их в свой лагерь, чтобы они могли выйти в открытую местность. Там они стояли, как просители, на узкой полосе земли между двумя армиями. Их

собственные друзья, у которых не было для них еды, выгнали их из собственных домов. Смилоствовался бы цезарь? Цезарь взмахом руки отказывается от пощады. Он рассказывает нам, что сам решает сделать, в восьми словах. “У Цезаря, depositis in vallo custodiis, recipi prohibebat”. “Но цезарь, расставив стражу вдоль вала, запретил их принимать”. Мы больше не слышим о них, но мы знаем, что они погибли!

Собранные силы Галлии, наконец, подошли, чтобы попытаться спасти Верцингеторикса, — и действительно, они пришли вовремя; смогли ли они, придя, что-нибудь сделать? Они нападают на цезаря в его лагере, и на глазах у людей в Алезии разыгрывается великая битва. Но Цезарь очень заботится о том, чтобы те, кто сейчас заперт в городе, не присоединились к галлам, которые распространились по всей стране вокруг него. Мы слышим, как во время битвы появляется сам Цезарь, которого узнают по цвету его плаща. Читая его отчет о сражении, мы снова чувствуем, что галлы почти победили и что они должны победить. Но в конце концов они обращены в бегство — все рекруты всех племен. Римляне убивают очень многих: не будь для них непосильным трудом убивать, они могли бы убить всех. Огромная толпа, однако, убегает, и мужчины разбредаются по своим племенам.

На следующий день Верцингеторикс сдается цезарю вместе с городом. Во время последней битвы он и его люди, запертые в крепостных стенах, были просто зрителями сражения. Цезарь сидит в своих рядах перед своим лагерем; и вот к нему подводят вождей во главе с Верцингеториксом. Плутарх рассказывает нам историю о вожде, выезжающем перед цезарем, чтобы предстать перед ним в позолоченных доспехах, на великолепном коне, скачущем и гарцующем. Мы не можем представить, что какая-либо лошадь из Алезии могла после осады быть пригодной для такого праздничного мероприятия. Лошадей из конюшен Верцингеторикса, вероятно, съели много дней назад. Тогда цезарь снова прощает эдуев; но Верцингеторикса везут в качестве пленника в Рим, держат в плену шесть лет, затем ведут на Триумф цезаря и, по прошествии этих шести лет, уничтожают как жертву, необходимую для славы цезаря, — чтобы такая честь была оказана цезарю! Цезарь размещает свою армию на зимние квартиры, а сам решает остаться в Галлии на зиму. Когда его рассказ об этих событиях доходит до Дома, в его честь объявляется двадцатидневная “молитва”.

На этом комментарий Цезаря к “Белло Галлико” заканчивается. Война продолжалась еще два года; и мемуары о деяниях цезаря в течение этих двух лет — 51 и 50 гг. до н.э. — были написаны в манере цезаря неким Авлом Гиртием. Автор не претендует на то, что это было делом рук цезаря, поскольку в коротком предисловии он приносит извинения автору за то, что тот рискнул продолжить то, что начал цезарь. Самым запоминающимся обстоятельством из военных действий цезаря, описанным в этом отчете о двух кампаниях, является взятие Укселлодуна, города на юго-западе Франции, местонахождение которого в настоящее время неизвестно. Цезарь взял город, перекрыв водоснабжение, а затем ужасно изувечил жителей, которые осмелились защитить свои собственные очаги. “Цезарь, ” говорит этот историк, - хорошо зная, что его милосердие было признано всеми людьми, и что ему не нужно бояться, что любое наказание, назначенное им, будет приписано жестокости его натуры, понимая также, что он никогда не мог знать, чем может закончиться его политика, если подобные восстания продолжают вспыхивать, думал, что страх наказания должен сдерживать других галлов”. Поэтому он отрубил руки всем тем, кто держал оружие в Укселлодуна, и бросил искалеченных

несчастных на произвол судьбы! И его апологет добавляет, что он дал им жизнь, чтобы наказание этих нечестивцев, которые боролись за свою свободу, могло быть более очевидным для всего мира! Возможно, это был кульминационный акт жестокости цезаря, оправданный, как мы видим, характером, которого он добился благодаря милосердию!

Вскоре после этого Галлия была по-настоящему покорена, и тогда мы слышим первые подготовительные нотки грядущей гражданской войны. В Риме была предпринята попытка погубить цезаря в его отсутствие. Один из консулов того года — 51 г. до н.э. — пытался лишить его полномочий проконсула на оставшийся срок и запретить ему добиваться народного голосования на пост консула в его отсутствие. У него также требуют два его легиона, и он сдает их. Приказ, действительно, касается одного легиона от него и одного от Помпея; но с ним, как помнит читатель, был легион, позаимствованный у Помпея; и таким образом, фактически Цезарю приходится отказаться от двух легионов. И он отказывается от них, будучи еще не совсем готов перейти Рубикон.

ГЛАВА IX.

ПЕРВАЯ КНИГА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.—ЦЕЗАРЬ ПЕРЕХОДИТ РУБИКОН.—СЛЕДУЕТ ЗА ПОМПЕЕМ В БРУНДУЗИЙ.—И ПОБЕЖДАЕТ АФРАНИЯ В ИСПАНИИ.—49 г. до н.э..

Теперь Цезарь излагает нам свою историю той гражданской войны, в которой он и Помпей боролись за господство над Римом и Республикой. В своем первом комментарии он описал свои кампании в Галлии — кампании, в которых он подчинил племена, которые были если не враждебными, то, по крайней мере, чужеродными, и своим успехом в которых он продолжил и поддержал могущество, традиции и смысл Римской республики. Это было честлюбивое намерение римлянина - стать хозяином известного мира. В его представлениях о мире было известно не больше, чем стало известно римлянам, и любое расширение границ этого мира могло быть осуществлено только путем добавления так называемых варварских племен к числу римских подданных. Следовательно, покоряя Галлию, сражаясь с германцами и переходя на сторону Британии, Цезарь делал то, чего желали все добрые римляне, и соперничал на Западе с великими делами, которые Помпей совершил для Республики на Востоке. В этом втором комментарии он вынужден затронуть тему, которая, должно быть, была менее приятна римским читателям. Он рассказывает нам о победах, которые он одержал с римскими легионами над другими легионами, столь же римскими, и которыми ему удалось уничтожить свободу Республики.

От имени цезаря следует признать, что на самом деле свобода пала в Риме еще до Цезаря. Власть породила богатство, а богатство породило коррупцию. Племена Рима покупались и продавались на различных выборах, и несколько крупных олигархов, принадлежавших либо к той, либо к другой фракции, разделили между собой места, пользующиеся доверием, почетом и властью, и сделали это с руками, всегда открытыми для захвата общественного богатства. Честный человек с чистыми руками и совестью, с угрызениями совести и любовью к родине оказался непригодным для государственной службы. Катон в те дни был просто смешон; и даже Цицерон, хотя и был подстриженным, был слишком честен для того времени. Законы были нарушены в соответствии с их целями, и сами Трибуны^[11] из народа стали худшими из тиранов. Возможно, было необходимо, чтобы у него был хозяин; так, по крайней мере, думал Цезарь. Он,

без сомнения, видел эту необходимость в течение всех этих лет сражений в Галлии и решил, что при новом порядке вещей он будет не чем иным, как первым. Так он перешел Рубикон.

Читатель этого второго Комментария найдет его менее привлекательным, чем первый. В нем меньше приключений, меньше новой, незнакомой жизни и меньше того здорового, радостного чувства, которое возникло из глубокой убежденности цезаря в том, что, сокрушая галлов, он совершает совершенно благое дело. Для нас и нашего образа мыслей его деяния в Галлии были запятнаны ужасной жестокостью. Для него и его римлян они не были запятнаны таким пятном. О том, как другие римские завоеватели поступали с другими покоренными народами, мы можем узнать из того факта, что цезарь приобрел репутацию человека великого милосердия благодаря своей снисходительности в Галлии. Он всегда пишет так, как будто у него нет никаких угрызений совести, когда он рассказывает нам о наказаниях, к которым его вынуждала политика. Но когда он пишет об этих гражданских войнах, в нем отсутствует чувство совершенного самодовольства, и в то же время он гораздо менее жесток. Гекатомбы галлов, будь то мужчины, женщины или дети, он мог видеть сожженными, утонувшими или уморенными голодом, искалеченными или замученными без содрогания. Он мог бы отдавать команды на такие операции с меньшими угрызениями совести, чем мы испытываем, когда отдаем приказ уничтожить выводок нежелательных щенков. Но он не мог заставить себя убивать римских легионеров, даже в честном бою, с чем-либо похожим на самодовольство. В этом он был либо мягкосердечен, либо обладал более глубоким чувством родины, чем показывали генералы или солдаты, участвовавшие в гражданских боях с его времен. В войнах Алой и Белой розы и в войнах Кромвеля мы не признаем подобного чувства. Американские генералы не были столь сдержанны. Но Цезарь, похоже, ценил римского легионера больше, чем племя галлов.

Тем не менее он перешел Рубикон. Мы все слышали об этом переходе Рубикона, но Цезарь ничего не говорит об этом. Рубикон был небольшой рекой, ныне почти, если не совсем неизвестной, впадающей в Адриатическое море между Равенной и Ариминном, — Римини, — и отделяющей провинции так называемой Цизальпинской Галлии от территории, находящейся под непосредственным управлением магистрата Рима. Цезарь был, так сказать, у себя дома к северу от Рубикона. Он находился в своей собственной провинции, и все было под его контролем. Но законы запрещали ему даже въезжать на территорию собственно Рима, пока он командовал римской провинцией; и поэтому, перейдя Рубикон, он нарушил законы и выступил против официальных властей города. Однако не похоже, чтобы об этом много думали или чтобы переправа через реку действительно воспринималась как особый знак намерений цезаря или как поступок, последствия которого были необратимы. Существует множество красивых историй о колебаниях цезаря, когда он стоял на берегу реки, сомневаясь, ввергнет ли он мир в гражданскую войну. Нам рассказывают, как ему явился дух и повел его по воде под воинственную музыку, и как Цезарь, объявив, что жребий брошен, пошел дальше и пересек роковой поток. Но все это было басней, придуманной от имени цезаря римлянами, пришедшими после Цезаря. Цель цезаря, без сомнения, была хорошо понята, когда он привел один из своих легионов в этот уголок своей провинции, но предложения вести с ним дружеские отношения были сделаны Помпеем и его сторонниками после того, как он обосновался на римском берегу реки.

Когда началась гражданская война, цезарю, согласно полученному им заданию, оставалось еще два с половиной года от отведенного ему срока правления в трех провинциях; но за его победами и его могуществом с тревогой следили из Рима, и Сенат попытался издать указ о его

отзыве. Помпей больше не был другом цезаря, да Цезарь и не рассчитывал на его дружбу. Помпей, который в последнее время плохо разыгрывал свои карты и, должно быть, чувствовал, что разыгрывал их плохо, был освобожден от рабства у цезаря смертью Красса, третьего триумвира, смертью Юлии, дочери цезаря, и ходом событий в Риме. Это был противоестественный союз, заключенный цезарем с целью подрезать крылья своему сопернику. Судьба Помпея до сих пор была настолько блестящей, что он тоже казался божественным. Будучи еще мальчиком, он командовал и побеждал, женщины обожали его, солдаты боготворили его. Сулла назвал его Великим и, как нам рассказывают, приподнял перед ним шляпу в знак почета. Ему была дарована слава Триумфа еще в юности, и он одержал победу во второй раз, прежде чем достиг среднего возраста. Он одержал победу в третий раз, и эти три Победы были одержаны в трех четвертях земного шара. Во всем он был успешен и во всем счастлив. Он изгнал кишящих пиратов из всех гаваней Средиземного моря и наполнил Рим зерном. Он вернулся победителем со своими легионами с Востока и осмелился распустить их, чтобы снова жить как частное лицо. И после этого, когда было сочтено необходимым спасти город, в случае ее нужды, от группировок ее собственных граждан, он был назначен единоличным консулом. Теперь легче понять характер Помпея, чем то положение, которое он завоевал своими неизменными успехами в умах как знати, так и народа. Даже до этого времени, даже после войн Цезаря в Галлии, в Помпее было что-то от божественности, в которую верили римляне города. Он был властным, но спокойным в манерах и обладал самообладанием, никого не ставил себе равным, но не проявлял нетерпения в отстаивании своих притязаний; величественный, красивый, расточительный, когда этого требовала политика, алчный, когда требовалось многое, никогда не потакавший своим желаниям, бессердечный, лживый, жестокий, политикан, амбициозный, очень храбрый и римлянин до мозга костей. Но у него был один недостаток, эта слабость; когда пришло время последней борьбы, он не совсем понимал, что именно он хотел делать; он не видел ясно своего будущего. Дела, которые предстояло сделать, были столь велики, что он не переставал сомневаться относительно них, когда наступил момент, когда сомнение стало фатальным. Цезарь видел все это и никогда не сомневался. Эта маленькая история о цезаре, стоящем на мосту через Рубикон и размышляющем о своем будущем пути, — разделенном между послушанием и бунтом, — очень хороша. Но не было ни таких размышлений, ни такого разделения. Цезарь очень хорошо знал, что он имел в виду и чего хотел.

Цезарь полон своих обид, когда начинает свое второе повествование. Он рассказывает нам, как заставляют замолчать его собственных друзей в сенате и в городе; как побеждают его враги, Сципион, Катон и консул Лентул; как никому не позволено сказать ни слова в его защиту. “Сам Помпей, — говорит он, — подстрекаемый врагами цезаря и поскольку он не желал, чтобы кто-либо равнялся ему по чести, полностью отвернулся от дружбы Цезаря и вернулся к общению с их общими врагами, — врагами, которых он сам создал для цезаря во время их союза. В то же время, сознавая скандал, постигший те два легиона, которые он остановил на их предначертанном пути в Азию и Сирию и взял в свои руки, он беспокоился о том, чтобы вопрос был перенесен на вооружение”. Эти два легиона очень огорчили Цезаря. Одним из них был легион, который, как мы помним, Помпей пожертвовал ради дружбы — и Республики. Когда в начале этих состязаний между двумя соперниками Сенат решил ослабить каждого из них, потребовав от каждого по легиону, Помпей попросил цезаря вернуть то, что он так любезно одолжил. Цезарь, слишком гордый, чтобы отказаться от выплаты долга, отправил его своему бывшему другу, а также направил еще один легион, как того требовал Сенат. Номинально они

требовались для службы на Востоке и теперь находились в руках того, кто был другом цезаря, но стал его врагом. Неудивительно, что Цезарь говорит о бесчестии двух легионов! Он снова и снова повторяет свою жалобу на два легиона.

В январе месяце Цезарь находился в Равенне, к северу от Рубикона, в своей собственной провинции. Между ним и Сенатом передаются послания, и он предлагает свои условия. Сенат также предлагает свои условия. Он должен сложить оружие, иначе Республика сочтет его врагом. Весь Рим встревожен. Это рассказ Цезаря, но мы предполагаем, что Рим был встревожен. “Солдат набирают по всей Италии; требуют оружия, взимают налоги с муниципалитетов, а деньги берут из священных мест; все законы, божественные и человеческие, игнорируются”. Затем Цезарь объясняет своим солдатам свою неправоту и преступления Помпея. Он рассказывает им, как они под его руководством одержали победу, как под его руководством они “умиротворили” всю Галлию и Германию, и он призывает их защитить того, кто позволил им совершить такие великие дела. С ним всего один легион, но этот легион заявляет, что будет повиноваться ему, — ему и народным трибунам, некоторые из которых, действуя на стороне Цезаря, перешли из Рима в Равенну. Мы можем оценить дух этого упоминания о трибунах, так что может показаться, что между цезарем и гражданскими властями все еще существует какая-то связь. Когда солдаты выразили свою добрую волю, он отправляется в Ариминум, и таким образом Рубикон перейден.

Есть еще сообщения. Цезарь выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что его подвергают такому напряженному ожиданию, тем не менее он готов на все ради Республики; — “omnia pati reipublicae causâ”. Только пусть Помпей отправится в свою провинцию, пусть легионы в Риме и его окрестностях будут распущены, пусть будут восстановлены все старые формы свободного правления и покончено с паникой, и тогда, — когда это будет сделано, - все трудности могут быть разрешены за несколько минут разговора. Консулы и Помпей посылают ответное сообщение, что, если Цезарь вернется в Галлию и распустит свою армию, Помпей немедленно отправится в Испанию. Но Помпей и консулы со своими войсками не двинутся с места, пока Цезарь не обеспечит безопасность своего отъезда. Каждый требует, чтобы другой сначала покинул свою позицию. Конечно, все эти сообщения ничего не значат.

Цезарь, горько жалуясь на несправедливость, отправляет часть своей маленькой армии еще дальше на римскую территорию. Марк Антоний идет на Ареццо с пятью когортами, а Цезарь занимает три других города по когорте в каждом. Чудо в том, что Помпей не атаковал его и не отбросил назад. Вероятно, мы можем заключить, что солдаты, хотя и находились под командованием Помпея, не заслуживали доверия по сравнению с Цезарем. Как цезарь сожалеет о своих двух легионах, так, без сомнения, и оба легиона сожалеют о своем командире. Как бы то ни было, консульские войска с Помпеем, консулами и множеством сенаторов отступают на юг, в Брундизий, — Бриндизи, — намереваясь покинуть Италию через порт, которым мы все вскоре воспользуемся, когда двинемся на восток. Во время этого отступления первая кровь в гражданской войне проливается в Корфиниуме, городе, который, если бы он сейчас вообще устоял, стоял бы в Аbruцци. Цезарь выходит победителем в небольшом сражении и получает во владение город. Помпейских офицеров, которых он там находит, он отправляет прочь и даже позволяет им носить с собой деньги, которые, как он полагает, были взяты из государственной казны. На протяжении всего его пути на юг солдаты Помпея, которые до сих пор были его солдатами, возвращаются к нему. Помпей и консулы все еще отступают, и Цезарь все еще следует за ними, хотя Помпей хвастался, когда впервые предупреждал

остерегаться Цезаря, что ему стоит только ступить на итальянскую землю, и легионы восстанут из земли, готовые повиноваться ему. Однако он знает, что вдали от Рима, в его провинциях, в Македонии и Ахайе, в Азии и Киликии, на Сицилии, Сардинии и в Африке, в Мавритании и двух Испаниях, есть римские легионы, которые еще не знают цезаря. Возможно, для Помпея было бы лучше, если бы он топнул ногой куда-нибудь подальше от Италии. Во всяком случае, он отправляет послушных консулов и сопровождающих его сенаторов в Диррахий в Иллирии с частью своей армии, а сам следует с остальными, как только Цезарь наступает ему на пятки. Цезарь предпринимает попытку перехватить его и его флот, но это ему не удается. Таким образом, Помпей покидает Рим и Италию и никогда больше не видит ни имперского города, ни прекрасной страны.

Цезарь объясняет нам, почему он не следует за своим врагом и не пытается сразу положить конец борьбе. Помпей обеспечен судоходством, а он нет; и он знает, что сила Рима сосредоточена в его провинциях. Более того, Помпей может уморить Рим голодом, если он, цезарь, не позаботится о том, чтобы страны, выращивающие кукурузу, которые являются житницами Рима, были оставлены свободными для использования городом. Он должен позаботиться о двух Галлиях, о Сардинии и Сицилии, а также об Африке, если это будет возможно. Он должен был привлечь на свою сторону две Испании, из которых по крайней мере северная провинция в настоящее время была предана Помпею. Он посылает одного лейтенанта на Сардинию с легионом, другого на Сицилию с тремя легионами, а с Сицилии — в Африку. Эти провинции были отведены сторонникам Помпея, но цезарь добился успеха во всех них. Катону, добродетельному человеку, было поручено управление Сицилией; но Катон не находит готовой к использованию помпейской армии и, горько сетуя на то, что глава его фракции обманул и предал его, убегает и оставляет свою провинцию офицерам цезаря. Цезарь решает, что он сам перенесет войну в Испанию.

Но сначала он счел необходимым отправиться в Рим, и Цезарь в своем рассказе о том, что он там делал, вряд ли рассказывает нам всю правду. Мы вполне соглашаемся с ним, когда он объясняет нам, что, собрав Сенат, какой только мог, — ибо Помпей увел с собой тех сенаторов, которых смог склонить следовать за собой, — и предложив этому немногочисленному сенату отправить послов к Помпею, Сенат принял его предложение; но никого нельзя было убедить отправиться с таким поручением. Помпей уже объявил, что все, кто остался в Риме, были его врагами. И, вероятно, верно, что Цезарь, как он говорит, нашел в Риме некоего народного трибуна, который противостоял ему во всем, что он делал, хотя мы должны представить, что сопротивление не было жестоким. Но истинной целью его поездки в Рим было наложить лапу на сокровище республики — святилище эрариум, — которое хранилось в храме Сатурна для особых государственных нужд. Мы не удивляемся, что он предпринял это; но мы действительно удивляемся, что он взял на себя труд сказать, что он этого не делал. Он утверждает, что этот раздражительный трибун так мешал ему, что он не смог достичь тех целей, ради которых пришел. Но он определенно взял деньги, и мы не можем сомневаться, что он специально поехал в Рим за ними.

Цезарь по пути в Испанию заезжает в Марсель, который под названием Массилия был в то время, как и сейчас, самым процветающим торговым портом на Средиземном море. Он принадлежал провинции Дальняя Галлия, но на самом деле был колонией греческих торговцев. Теперь цезарю было необходимо владеть им. Городские магистраты, когда их призвали к единству, дали самый разумный ответ. Они заявляют, что очень любят Цезаря и очень любят

Помпея. Они не понимают всех этих римских дел и сожалеют, что два таких превосходных человека поссорились. В то же время они предпочитают удерживать свой собственный город. Цезарь говорит об этом решении как о нанесении ущерба самому себе, и подобные несправедливости по отношению к нему побуждают его осадить город, что он и делает как на суше, так и на море, оставляя там офицеров для этой цели, а сам отправляясь в Испанию.

В это время вся Испания удерживалась тремя офицерами, преданными делу Помпея, хотя из того, что было сказано ранее, ясно, что Цезарь ничего не опасается с юга. Афраний командовал на севере и востоке, удерживая южные отроги Пиренеев. Петрей, который, согласно договоренности, находился в Лузитании, на юго-западе, спешит на помощь Афранию, как только приближается Цезарь. Помпейская и цезарийская армии сбиты в тесноту в окрестностях Илерды (Лериды), на небольшой реке Сикорис, или Сегре, которая впадает в Эбро. Они находятся здесь недалеко от гор, и характер боевых действий зависит от скорости и размера рек, а также от неровности местности. Цезарь описывает кампанию с большой подробностью, придавая ей удивительный интерес ясностью своего повествования. Афраний и Петрей удерживают город Илерда, который полон провизии. Цезарь очень стеснен нуждой, так как зерно и трава еще не выросли, а сельские запасы прошлого года почти исчерпаны. Его трудности настолько велики, что до Рима доходит весть о том, что Афраний победил его. Услышав это, многие из тех, кто все еще цеплялся за город, сомневаясь в том, чью сторону они примут, ушли к Помпею. Но Цезарю наконец удается сделать Илерду слишком горячей для помпейских генералов. Он переправляет свою армию через одну реку в кораклах, подобных тем, которые он видел в Британии; он поворачивает русло другой реки; переходит вброд третью, преодолевая течение ручья массой своих лошадей; и наводит мост через четвертую. Афраний и Петрей обнаруживают, что они должны покинуть Илерду и перебраться через Эбро среди полудикого варварского племени дальше на юг, и проложить себе путь, если возможно, среди кельтибров, — перебравшись из Арагона в Кастилию, поскольку разделение было произведено в последующие века. Цезарь приводит нам в качестве одной из причин этого предполагаемого похода со стороны своих врагов то, что Помпей был хорошо известен среди этих племен, но что имя Цезаря было еще неясным для варваров. Однако Афранию было нелегко перейти Эбро без разрешения Цезаря, а Цезарь ни в коем случае не даст ему разрешения. Он перехватывает помпейцев и теперь обращает против них ту ужасную машину нужды, от которой он так много страдал. Он продолжает так изводить их, все еще к северу от Эбро, что они не могут добраться до воды; и в конце концов они вынуждены сдаться.

В последние дни этого сражения афранийцы, как их называют, — римские легионеры, равно как и солдаты Цезаря, — братаются со своими собратьями в лагере Цезаря, и между двумя римскими армиями установилось нечто вроде свободного общения. В результате солдаты Афрания решают сдаться Цезарю, торгуясь, однако, о том, что их собственные генералы будут в безопасности. Афраний вполне согласен; но его брат-военачальник Петрей, в душе больше похожий на римлянина, и слышать об этом не хочет. Позже мы услышим о странной судьбе этого Петрея. Он останавливает заговор с помощью энергии и сил своих людей и даже Афрания, давшего клятву не сдаваться. Он приказывает убить всех солдат Цезаря, найденных в их лагере, и, как говорит нам Цезарь, возвращает дело к старой форме войны. Но все это бесполезно. Афранийцы так измучены нехваткой воды, что оба полководца в конце концов вынуждены капитулировать и сложить оружие.

Пять слов, которые употребил Цезарь при описании этого дела, дают нам наглядный пример его лаконичности в употреблении слов и способности к лаконичности, которую предоставляет латинский язык. “Premebantur Afraniani pabulatione, aquabantur ægre.” “Солдаты Афрания испытывали большие затруднения с фуражом и могли добывать воду лишь с большим трудом”. Эти двадцать слов переводят те пять, которые использует Цезарь, возможно, с достаточной точностью; но любой английский историк, вероятно, использовал бы гораздо больше двадцати, имея дело с теми же фактами.

Цезарь относится к своим соотечественникам с величайшей щедростью. Стольких покоренных галлов он продал бы в рабство, убив их вождей, или отрубил бы им руки, или сбросил бы их в реку и позволил бы им погибнуть в водах. Но его побежденные враги - римские солдаты, и он просто требует, чтобы армия Афрания была распущена, а ее предводители отправились, куда им заблагорассудится. Он произносит перед ними речь, в которой объясняет, как плохо они с ним обращались. Тем не менее, он никому не причинит вреда. Он терпеливо переносил все это и будет переносить. Пусть только генералы покинут Провинцию, а армия, которой они руководили, будет расформирована. Он не станет держать солдата, который не желает оставаться с ним, и даже заплатит тем, кому Афрания не смог заплатить, из своих собственных средств. Те, у кого есть дома и земля в Испании, могут остаться там. Тех, у кого их нет, он сначала накормит, а потом заберет обратно, если не в Италию, то, по крайней мере, к границам Италии. Имущество, которое его собственные солдаты отняли у них в случае войны, будет возвращено, и он из своего собственного кармана выплатит компенсацию своим собственным людям. Он выполняет свое обещание и уводит всех тех, кто не желает оставаться, на берега реки Вар, которая отделяет провинцию от Италии, и там высаживает их, преисполненных, без сомнения, благодарности к их победителю. Никогда еще не было такого милосердия — или, можно сказать, лучшей политики! Вся кампания цезаря в Испании заняла у него всего сорок дней.

Тем временем Децим Брут, которому, как мы помним, Цезарь поручил командование кораблями, которые он готовил против венетов на западе Галлии, и который впоследствии был одним из тех, кто убил его в Капитолии, одерживает морскую победу над гораздо более многочисленным флотом массийцев. Они подготовили семнадцать больших кораблей, — “длинные нефы”, как называл их цезарь, — и из них Брут либо уничтожает, либо берет девять. В своей следующей книге Цезарь продолжает рассказывать нам, как развивались события в Марселе как на море, так и на суше после этого дела.

ГЛАВА X.

ВТОРАЯ КНИГА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.—ВЗЯТИЕ МАРСЕЛЯ.—ВАРРОН На ЮГЕ ИСПАНИИ.—СУДЬБА КУРИОНА ПЕРЕД УТИКОЙ.—49 г. до н.э.

В своей хронике Галльской войны Цезарь в каждой книге завершал рассказ о годичной кампании. Рассказывая о гражданской войне, он посвящает первую и вторую книги событиям одного года. Во второй части рассказывается о трех отдельных эпизодах кампании этого года: взятие Марселя, покорение южной провинции Испании, — если можно сказать, что она была покорена и сдалась очень легко, — и уничтожение римской армии в Африке руками варварского короля. Но из всех сочинений Цезаря это, пожалуй, наименее интересное, поскольку в нем

мало говорится о том, что делал сам цезарь, — и фактически содержит в основном записи цезаря о действиях его помощников на море и суше.

Он начинает с рассказа об огромных усилиях, предпринятых как осаждающими, так и осажденными в Массилии, город которой теперь удерживал Домиций со стороны Помпея, в дополнение к которому в море был послан некий Назидий с большим флотом. Молодой Брут, как следует помнить, атаковал гавань от имени цезаря и уже одержал победу над массилианцами до того, как подошел Назидий; а Требоний, также со стороны цезаря, осаждал город с суши. Этот Децим Брут был одним из тех заговорщиков, которые впоследствии составили заговор против Цезаря и убили его, и Требоний был другим из их числа. Мудрые греки города, — однако скорее мудрые, чем удачливые, — объяснили цезарю, когда он впервые выразил желание привлечь город на свою сторону, что на самом деле для них не было разницы между Помпеем и Цезарем, которых они любили всем сердцем, — но они были вынуждены стать сторонниками Помпея, помпейский полководец Домиций был первым, кто вошел в их город; и теперь они оказались вынуждены сражаться как помпейцы, защищая свое богатство и свои дома. Движимые необходимостью, они сражаются достойно и делают все возможное, чтобы поддержать сторону, которую мы отныне должны называть стороной Республики, а не автократа; ибо во время осады Марселя Цезарь был назначен диктатором, и соответствующий закон был принят в Риме, где принятие такого закона, без сомнения, было достаточно легко в отсутствие Помпея, консулов и всех сенаторов, которые были друзьями Помпея.

Массилийцы теперь выбрали свою сторону, и они делают все, что в их силах. Нам рассказывают, что цезаревы войска с возвышенности, на которой Требоний разбил свой лагерь, могли смотреть вниз на город и видеть, “как вся молодежь, оставшаяся в городе, и все старейшины со своими детьми и женами, и городские стражи либо простирали руки к небу со стен, либо, войдя в храмы бессмертных богов и бросившись перед их священными изображениями, молились, чтобы небесные силы даровали им победу. Не было среди них ни одного, кто не верил бы, что от исхода того дня зависело все, что у них было”, а именно свобода, собственность и жизнь; ибо массилийцы, несомненно, слышали об Аварики, Алезии и Укселлодуне. “Когда началось сражение,” говорит Цезарь, “массилийцы несколько не уступили в доблести; но, памятуя об уроках, которые они только что получили от своих горожан, сражались с верой в то, что настоящее - их единственная возможность что-либо сделать для собственного спасения; и что для тех, кто падет в битве, потеря жизни наступит лишь немного раньше, чем для других, которых постигнет та же участь, если город будет взят”. Цезарь, когда он писал это, несомненно, думал о том, что он натворил в Галлии, когда политика потребовала от него крайней жестокости; и, таким образом, он усилил милосердие, с которым, как он собирается нам рассказать, он впоследствии обошелся с массилианцами. Когда пришло время, ему не понравилось опустошать богатый город, торговля купцов которого была выгодна как Риму, так и Провинции. Он собирается рассказать нам о своем милосердии и поэтому заранее объясняет нам, как мало от него ожидалось милосердия. Мы чувствуем, что каждая написанная им строка взвешена, хотя времени на такое взвешивание, должно быть, было очень мало у того, чьи руки были так заняты, как всегда были руки цезаря.

От Назидия, которого мы можем назвать адмиралом Помпея, не было никакой пользы. Массилийцы, соблазненные его появлением, храбро атакуют корабль, который несет флаг юного Брута; но юный Брут слишком быстр для них, и несчастные массилийцы сталкивают два своих самых больших корабля друг с другом в попытке зажать между собой корабль цезарева

адмирала. Массилианский флот полностью рассеян. Пятеро потоплены, четверо взяты в плен: один выходит сухим с Назидием, который убегает, не прилагая никаких усилий к сражению; который был послан туда, — как намекает Цезарь, - Помпеем не для того, чтобы оказывать помощь, а только для того, чтобы делать вид, что оказывает помощь. Один корабль возвращается в гавань с печальной вестью; и массилийцы, лишь на мгновение впавшие в отчаяние при первых же неприятных известиях, решают, что их стены еще можно отстоять.

Город был очень хорошо снабжен всем необходимым для обороны, жители были предусмотрительными, хорошо обученными и цивилизованными, в их распоряжении были все средства. Нам рассказывают об огромных шестах длиной в двенадцать футов с острыми железными наконечниками, которые осаждающие могли бросать с такой силой из механизмов на своих стенах, что они пробивали четыре яруса плетеных ящиков или стационарных щитов, которые цезарианцы соорудили для своей защиты, полагая, что никакая сила не сможет пробить их оружием. Когда мы читаем об этом, мы не можем не думать о пушках Армстронга и Уитфилда, о железных пластинах, гранитных батареях и земляных укреплениях. Эти ужасные дротики, метаемые из “балистей”, очень досаждают цезаревичам; поэтому они сооружают огромную башню, настолько высокую, что до нее невозможно добраться никаким оружием, построенную так, чтобы снаружи не было дерева или материала, подверженного возгоранию, — которую они возводят этаж за этажом, очень прочной. И по мере того, как они продвигаются вперед шаг за шагом, каждая история становится защищенной от огня и от врага. Читатель, — вероятно, сам не инженер, — пробираясь через это подробное описание сооружения, которое дает Цезарь, и пытаюсь понять, каким образом это делается, склонен думать, что Цезарь, должно быть, сам служил специально инженером. Но на самом деле он сам не участвовал в этой осаде и не имел никакого отношения к планированию башни, и в этом случае, по крайней мере, должен был получить письменное описание от своего офицера, как он, вероятно, делал раньше, когда строил достопамятный мост через Рейн. И когда башня закончена, они прокладывают длинный крытый ход или навес, — мускул или мускульная система, как называет ее цезарь; и этим они прокладывают для себя проход от большой башни к особому месту в городских стенах. Эта мышца настолько прочна благодаря своей покатой крыше, что ничто, брошенное на нее, не ломает и не обожжет ее. Массильцы пробуют бадьи с горячей смолой и большие обломки камня; но они просто соскальзывают на землю, и их вытаскивают длинными шестами и вилами. А у цезарейцев, с высоты их огромной башни, такое ужасное преимущество! Массильцы не могут защитить свою стену, и в ней пробита брешь, или почти пробита.

Массилийцы больше ничего не могут сделать. Сами боги против них. Поэтому они надевают форму просителей и идут к завоевателям. Они отдадут свой город цезарю. Ожидается цезарь. Будет ли Требоний так добр, что подождет, пока придет Цезарь? Если Требоний продолжит свою работу так, чтобы солдаты непременно вошли в город, тогда; — Требоний очень хорошо знает, что произойдет тогда. Небольшая задержка не повредит. Ничего не будет сделано, пока не придет Цезарь. Так случилось, что цезарь уже особо распорядился, чтобы город был пощажен; и заключено нечто вроде перемирия, которое продлится до тех пор, пока цезарь не придет и не вступит во владение. Требонию трудно удержать своих солдат от грабежа, но он сдерживает их, и осаждающие находятся в покое и ждут цезаря.

Но массилийцы - хитрый народ. Цезаревы солдаты, согласившись ждать, относятся к этому легко и просто развлекаются в эти дни ожидания. Когда они совершенно теряют бдительность и сильный ветер благоприятствует плану, массилийцы выбегают наружу и преуспевают в поджоге

башни, мускулов, вала, сараев и всего инвентаря. Несмотря на то, что башня была построена из кирпича, она горит свободно, настолько силен ветер. Затем Требоний принимается за работу и делает все это снова. Поскольку вокруг лагеря больше не осталось дерева, он возводит вал нового типа, доселе неслыханного, из кирпичей. Несомненно, первыми кирпичи изготовили цезаревы солдаты, и мы можем представить, каковы были их чувства по отношению к массилианцам. Но как бы то ни было, они работают так хорошо и так усердно, что массилианцы вскоре видят, что их запоздалый успех бесполезен. Им ничего не остается. Ни вероломство, ни доблесть не могут помочь им, и теперь они снова сдаются. Они умирают от голода и мора, их укрепления разрушены, у них нет надежды на помощь извне, — и теперь они сдаются, — не замышляя никакого обмана. “Sese dedere sine fraude constituunt.” Домицию, помпейскому военачальнику, удастся спастись на корабле. Он отправляется в путь с тремя кораблями, но тот, на котором он сам плывет в одиночку, ускользает из рук “молодого” Брута. Несомненно, теперь с Марселем обойдутся хуже, чем с галльскими городами. Но такова ни в коем случае не воля цезаря. Цезарь забирает их общественные сокровища и корабли и, напомнив им, что он щадит их скорее за их имя и старую репутацию, чем за какие-либо их заслуги, проявленные по отношению к нему, оставляет среди них два легиона и отправляется в Рим. При Аварике, когда галлы сражались, защищая свои собственные свободы, он уничтожил всех; — при Алезии он приказал убить каждого жителя, когда они просто попросили у него разрешения пройти через его лагерь; — при Укселлодуне он отрубил руки и выколол глаза галлам, которые осмелились сражаться за свою страну. Но галлы были варварами, которых императору было необходимо умиротворить. Массилиане были греками, цивилизованным народом, и могли быть полезны.

Перед походом на Марсель цезарю предстояло еще кое-что сделать в Испании, где, как было сказано в предыдущей главе, он только что вынудил Афрания и Петрея сложить оружие и распустить свои легионы. К ним присоединился третий помпейский военачальник, некто Варрон, — выдающийся человек, хотя, возможно, и не великий полководец, — о котором Цезарь говорит нам, что в своей римской политике он колебался между тактикой Помпея и цезаря, пока, к несчастью для себя, не встал на сторону Помпея и противника, когда услышал, что Афраний поступает по-своему в окрестностях Лериды. Но Варрон находится на юге Испании, в Андалусии, — или Бетике, как ее тогда называли, — и в этой южной провинции Испании, похоже, дело Цезаря было более популярным, чем дело Помпея. У Цезаря, во всяком случае, нет особых трудностей с Варроном. Помпейский офицер покинут своими легионами и очень быстро сдается. Цезарь не хочет рассказывать нам, что он сделал с Варроном, но мы знаем, что он обращался со своим братом Романом с предельной вежливостью. Варрон был очень образованным человеком, другом Цицерона, писателем книг и пользовался уважением Рима как литератора, если не как полководец. Нам говорят, что он написал 490 томов и что дожил до восьмидесяти восьми лет — судьба, весьма необычная для римлян, которые в те дни вмешивались в государственные дела. Цезарь уладил все на юге Испании, вернув деньги и сокровища, которые Варрон отнял у городов, и поблагодарил всех. Затем он отправился через Пиренеи в Марсель и там все уладил.

Но в то же время в Африке все было далеко не так гладко. Название Африка в то время было дано небольшой провинции, принадлежащей Республике, лежащей к востоку от Нумидии, в которой стоял Карфаген, когда Карфаген был городом, с мысом, выступающим в сторону Сицилии, и римской столицей Утикой. Уже говорилось, что когда цезарь решил завладеть некоторыми провинциями республики, прежде чем последовать за Помпеем через Адриатику, он послал наместника с тремя легионами на Сицилию, желая, чтобы тот отправился в Африку,

как только на острове все будет устроено по цезарскому обычаю. Сицилийский вопрос не вызывает особых хлопот, поскольку Катон, добродетельный человек, в чьи руки было вверено управление островом от имени Республики, покидает его по прибытии цезаревых легионов, горько жалуясь на поведение Помпея. Затем наместник Цезаря отправляется в Африку с двумя легионами, как и было приказано, предлагая своей армии изгнать некоего Аттия Вара, который, согласно рассказу Цезаря, незаконно завладел провинцией, сохранив ее за Помпеем, но не позволяя губернатору, назначенному Республикой, даже ступить ногой на берег. Этот лейтенант был большим любимцем цезаря по имени Курион, который был избран народным трибуном как раз тогда, когда Сенат предпринимал попытку отозвать Цезаря с его командования в Галлии. В этой чрезвычайной ситуации Курион как трибун сослужил службу цезарю, и Цезарь любил молодого человека. Он был одним из тех, кто, хотя и благороден по происхождению, оказался среди людей, как это сделали Катилина и Клодий, — непостоянных, буйных, беспринципных, порочных, нуждающихся, любящих удовольствия, алчных, но хорошо образованных, храбрых и умных. Цезарь сам был таким человеком в молодости и мог легко простить подобные недостатки в характере того, кто, в дополнение к таким добродетелям, которые были названы, обладал еще одной и более великой добродетелью — любовью к цезарю. Цезарь ожидал от Куриона великих свершений и полностью доверял ему. Курион со множеством кораблей и двумя своими легионами высаживается в Африке и готовится отвоевать провинцию для своего большого друга. Он действительно получает некоторое небольшое преимущество, так что его солдаты называют его “Император”, — имя, которое не дается полководцу, пока он не одержит победу на поле боя; но из рассказа Цезаря об этой истории становится ясно, что собственные офицеры Куриона и его солдаты не доверяли ему и сомневались, последуют ли они за ним, или завладеют кораблями и вернутся на Сицилию; — или перейдут на сторону Аттия Вара, который был их командующим в Италии до того, как они перешли от Помпея к Цезарю. Проводится военный совет, и возникает много сомнений. Они боятся не только и не столько Аттия Вара, их римского врага, но и Джубы, нумидийского царя, который, несомненно, будет сражаться за Вара и против Куриона. Он объявлен другом Помпея и в равной степени объявлен врагом Цезаря. У него также есть особые основания для вражды с самим Курионом; и если он явится лично со своей армией — приведя с собой такую армию, какую сможет привести, если пожелает, — это, несомненно, плохо кончится для Куриона, если Курион будет далеко от своего лагеря. Затем Курион, недовольный своим военным советом и озабоченный тем, чтобы его солдаты поддержали его в желании сражаться, произносит речь перед легионерами. Мы, конечно, должны помнить, что Цезарь передает нам слова этой речи и что Цезарь, должно быть, сам составил эти слова вместе.

Оно начинается от третьего лица. Он — то есть Курион, — рассказывает этим людям, как они были полезны цезарю в Корфиниуме, городе, в котором они перешли от Помпея к Цезарю. Но во втором предложении он переходит к первому лицу и вкладывает те же самые слова в уста Куриона. “Ибо тебе и твоим заслугам, — говорит он, — подражали все города; недаром цезарь думает о тебе по-доброму, а помпеянцы — недобро. Ибо Помпей, не проиграв ни одной битвы, но движимый результатом твоего поступка, бежал из Италии. Меня, кем цезарь дорожит больше всего, а также Сицилию и Африку, без которых он не может удержать Рим и Италию, цезарь вверил вашей чести. Кое-кто советует вам покинуть меня, ибо что может быть желаннее для таких людей, чем то, чтобы они в то же время обошли меня и возложили на вас гнусное преступление?... Но ты, разве ты не слышал о том, что сделал цезарь в Испании, — две армии разбиты, два полководца побеждены, две провинции завоеваны, и все это сделано за сорок

дней с того момента, когда цезарь впервые увидел своего врага? Могут ли те, кто, будучи невредимыми, не смогли устоять против него, сопротивляться ему теперь, когда они побеждены? И ты, последовавший за цезарем, когда победа на его стороне была сомнительной, теперь, когда фортуна заявила о себе, перейдешь ли ты на сторону побежденных, когда ты вот-вот осознаешь награду за свое рвение?... Но, возможно, хоть ты и любишь цезаря, ты не доверяешь мне. Я не буду много говорить о своих собственных заслугах перед тобой, которые на самом деле пока меньше, чем я желал или ты ожидал. Затем, заявив таким образом, что не будет говорить о себе, он все же отваживается сказать несколько слов по этому поводу. “Но почему я должен пренебрегать своей собственной работой, результатом, который уже достигнут, и моей собственной удачей на войне? Вам неприятно, что я привел всю армию целой и невредимой, не потеряв ни одного корабля? Что, когда я пришел, при моем первом натиске я должен был рассеять флот врага? Что за два дня я одержал бы двойную победу со своей кавалерией; что я бы отрезал двести транспортов от вражеской гавани; что я бы так потревожил врага, что ни по суше, ни по морю он не смог бы достать продовольствия для удовлетворения своих потребностей? Будет ли тебе приятно отказаться от такой удачи и такого руководства и связать себя с позором в Корфиниуме, бегством из Италии, — а именно, бегством Помпея в Диррахий, - капитуляцией Испании и злом этой африканской войны? Я действительно хотел, чтобы меня называли солдатом Цезаря, а вы назвали меня своим Императором. Если вы рассказываете в том, что сделали это, я возвращаю вам комплимент. Верните мне мое собственное имя, чтобы не показалось, что вы с презрением называли меня этим почетным титулом.

Это очень воодушевляюще; и чисто риторическое утверждение цезаря о том, что Курион таким образом обращался к своим солдатам, само по себе интересно, поскольку показывает нам, как обращались к легионерам их командиры и как величайший полководец того или любого века считал естественным, что лидер обращается к своим войскам. Это ценно еще и потому, что показывает трудность сохранения верности любого легиона любой стороне в гражданской войне, в которой с обеих сторон солдаты должны сражаться за командира, которого они научились уважать, и против командира, которого они уважали, — командующим в каждом случае был римский император. Курио, как мы знаем, тоже был человеком, который в подобном случае мог использовать слова. Но то, что он использовал слова, вложенные в его уста, или любые подобные им, очень маловероятно. Цезарь стремился принести наилучшие извинения, какие только мог, за доблестного молодого друга, погибшего за его правое дело, и показал свою любовь, сделав человека, которого он любил, памятным для всех потомков.

Но прежде чем для молодого человека настал темный час, у него появился проблеск успеха, который, если бы он действительно произнес слова, вложенные в его уста цезарем, казался бы оправданием их. Он нападает на армию своего собрата-римлянина Вара и разбивает ее, загоняя обратно в Утику. Затем он решает осадить город, и Цезарь намекает, что он добился бы успеха благодаря цезаревым симпатиям горожан, если бы не приближение ужасного Джубы. Затем до Куриона доходит слух — и до Вара тоже, — что нумидийский царь спешит к месту событий со всеми своими войсками. Он завершил еще одно дело, которое у него было под рукой, и теперь может рассчитывать на своих римских друзей - и на своих римских врагов. Джуба хитроумно посылает вперед своего префекта, или лейтенанта, Сабуру с небольшим отрядом кавалерии, и Курион приходит к выводу, что Джуба не пришел, а Сабура был отправлен со скудной помощью на помощь Вару. Несомненно, он может дать хороший отчет о Сабуре и том небольшом отряде нумидийских всадников. С самого начала мы видим, что Курион

обречен. Цезарь в нескольких трогательных словах приносит свои извинения. “Во многом этому способствовала молодость молодого человека и его высокий дух, а также его прежний успех и его собственная вера в собственную удачу”. Здесь нет ни слова упрека. Курион обращается к своим солдатам с еще одной речью. “Спешите к своей добыче, - говорит он, - спешите к своей славе!” Они действительно спешат, причем таким образом, что, когда передовые из них достигают войск Сабурь, самые задние из них оказываются разбросанными далеко по дороге. Джуба режет их на куски. Один из его офицеров приглашает Куриона вернуться в свою палатку. Но Цезарь говорит нам, что Курион в тот последний момент ответил, что, потеряв армию, с которой Цезарь доверял ему, он никогда больше не посмотрит Цезарю в лицо. То, что он действительно сказал несколько подобных слов и что этот офицер повторил их Цезарю, достаточно вероятно. “Итак, сражаясь, он был убит”; и вот конец человека, которого любил Цезарь.

То, что произошло потом, было очень печально для римской армии. Многие спешат к кораблям в море; но там так много ужаса, так много неразберихи, и все делается так плохо, что лишь очень немногие добираются до Сицилии. Остальные пытаются сдаться Вару; после этого, если бы они смогли это сделать, их положение было бы не очень плохим. Римлянин, сдавшийся римлянину, в худшем случае обнаружил бы, что он вынужден сменить свою партию. Но появляется Джуба и объявляет их своей добычей, и Вар не осмеливается выступить против царя варваров. Джуба убивает большинство из них, но отправляет нескольких, которые, по его мнению, могут послужить его цели и приумножить его славу, обратно в его собственное королевство. При этом Юба вел себя не хуже, чем Цезарь обычно вел себя в Галлии; но Цезарь всегда пишет так, как будто не только римлянин должен считать римлянина чем-то большим, чем человеком, но и как будто все остальные должны так же относиться к римлянам. И, делая такие заявления от своего имени, римляне были так расценены. Затем нам сообщают, что варварский царь Нумидии с триумфом въехал в Утику в сопровождении римских сенаторов в своей свите; и имена двух особых римских сенаторов Цезарь передает потомству как принадлежавших к этому низкому числу. Насколько мы можем пощадить их, они будут пощажены.

О короле Джубе и его судьбе мы услышим снова.

ГЛАВА XI.

ТРЕТЬЯ КНИГА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.—ЦЕЗАРЬ СЛЕДУЕТ ЗА ПОМПЕЕМ В ИЛЛИРИЮ.—
РУБЕЖИ ПЕТРЫ И БИТВА При ФАРСАЛИИ.—48 г. до н.э..

Последнюю книгу своего последнего комментария Цезарь начинает с того, что сообщает нам, что в этом году ему, Цезарю, по закону было разрешено назначать консула. Он назначает Публия Сервилия действовать совместно с ним самим. Смысл этого в том, что, поскольку Цезарь был назначен диктатором, а Помпей взял с собой в Иллирию консулов предыдущего года, Цезарь теперь был единственным должностным лицом, под властью которого мог быть избран консул. Без сомнения, он действительно выбрал этого человека, но предполагалось, что выборы были проведены в соответствии с формами правления Республики. Он оставался в Риме в качестве диктатора в течение одиннадцати дней, в течение которых издавал различные законы, главной целью которых было уменьшить опасность, вызванную нарушением обычного хода вещей; а затем он отправился в Бриндизи по следам Помпея. С ним было двенадцать

легионов, но ему не хватало кораблей для их перевозки; и он признает, что здоровье людей неважное, так как осень на юге Италии была очень суровой для людей, привыкших к здоровому климату Галлии и севера Испании. Помпей, по его словам, имел целый год, чтобы подготовить свою армию, — целый год без военных действий, и собрал людей, корабли и деньги, а также всю ту поддержку, которую дает согласие, из Азии и Киклад, из Коркиры, Афин, Вифинии, Киликии, Финикии, Египта и свободных государств Ахайи. С ним было девять римских легионов, и он ожидает еще два вместе со своим тестем Сципионом из Сирии. У него три тысячи лучников с Крита, из Спарты и из Понта; у него тысяча двести пращников и семь тысяч всадников из Галатии, Каппадокии и Фракии. Доблестный принц из Македонии привел с собой двести человек, все верхом. Пятьсот галатийских и германских всадников, оставленных для устрашения Птолемея в Египте, доставлены к Помпею сыновней заботой молодого Кнея. Он также вооружил восемьсот слуг из их собственной семьи и привел их вооруженными. Антиох Коммагенский посылает ему двести конных лучников — наемников, однако, не отправленных без обещания высокой платы. Дарданы, люди из земли древней Трои, Бесси, с берегов Гебра, фессалийцы и македоняне — все они столпились вместе под знаменами Помпея. Мы чувствуем, что у Цезаря текут слюнки, когда он рассказывает о них. Но мы также чувствуем, что он готовится к триумфальному отчету, в котором он собирается сообщить нам, что все эти полчища он развеял по ветру небесному с горсткой римских легионеров, которых ему наконец удалось высадить на берегах Иллирии.

Помпей также собрал из всех частей *“frumenti vim maximam”* — “поистине великая сила кукурузы”, как сказал бы ирландец, переводя эти слова буквально. И он покрыл моря своими кораблями, чтобы помешать цезарю выйти из Италии. У него есть восемь вице-адмиралов, которые командуют его различными флотами, — всех их называет цезарь; и над всеми ними, как главнокомандующий, стоит Бибул, который был совместным консулом с цезарем до того, как Цезарь отправился в Галлию, и которого во время его консульства цезарианцы так притесняли, что он заперся в своем доме и позволил цезарю править как единоличному консулу. Теперь он собирается отомстить; но месть такого человека, как Бибул, не может постичь цезаря.

Цезарь, приведший свои легионы в Бриндизи, произносит перед ними речь, которая почти превосходит по наглости все, что он когда-либо говорил или делал. Он говорит им, что, поскольку они теперь почти закончили за него всю его работу; — им осталось только низвергнуть республику с Помпеем Великим и всеми силами Республики — к которым, однако, следует добавить царя Птолемея в Египте, царя Фарнака в Азии и царя Джубу в Нумидии; — им лучше оставить в Бриндизи все свое небольшое имущество, трофеи прошлых войн, чтобы они могли плотнее погрузиться в лодки, на которых он намеревается отправить их в Иллирию, — если только они смогут избежать милости царя Птолемея в Египте, царя Фарнака в Азии и царя Джубы в Нумидии. о бывшем консуле адмирале Бибуле. Нет никаких намеков на то, что в будущем они вернут себе свое имущество. В своих будущих надеждах они должны полностью полагаться на щедрость цезаря. Единым криком они заявляют о своей готовности повиноваться ему. Он командует семью легионами, избегая опасностей тех “скал дурной славы”, Акроцеравнии, о которых рассказывает нам Гораций, — а также спасаясь от Бибула, который, похоже, заперся на своем корабле, как раньше делал в своем доме во время консульства. Цезарь, по-видимому, произнес этот отрывок с убеждением, что, попади он в руки Бибула, все было бы потеряно. И при обычной предосторожности и усердии со стороны Бибула таков был бы результат. И все же он предпринимает попытку, полагаясь на Удачу цезаря, и ему это удается. Он высаживается в месте, которое называет Палестой, на побережье Эпира,

значительно южнее Диррахия, в Иллирии. В Диррахии Помпей высадился годом ранее, и теперь там хранятся те богатые запасы провизии, о которых говорил Цезарь. Но Бибул, наконец, решает действовать, и ему удается напасть на пустые сосуды, которые цезарь отправляет обратно за остатками своей армии. “Наткнувшись на тридцать из них, он обрушивается на них со всем гневом, вызванным его собственной недостаточной осмотрительностью и горем, и сжигает их. И в том же самом огне он убивает матросов и капитанов судов, надеясь утратить других, — рассказывает нам Цезарь, “ суровостью наказания”. После этого нам не жаль слышать, что он бродит по морям, очень занятый, но все еще неспособный, и что он умирает, как кажется, от разбитого сердца. Впоследствии он действительно садится на один корабль, но не с солдатами, а с частным предприятием, с детьми, слугами и тому подобными, иждивенцами и последователями лагеря цезаря. Всех их, включая детей, Бибул убивает, вплоть до самого маленького ребенка. Однако мы должны помнить, что эта история рассказана Цезарем и что Цезарь не любил Бибула.

Марк Антоний был оставлен в Бриндизи командовать легионами, которые цезарь не смог переправить во время своего первого похода из-за нехватки места для кораблей, и Цезарь очень настаивает на этом переходе. Предпринимаются попытки заключить договоры, но, читая отчет, мы чувствуем, что Цезарь лишь добивается необходимой ему отсрочки до тех пор, пока к нему не присоединится Антоний. Нам рассказывают, что к этому времени лагеря Цезаря и Помпея были так близко друг к другу, что их разделяла только река Аписус, поскольку Цезарь двинулся на север, к крепости Помпея. И солдаты разговаривали друг с другом через ручьи; “и при этом не было брошено никакого оружия — по соглашению между теми, кто разговаривал”. Затем цезарь отправляет Ватиния в качестве своего посла к реке, чтобы поговорить о мире; и Ватиний громким голосом требует, “не следует ли разрешить гражданам посылать легатов к гражданам для переговоров о мире; то, что было разрешено даже дезертирам из Пиренейских гор и разбойникам, особенно с такой превосходной целью, как воспрепятствовать гражданам сражаться с гражданами”. Это кажется настолько разумным, что назначается день, и Лабиен, дезертировавший от цезаря и ставший помпеянином, приезжает лечь на один берег реки, а Ватиний - на другой. Но, — как рассказывает сам Цезарь, — цезаревы солдаты бросают оружие на своего старого полководца. Вероятно, они не могут выносить голоса или вида того, кого они считают отступником. Лабиен спасается бегством под защитой тех, кто с ним, но он полон гнева против цезаря. “После этого, ” говорит он, “ давайте перестанем говорить о договорах, ибо для нас не может быть мира, пока нам не принесут голову Цезаря”. Но беседы у маленького ручья, без сомнения, отвечали замыслу Цезаря.

Цезарь очень хочет перебросить свои легионы из Италии и даже ругает Антония за то, что он их не привел. Есть история, которую он сам себе не рассказывает, что он сел в маленькую лодку, намереваясь переправиться в Бриндизи во время шторма, чтобы ускорить дело, и что он подбодрил охваченного благоговейным страхом владельца лодки, напомнив ему, что он повезет “Цезаря и его богатство”. Далее в рассказе говорится, что моряки попытались отправиться в путешествие, но были отброшены назад бурей.

Наконец поднимается юго-западный ветер, и Антоний отваживается со своей флотилией, хотя военные корабли Помпея все еще удерживают море и охраняют иллирийское побережье. Но полководец Цезаря добивается успеха, и вторая половина цезаревой армии переносится благоприятным бризом на север, к берегу, на виду у Помпея и его солдат в Диррахии. Два корабля, однако, отстают и попадают в руки некоего Отацилия, офицера, принадлежащего

Помпею. Два корабля, один из которых полон новобранцев, а другой - ветеранов, соглашаются сдаться, Отацилий поклялся, что не причинит вреда людям. “Здесь ты можешь увидеть, ” говорит Цезарь, “ сколько безопасности для людей в присутствии духа”. Новобранцы выполняют свои обязательства и сдаются, после чего Отацилий, совершенно пренебрегая своей клятвой, как истинный римлянин, убивает их всех до единого. Но ветераны, также пренебрегая своим словом и, без сомнения, ни на йоту не сомневаясь в ценности слова Отацилия, ночью пристают на своем корабле к берегу и с большим боем невредимыми добираются до Антония. Цезарь подразумевает, что новобранцы даже знали бы лучше, не страдай они морской болезнью; но даже трюмная вода и плохая погода в совокупности не смогли поколебать древнее мужество легионеров-ветеранов. Они все еще были хорошими людьми — “предметом конфликта, бури и стражи порядка”.

Затем нам рассказывают, как Метелл Сципион, выйдя из Сирии со своими легионами в Македонию, по пути почти преуспевает в ограблении храма Дианы Эфесской. Он собирает группу сенаторов, которые должны засвидетельствовать, что он честно считает деньги, вынося их из храма. Но письма приходят от Помпея как раз в тот момент, когда он находится на месте преступления, и он не осмеливается отложить свое путешествие даже для того, чтобы завершить столь приятную сделку. Он приходит, чтобы встретиться с Помпеем и разделить с ним командование в великой битве, которая вскоре должна разыграться. Мы также слышим, как Цезарь посылает своих наместников в Фессалию, Этолию и Македонию, чтобы испытать, есть ли у него там друзья, брать города и добывать продовольствие. Сейчас он находится в стране, которая, казалось, принадлежала Помпею; но даже здесь слышали о Цезаре, и греки просто горят желанием подружиться с сильнейшим римлянином того времени. Они должны рассудить, кто победит, и придерживатьсяся его. Бедным грекам очень трудно составить суждение. Сейчас мы увидим, как Цезарь преподает урок по этому предмету жителям Гомфи. Тем временем он присоединяет свои собственные силы к тем, что недавно были выведены Антонием из Италии, и решает вынудить Помпея к сражению.

Оставшуюся часть этой последней книги второго Комментария мы можем разделить на два эпизода, первый из которых представляет собой рассказ о том, что произошло на позициях в Петре, а второй - рассказ о решающей битве при Фарсалии. В первом Помпей был победителем, но победа, какой бы великой она ни была, привлекла к себе очень мало внимания со стороны мира. Во втором, как известно всему миру, Цезарь одержал победу и с тех пор доминировал. И все же событие в Петре должно было сделать Фарсалию ненужной и даже невозможной. Две причины сговорились для того, чтобы сделать полный успех Помпея в Петре неважным в глазах всего мира. Этот Комментарий был написан не Помпеем, а Цезарем; а затем, к несчастью для Помпея, Фарсалии было позволено последовать за Петрой.

Не так-то просто разгадать рассказ Цезаря о действиях двух армий при Петре. И если бы это никогда не было так просто, наши ограничения или смысл этого небольшого тома не позволили бы нам попытаться полностью изложить это повествование нашим читателям. Цезарю удалось соединить легионы, которые он сам привел из Италии, с теми, что переправились позже с Антонием, и теперь он жаждал битвы. Его люди, хотя и были немногочисленнее тех, кто следовал за Помпеем, были пригодны к бою и знали все тонкости солдатского дела. Люди Помпея были по большей части новичками; но они учились, и каждая неделя, прибавлявшаяся к их опыту, была неделей в пользу Помпея. Надеясь навязать сражение, Цезарь сумел расположить свою армию между Диррахием, в котором хранились все военные припасы

Помпея, и армией его противника, так что Помпей, рассматривавший любой подход по суше, был отрезан от Диррахия. Но море было открыто для него. Его флот был повсюду на побережье, в то время как у цезаря не было ни одного корабля, который осмелился бы показать свой нос над водами.

Примерно в нескольких милях к северу от Диррахия находился крутой скалистый мыс, откуда был легкий доступ к морю, называемый Петра, или скала. В этом месте Помпей мог выйти к морю, но между Петрой и Диррахием Цезарь удерживал страну. Здесь, на этой скале, выделив для использования своей армии некоторое количество обширных пастбищ у подножия скалы, Помпей разместил свою армию и соорудил укрепления по всему периметру от моря до моря, укрепившись, как умели делать все римские военачальники, насыпью, рвом, двадцатью четырьмя башнями и земляными валами, которые сделали бы это место абсолютно неприступным. Длина его линий составляла пятнадцать римских миль, — больше, чем тринадцать английских миль, — так что в своих произведениях он мог иметь как можно больше места для травы для своих лошадей. Оказавшись в таком положении, он имел за спиной весь мир, чтобы накормить его. Он не только мог добраться до тех богатых запасов, которые собрал в Диррахии и которые были в безопасности от цезаря, но и берега Греции, Азии и Египта были открыты для его кораблей. Ему не хватало только двух вещей: достаточного количества травы для его лошадей и воды. Но цезарю не хватало всего, кроме травы и воды. Иллирийская страна за его спиной была настолько малопродуктивной, грубой и гористой, что сами жители в обычное время питались привозной кукурузой. И Помпей, предвидя кое-что из того, что могло произойти, позаботился о том, чтобы опустошить склады и оставить города позади себя разоренными.

Тем не менее цезарь, так сказать, заточив тело своего врага в Петре, был полон решимости долго удерживать своего пленника. Таким образом, вокруг и перед линиями Помпея он также проложил другие линии, от моря до моря. Он начал с возведения башен и размещения небольших отрядов на небольших холмах за пределами позиций Помпея, чтобы помешать врагу добыть траву. Затем он соединил эти башни линиями и таким образом окружил другие линии, думая, что таким образом Помпей не сможет отправить своих всадников за фуражом; и снова, что лошади внутри Петры могут постепенно умереть от голода; и снова “что репутация” — “*auctoritatem*”, — “которая в глазах иностранных народов принадлежала главным образом Помпею в этой войне, будет уменьшена, когда по всему миру разнесется история о том, что Помпей был осажден цезарем и не осмелился сражаться”.

Мы, возможно, слишком склонны думать, — читая нашу историю несколько бегло, — что Цезарь в то время был кем угодно, и что Помпей едва ли был достоин быть его врагом. Такие отрывки в Комментариях, как переведенный выше, — их немного, но достаточно нескольких, — показывают, что эта идея ошибочна. До этого периода их совместных действий Помпей был более великим человеком; Цезарь сделал очень много, но Помпей сделал еще больше — и теперь на его стороне были почти все, кто был богат и респектабелен в Риме. Он возглавлял Консервативную партию и все еще был уверен, что ему нужно только выждать время, и цезарь падет перед ним. Цезарь и цезаревики были для него тем же, чем были духи Революции во Франции для Людовика XVI., для Карла X. и для Луи-Филиппа, прежде чем они сделали свою власть надежной и грозной; чем были Билль о реформе и католическая эмансипация для таких людей, как Георг IV. и лорд Эдмонд Берк, пока им еще можно было противостоять и отложить их. Помпей не мог допустить, чтобы опустошители Рима, даже с помощью цезаря и его армии,

оказавшей им помощь, в конце концов одержали верх над ним самим и над римским сенатом. “Говорили, что в то время он, - мы снова переводим слова Цезаря, - хвастливо заявлял среди своего народа, что он сам не стал бы отрицать, что как полководец он будет считаться никчемным, если легионы Цезаря теперь выберутся из положения, в которое они опрометчиво попали, без очень больших потерь” — “maximo detrimento” — потерь, которые были бы равносильны уничтожению. И он был почти прав в том, что говорил.

Было много боев за участки травы и разные выгодные позиции, — бои, которые, должно быть, происходили почти полностью между двумя линиями. Но Цезарь страдал от того недостатка, что его работы, будучи гораздо более длительными, требовали наибольшего количества людей, чтобы возводить их, продлевать и поддерживать в порядке; тогда как Помпею, которому в этом отношении приходилось делать меньше всего, имея внутреннюю линию, было предоставлено для этого гораздо большее количество людей. Люди Цезаря, будучи ветеранами, всегда имели преимущество в реальных боевых действиях; но тем временем неопытные солдаты Помпея приобретали тот опыт, в котором они так нуждались. Тем не менее Помпей очень страдал. Они не могли добыть воду по камню, и когда он попытался затопить колодцы, Цезарь так исказил русла, что колодцы не давали воды. Цезарь рассказывает нам, что он даже запрудил ручьи, создав небольшие озера для удержания воды, чтобы она не стекала по своим подземным руслам на радость его врагам; но мы должны были бы подумать, что любые созданные таким образом резервуары вскоре сами собой переполнились и стали бесполезны для намеченной цели. Тем временем у людей цезаря не было хлеба, кроме того, что готовили из некоей дикой капусты — “чара”, — которая росла там, которую они замешивали с молоком и с удовольствием ели, хотя она была не очень вкусной. Чтобы показать помпеянкам, какой пищей могут довольствоваться настоящие ветераны, чтобы прервать свой пост, они разбрасывали по рядам караван с таким составом, потому что они были близко друг к другу и могли разговаривать друг с другом, а помпеянцы не стеснялись подшучивать над своими врагами из-за нехватки провизии. Но у цезарейцев было вдоволь воды и мяса; и они уверяют цезаря, что скорее будут есть кору с деревьев, чем позволят помпеянкам сбежать от них.

Но Цезарю всегда было чего опасаться — что Помпей высадит отряд в тылу его войск и нападет на него с тыла. Чтобы воспрепятствовать этому, цезарь соорудил еще одно укрепление со рвом и насыпью, идущее под прямым углом от берега, и намеревался присоединить это к своей основной работе поперечной линией укреплений, идущей вдоль того короткого участка побережья, который лежал между его первой линией и второй, когда на него обрушилась катастрофа, которая чуть не уничтожила его. Пока он рыл окопы и возводил башни, сражения происходили так часто, что, как рассказывает нам Цезарь, в один день было шесть сражений. Помпей потерял две тысячи легионеров, в то время как Цезарь потерял не более двадцати; но каждый цезареец, сражавшийся в определенной башне, был ранен, а четыре офицера лишились глаз. Цезарь подсчитал, что в людей, защищавших эту башню, было выпущено тридцать тысяч стрел, и рассказывает нам об одном сцеве, офицере, в щите которого было проделано двести тридцать отверстий от этих стрел.^[12] Мы можем только предполагать, что это, должно быть, был очень большой щит, и что, должно быть, было много проблем с подсчетом отверстий. Цезарь, однако, был так доволен, что дал Сцеве крупную сумму денег, что—то около 500 фунтов стерлингов, и, позволив ему перейти через шесть промежуточных званий, сразу же сделал его первым центурионом, или примипилом легиона. Мы не помним другого упоминания о таком быстром продвижении - в прозе. Действительно, известен случай с

простым матросом, который совершил доблестный поступок и был произведен в старшие лейтенанты на месте; но это рассказано в стихах, а простой матрос был леди.

Два вероломных галла, к которым цезарь был очень добр, но которых он был вынужден наказать из-за некоторых крупных хищений, в которых они были повинны, хотя, как он говорит нам, у него не было времени наказать их, отправились к Помпею и рассказали Помпею все секреты рвов, фортов и курганов Цезаря, законченных и незаконченных. До этого, уверяет нас Цезарь, ни один из его людей не переходил на сторону врага, хотя многие из врагов перешли к нему. Но эти вероломные галлы натворили немало бед. Помпей, услышав, как далек цезарь от завершения своих работ на морском побережье, собрал огромную флотилию лодок и преуспел ночью в том, чтобы перебросить большую часть своих людей на берег между двумя линиями цезаря, разделив таким образом силы цезаря и напав на них в самом слабом месте. Цезарь признает, что в его рядах царила паника и что потери его людей были очень велики. Похоже, что сам размер его собственных работ привел к разорению, постигнутому их, поскольку разные их части были отделены одна от другой, так что люди, находившиеся в одном положении, не могли помочь тем, кто находился в другом. Дело закончилось полным разгромом цезаревой армии. Цезарь фактически бежал, и если бы Помпей последовал за ним, мы должны предположить, что тогда Цезарю пришел бы конец. Он признает, что в двух сражениях, произошедших в тот день, он потерял 960 легионеров, 32 офицера и 32 штандарта.

А затем Цезарь рассказывает нам историю Лабиена, который был его самым доверенным помощником в галльских войнах, но теперь перешел на сторону Помпея, не решив сражаться против Республики. Лабиен потребовал от Помпея пленников-цезарей и приказал всех их перебить, с презрением спросив, привыкли ли такие ветераны, как они, убегать. Цезарь очень разгневан на Лабиена; но Лабиен мог бы оправдаться, сказав, что убийство военнопленных было обычаем, которому он научился в Галлии. Что же касается этих презрительных слов, то Цезарь вряд ли слышал их собственными ушами, и мы можем понять, что ему должно было доставлять удовольствие говорить резкие вещи о Лабиене.

Помпей был немедленно провозглашен императором. И Помпей использовал это имя, хотя победа, увы! была одержана над его соотечественниками. “Все это так сильно подействовало на дух и уверенность помпеянцев, что они больше не думали о продолжении войны, а только о победе, которую они одержали”. И затем Цезарь осыпает помпеянцев презрением, принося свои извинения в тех же словах. “Они не позаботились вспомнить, что малочисленность наших солдат была причиной их триумфа, или что неровности местности и узость ущелий имели к этому какое-то отношение; или занятие наших позиций и паника наших людей между их двойными укреплениями; или наша армия разделилась на две части, так что одна часть не могла помочь другой. Они также не добавили к этому тот факт, что наши люди, какими бы теснимыми они ни были, не могли ввязаться в честный бой и что они действительно больше страдали от собственной численности и узости ущелий, чем от врага. Не принимались в расчет и обычные возможности войны — как незначительные вещи, такие как необоснованное подозрение, внезапная паника, запомнившееся суеверие, могут привести к большому несчастью; и как часто ошибка генерала или офицера может нанести ущерб армии. Но они распространили весть о победе того дня по всему миру, рассылая письма и рассказы, как будто они победили исключительно благодаря своей собственной доблести, и было невозможно, чтобы после этого обстоятельства изменились на противоположные”. Таково было дело Петры,

благодаря которому относительное положение Цезаря и Помпея во всемирной истории едва не стало обратным тому, что оно есть.

Теперь Цезарь признает, что он вынужден изменить весь план своей кампании. Он обращается с речью к своим людям и объясняет им, что это поражение, подобное поражению при Герговии, может привести к их будущему успеху. Победа при Алезии была результатом поражения при Герговии, потому что галлов вынудили к сражению; и неудачи, перенесенные на подступах к Петре, могли принести ту же удачу; ибо теперь армия Помпея, несомненно, не побоялась бы сражения. Нескольких офицеров он наказывает и унижает. Его собственные слова о своей армии после их поражения очень трогательны. “Столь великое горе постигло всю армию в результате этого бедствия и столь сильное желание исправить свой позор, что теперь никто не желал места трибуна или центуриона в своем легионе; и все, в качестве добровольного наказания, подвергали себя усиленному труду; и каждый человек горел желанием сражаться. Некоторые из высших чинов были так взволнованы речью цезаря, что подумали, что им следует стоять на своем и сражаться там, где они стояли”. Но Цезарь был слишком хорошим полководцем для этого. Он продвигается на юго-восток и, отступая, одерживает верх над Помпеем, который следует за ним лишь вполсилы. Через некоторое время Помпей прекращает преследование. Его тесть, Сципион, привел с востока большую армию и находится в Фессалии. Читая это, мы не можем не вспомнить, как мало времени прошло с тех пор, как сам Цезарь был тестем Помпея, а Помпей был другом Цезаря, потому что он слишком сильно любил Юлию, свою молодую жену. Помпей теперь направляется на восток, чтобы объединить свою армию с армией Сципиона; а Цезарь, пробираясь также в Фессалию более южным путем, присоединяется к определенным силам под командованием своего лейтенанта Кальвина, который наблюдал за Сципионом, и который едва избежал попадания в руки Помпея, прежде чем смог добраться до Цезаря. Но везде, где Удача или Случай могли вмешаться, Боги всегда были добры к Цезарю.

Затем Цезарь рассказывает нам о своем отношении к двум городам в Фессалии, Гомфи и Метрополии. К несчастью для бедных гомпийцев, Цезарь добирается до Гомфи первым. Теперь слава о победе Помпея при Петре распространилась повсюду; и гомпийцы, которые, — надо отдать им должное, — были бы так же готовы поддержать цезаря, как и Помпей, и которые хотели быть только на стороне победителя, чтобы они могли сохранить свои небольшие владения в безопасности, считали, что дела у Цезаря идут плохо. Поэтому они закрыли свои ворота перед цезарем и отправили гонцов к Помпею. Они могут некоторое время удерживать свой город против Цезаря, но Помпей должен быстро прийти им на помощь. Помпей приходит недостаточно быстро, и способность гомпийцев выстоять очень недолговечна. Около трех часов дня цезарь начинает осаду города, и перед заходом солнца он берет его и отдает на разграбление своим солдатам. Жители Метрополии тоже собирались закрыть свои ворота, но, к счастью, они как раз вовремя услышали о том, что произошло в Гомфи, и вместо этого открыли их. После чего цезарь обрушивает покровительство на Метрополию; и все другие города Фессалии, услышав о том, что было сделано, узнают, что значит благосклонность цезаря.

Помпей, присоединив свою армию к армии Сципиона, делит все почести со своим тестем. Когда мы слышим это, мы понимаем, что положение Помпея не было комфортным и что он находился в стесненных обстоятельствах. Он был человеком, который ни с кем не разделил бы своей чести, если бы не был вынужден это сделать. И действительно, его командование в настоящее время было не из приятных. Римскому полководцу было важно иметь при себе

римский сенат, но сенаторы, поставленные таким образом, были бы склонны быть менее послушными, чем обученные солдаты. Они даже обвиняют его в том, что он держит их в Фессалии, потому что ему нравится командовать такими последователями. Но, тем не менее, все они были уверены, что Цезарь вот-вот будет уничтожен; и даже в лагере Помпея они ссорятся из-за награды за победу, которой, как они думают, они будут наслаждаться в Риме, когда их олигархия будет восстановлена руками Помпея.

Прежде чем наступает великий день, Лабиен снова появляется на сцене; и цезарь вкладывает в его уста речь, которую он, конечно, намеревается, чтобы мы сравнили с результатом предстоящей битвы. “Не думай, о Помпей, что это та армия, которая завоевала Галлию и Германию”, — где сам Лабиен был вторым командующим при Цезаре. “Я присутствовал во всех этих битвах и говорю о том, что мне известно. От той армии осталась очень небольшая часть. Многие погибли, как само собой разумеющееся, в стольких битвах. Осенний мор унес жизни многих в Италии. Многие вернулись домой. Многие остались на другом берегу. Разве ты не слышал от наших друзей, которые остались там по болезни, что эти когорты Цезаря были сформированы в Бриндиизи?” — Сформированы буквально на днях, подразумевает Лабиен. “Эта армия, действительно, была обновлена за счет рекрутов в обеих Галлиях; но все, что в ней было от силы, погибло в тех двух битвах при Диррахии”, то есть в сражениях на подступах к Петре. На это Лабиен клянется, что он больше не будет спать под парусиной, пока не заснет как победитель над Цезарем; и Помпей клянется в том же, и все клянутся. Затем все они уходят, преисполненные предвкушения грядущей победы. Осмелимся предположить, что там было много ложной уверенности; но что касается слов, которые Цезарь вкладывает в уста Лабиена, мы хорошо знаем, сколько причин у Цезаря было не любить Лабиена, и мы сомневаемся, были ли они когда-либо произнесены.

Наконец выбрано поле битвы — близ города Фарсала, на берегах реки Энипей в Фессалии. Эта битва приобрела всемирную известность как битва при Фарсалии, которую нас учили считать названием равнины, на которой она происходила. Ни одно из этих названий не встречается в Комментариях, как и название реки; и фактическое место, на котором произошло великое состязание, кажется, даже сейчас вызывает сомнения. Местность — турецкая, рядом с горами, которые отделяют современную Грецию от Турции, и не очень хорошо приспособлена для исследований исторических путешественников. Цезарь держал своих людей на марше рядом с Помпеем, пока Помпей не обнаружил, что больше не может воздерживаться от сражения. Затем явился Лабиен со своими похвалами и клятвами, и, наконец, день и поле боя были выбраны. Цезарь, во всяком случае, был готов. В то время цезарю было пятьдесят два года, а Помпей был на пять лет старше его.

Цезарь сообщает нам, что у Помпея было 110 когорт, или одиннадцать легионов. Если бы легионы были полны, армия Помпея насчитывала бы 66 000 легионеров; но Цезарь утверждает, что их число составляет 45 000, или что-то около двух третей от полного числа. Он не забывает еще раз сообщить нам, что среди этих одиннадцати были два легиона, от которых он отказался, повинувшись требованию сената. Сам Помпей с этими двумя легионами расположился слева от реки; и там же были все его вспомогательные силы, не считая легионеров, — пращники, лучники и кавалерия. Сципион командовал в центре легионами, которые он вывел из Сирии. Так рассказывает нам Цезарь. “Из других источников мы узнаем, что Лентул командовал правым крылом Помпея, расположенным на реке, а Домиций, которого мы помним как пытавшегося удержать Марсель против юного Брута и Требония, — левым. У Цезаря было 80 когорт, или

восемь легионов, которые насчитывали бы 48 000 человек, если бы его легионы были полны; но, как он сообщает нам, он вел всего 22 000 легионеров, так что в его рядах не хватало больше половины. По своему обыкновению, он расположил свой десятый легион справа, подальше от реки. Девятый, ужасно поредевший из-за того, что случилось с ним на позициях у Петры, присоединился к одиннадцатому и лежал у реки, образуя часть левого крыла Цезаря. Антоний командовал левым крылом, Домиций Кальвин, которого цезарь иногда называет одним именем, а иногда и другим, — центром, а Сулла - правым. Цезарь со своим десятым легионом расположился справа, напротив Помпея. Насколько мы можем судить, местность мало чем могла помочь кому—либо из них; и так началась битва.

В описании фактической битвы в том виде, в каком оно представлено Цезарем, нет особых сложностей и, возможно, нет большого интереса. Цезарь произносит речь перед своей армией, что было, как мы уже узнали, и как он говорит нам сейчас, обычным делом. Человек никогда не произносил более лживой речи, если он произносил слова, о которых он сам сообщает. Прежде всего, он напоминает им, что они сами являются свидетелями того, что он сделал все возможное для обеспечения мира; а затем он вызывает в их памяти некоторые фиктивные договоры о мире, в которые, добиваясь отсрочки, он якобы вовлек себя и своего врага. Он сказал им, что никогда не проливал впустую кровь своих солдат и не хотел лишать Республику ни армии — “alterutro exercitu” — армии Помпея, ни своей собственной. Они оба были римлянами, и он был далек от мысли уничтожить что-либо, принадлежащее Республике. Мы должны признать, что Цезарь всегда с опаской относился к римской жизни и римской крови. Он пощадил бы ее, когда это было возможно; но он мог пролить ее, как воду, когда это было необходимо для достижения его цели. Он был очень вежлив; но что касается нежности, то ни он, ни кто—либо другой из римлян не знали, что это такое.

Затем есть история о некоем Крастине, который заявляет, что живым или мертвым он доставит удовольствие цезарю. Он первым бросает оружие против врага и делает приятное цезарю. Но он должен угодить своей смертью, потому что он погибает в своих усилиях.

Помпей приказывает, чтобы его первая шеренга не нарушала своего порядка для наступления, но приняла на себя удар атаки Цезаря. Цезарь указывает нам, что он ошибается в этом, потому что само возбуждение от первой атаки придает мужчинам больше энергии и сил. Легионерам Цезаря приказывают атаковать, и они бросаются через пространство между первыми рядами, чтобы сделать это. Но они настолько хорошо обучены, что останавливаются и переводят дыхание, прежде чем бросить свое оружие. Затем они бросают свои груды и обнажают мечи, и ряды двух армий оказываются вплотную друг к другу.

Но Помпей думал, что сможет выиграть битву, почти не требуя от своих легионеров никаких усилий, простым стратегическим движением своей многочисленной кавалерии и вспомогательных войск. Он в целом превосходил Цезаря численностью, но с таким вооружением мог сокрушить его тучей всадников и лучников. Но Цезарь также знал об этих облаках. Теперь он сражался, как всегда, с тройной шеренгой легионеров, но позади своей третьей шеренги, — или, скорее, несколько правее их плеча, - он выстроил отборный отряд людей, отобранных из его третьей линии, — так сказать, четвертой линии, — в чьи обязанности входило противостоять облакам Помпея, когда эти облака предпримут попытку атаковать их правый фланг. Небольшой отряд кавалерии Цезаря действительно отступил перед облаками помпеев, и всадники, лучники и пращники обрушились на фланг Цезаря. Но они устремились к

разрушению. Цезарь дал слово четвертой шеренге отборных людей. “Илли—они, ” говорит Цезарь, “ побежали вперед с величайшей быстротой и, выставив вперед свои знамена, атаковали кавалерию Помпея с такой яростью, что никто из них не мог устоять на месте; так что все не только были сбиты с ног, но и, охваченные паникой, искали убежища в самых высоких горах поблизости от них. И когда их таким образом убрали, все лучники и пращники, опустошенные и безоружные, без кого-либо, кто мог бы позаботиться о них, были убиты грудями”. Таков отчет Цезаря о грандиозной кавалерийской атаке Помпея, которая должна была выиграть битву, не причинив проблем легионам.

Цезарь признает, что легионеры Помпея храбро обнажили мечи и хорошо начали свою часть сражения. Затем он сразу же сообщает нам о неудаче со стороны кавалерии и о резне бедных вспомогательных пращников, и уже в следующей фразе дает нам понять, что битва выиграна. Хотя легионы Помпея были намного многочисленнее, чем у Цезаря, нам говорят, что третья линия Цезаря атаковала помпейских легионеров, когда они были “беззащитны” — измотаны. Несколько когорт отборных людей, которые таким чудесным образом разогнали тучи Помпея, развив свой успех, обошли легионы Помпея с фланга и одержали победу. В том, что все было так, как говорит Цезарь, сомнений быть не может. То, что он выиграл битву, как мы предполагаем, сомнений быть не может. Помпей немедленно бросился в свой лагерь и попытался защитить его. Но такая защита была невозможна, и Помпей был вынужден искать помощи в бегстве. Он нашел лошадь и нескольких товарищей и не останавливался, пока не оказался на берегу моря. Затем он поднялся на борт судна с провизией, и было слышно, как он жаловался, что его предали те самые люди, от рук которых он ожидал победы.

Нам с большим живописным эффектом рассказывают, как люди Цезаря, голодные, привыкшие к выносливости, терпеливые во всех своих нуждах, нашли лагерь Помпея подготовленным к победе и роскошно убранном для победителей-сенаторов. Кушетки были застелены, тарелки расставлены, столы приготовлены, а палатки этих счастливых были украшены свежим плющом. Счастливые сенаторы переживают лишь тяжелые времена, либо погибая в своем бегстве, либо спасаясь в пустынных горных уединениях. Цезарь продолжает свое завоевание, и на следующий день после битвы большая часть беглецов вынуждена сдаться по собственному усмотрению. Он окружает их на вершине холма и закрывает от воды, и они действительно сдаются по своему усмотрению. С протянутыми руками, распростертые на земле, эти поздние завоеватели, сливки римского могущества, которые так недавно поклялись победить, прежде чем уснуть, с плачем молят о пощаде. Цезарь, сказав им несколько слов о своем милосердии, даровал им жизнь. Он поручает их заботам своих людей и желает, чтобы их никто не убил и не ограбил.

Цезарь говорит, что в том сражении он потерял всего 200 солдат, и среди них 30 офицеров, все храбрые люди. Этот доблестный Крастин был среди 30. Из армии Помпея 15 000 были убиты, а 24 000 сдались! 180 штандартов и 9 орлов были взяты и доставлены цезарю. Цифры кажутся нам почти невероятными, независимо от того, смотрим ли мы на те, которые даны нам в отношении завоевателя или побежденных. Однако отчет Цезаря о работе того дня до сих пор считался авторитетным, и теперь слишком поздно подвергать его сомнению. Таким образом, была выиграна битва при Фарсалии, и так называемой Римской республике пришел конец.

Но Цезарь ни в коем случае не думал, что его работа завершена; да она и не была близка к завершению. Теперь было ясно, что его первейшим долгом было преследовать Помпея,

которому, если бы он сбежал, внешние провинции и дальние союзники Республики вскоре предоставили бы другую армию. “Цезарь думал, что Помпея следует довести до пренебрежения ко всему остальному”. Тем временем Помпей, который, похоже, был охвачен паникой из-за своего несчастья, бежал с несколькими друзьями по Эгейскому морю, по пути подобрал свою молодую жену на острове и направился в Египет. История его убийства теми, у кого был молодой царь Египта, хорошо известна, и нет нужды нас задерживать. Цезарь рассказывает ее очень коротко. Помпей посылает к молодому Птолемею за помощью, полагаясь на прошлую дружбу между ним и отцом молодого царя. Птолемей находится в руках евнухов, авантюристов и головорезов-солдат, и у него нет собственного голоса в этом вопросе. Но эти негодяи считают, что лучше убрать Помпея с дороги, и поэтому убивают его. Ахилл, царский сатрап, и Септимий, римский солдат, отправляются к кораблю Помпея в качестве посланцев от царя и уговаривают его спуститься в их лодку. Затем, на глазах у своей жены, его убивают, и его голову уносят в доказательство содеянного. Таков был конец Помпея, для которого никакая удача не казалась слишком большой, пока на сцене не появился Цезарь. Римский поэт Лукан, который выбрал битву при Фарсалии в качестве своей трудной темы, говорит нам, что Цезарь не мог вынести превосходства, а Помпей - равных. Поэт, вероятно, хотел этим сравнением сделать последнего еще более великодушным. Нам, изучающим характеры двух полководцев, кажется, что Цезарь, по крайней мере, так же ревниво относился к власти, как и его зять, и, безусловно, был более успешным из них двоих в лишении всех остальных доли власти, которой он жаждал. Помпей в триумvirате предоставил своему младшему, как он, должно быть, чувствовал, нечто большее, чем равную власть: цезарь в триумvirате просто сделал ступенькой великого человека, который был его старшим. Помпей в Фессалии был вынужден разделить, по крайней мере, название своей власти со Сципионом, своим последним тестем: но цезарь никогда не отдавал ни клочка своей мантии другому солдату.

Говоря, однако, о характере Помпея и сравнивая его с характером его более сильного соперника, вероятно, можно сказать о нем, что во всех его соперничествах, как военных, так и политических, им руководила любовь к старому Риму и Республике как величайшему национальному институту, который когда-либо знал мир, а также чувство, которое мы называем патриотизмом и которым Цезарь был, — возможно, мы можем сказать, слишком велик, чтобы быть способным. Помпей желал руководить, но руководить любимой Республикой. Цезарь, нисколько не заботящийся о старых вещах, без всякого почтения к прошлому, совершенно лишенный той нежности к нашим прежним стопам, которая заставляет столь многих из нас со страстной нежностью цепляться за осужденные ошибки, желал создать из праха Республики, — которую судьба и его гений позволили ему переделать по своему усмотрению, — нечто, что должно быть лучше и правдивее Республики.

Последние семь глав третьей книги этого Комментария образуют начало повествования об Александрийской войне, которое, помимо этих семи глав, сам Цезарь не писал. То, что он написал какой-либо Комментарий среди необходимых тягот войны и, возможно, более неотложных обстоятельств его политического положения, является одним из величайших чудес человеческой силы. Теперь он сообщает нам, что, задержавшись в Азии всего на несколько дней, он последовал за Помпеем сначала на Кипр, а затем в Египет, взяв с собой в качестве всей своей армии три тысячи двести человек. “Остальные, измученные ранами, битвами, тяжелым трудом и величием путешествия, не могли последовать за ним”. Но он распорядился, чтобы для него были сформированы легионы из остатков разбитой армии Помпея, и, с божественной верой в послушание отсутствующих вассалов, отправился в Египет. Он

рассказывает нам, что этезианские ветры удерживали его в Александрии. Но мы также знаем, что Клеопатра приехала к нему в Александрию, требуя его услуг в борьбе за корону Египта; и, зная, какой ценой она их купила, мы сомневаемся в постоянной злобности этезианских ветров: если бы Клеопатра была смуглой нубийкой, как некоторые ее изображают, Цезарь, мы думаем, покинул бы Александрию, даже если бы этезианские ветры дули ему в зубы. Все ветры наполняли паруса Цезаря. Цезарь завладевает братом Клеопатры Птолемеем, который, в соответствии с волей их отца, должен был править вместе со своей сестрой, и александрийцы восстают против него с огромной силой. Он убивает Фотиния, слугу царя Птолемея, убивает его собственного посла и сжигает царский флот Египта, а вместе с ним, к сожалению, и большую часть царской библиотеки. “Это было началом Александрийской войны”. Это последние слова последнего комментария Цезаря.

ГЛАВА XII.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Завершив свои десять коротких глав, описывающих десять книг Комментариев, написанных самим Цезарем, автор этого небольшого тома выполнил намеченную им задачу, — и поскольку он особенно беспокоится о том, чтобы не подумали, что он пытался писать историю, он не добавил бы никаких заключительных слов, если бы к Комментариям Цезаря другими авторами не были добавлены три других Комментария о трех других войнах Цезаря. Есть Комментарий к Александрийской войне, написанный, вероятно, Гирцием, автором последней книги о Галльской войне; и два комментария к войне в Африке и войне в Испании, написанные, как, по-видимому, думают критики, неким Оппием, другом, которого Цезарь любил и которому доверял. Александрийская война была войной сама по себе, в которую Цезарь был вовлечен своей несравненной смелостью, последовав за Помпеем в Египет, и, возможно, сладостью чар Клеопатры. И это привело также к войне в Малой Азии, отчет о которой включен в отчет о его египетской кампании. Африканская война и то, что впоследствии продолжалось в Испании с целью подавления искр восстания Помпея против его власти, — это просто последние этапы гражданской войны, и их отчеты могли бы быть записаны в виде глав, добавленных к комментарию “О гражданской войне”.

Александрия, когда Цезарь высадился там в погоне за Помпеем и по прибытии предложил ему в качестве изящной дани голову своего убитого соперника, была городом почти таким же густонаселенным и не менее богатым, чем Рим; и в городе, и во всех более плодородных частях Египта, была толпа римских солдат, оставленных там, чтобы поддерживать трон Птолемея и внушать им благоговейный страх. Цезарь, имея в поддержке едва ли больше половины полного легиона, входит в Александрию, как будто все в Египте обязаны повиноваться ему как римскому консулу. Он немедленно требует огромную сумму денег, которую, по его утверждению, причитается ему лично за услуги, оказанные бывшему Птолемею; он завладевает личностью молодого царя Птолемея — и попадает во владение Клеопатры, сестры молодого царя, которая была сонаследницей трона со своим братом. За всю его карьеру, пожалуй, не было ничего более дерзкого, чем его поведение в Египте. Александрийцы, или, скорее, римская армия в Египте под предводительством сатрапов молодого царя, восстают против Цезаря, и он вынужден укрепиться в городе. Однако он ухитряется сжечь весь египетский флот, а вместе с

ним, к сожалению, и королевскую библиотеку, как он сам нам сказал в конце предыдущего комментария. В конце концов он отпускает Птолемея, возвращая его египтянам и думая, что присутствие молодого царя может послужить смягчению вражды александрийцев. Молодой царь плакал, покидая цезаря, и заявил, что даже его собственное королевство не так дорого ему, как дружба с цезарем. Но хитрый мальчик с фальшивым лицом оборачивается против Цезаря, как только у него появляется такая возможность. Цезарь никогда не подвергался большей опасности; и когда читаешь, то чувствуешь, что лишен права сказать, что никогда не было совершено более безумного поступка, чем тот, который совершил Цезарь, когда он с важным видом вошел в Александрию без армии за спиной, — только при воспоминании о том, что цезарь был цезарем. Во-первых, потому что ему нужны были наличные деньги, а во-вторых, потому что Клеопатра была хорошенькой, Цезарь чуть не потерял мир в Египте.

Но к нему на помощь приходит союзник—варвар - некий Митридат Пергамский, предполагаемый сын великого Митридата Понтийского. Митридат приводит армию на помощь Цезарю и действительно спасает его. На Ниле разыгрывается великая битва — битва, которая была бы невозможна для цезаря, если бы Митридат не пришел ему на помощь, — и египтяне совершенно рассеяны. Молодой Птолемей утонул, Клеопатра воссела на свой трон, и Египет стал подвластен цезарю. Затем Цезарь спешит в Азию, считая необходимым усмирить высокомерие варвара, посмеявшего победить римского полководца. Неудачливый победитель - Фарнак, несомненный сын Митридата Понтийского. Но Цезарь приходит, видит и побеждает. Он вступает в бой с Фарнаком при Зеле и уничтожает его армию; а затем, как нам говорят, начертал на своих знаменах эти дерзкие слова — “*Veni, vidi, vici*”. Он уже целый год был диктатором Римской империи, пировал с Клеопатрой в Александрии и становился монархом.

Это были кампании 47 года до н.э., и запись о них сделана в комментарии “*De Bello Alexandrino*”.

Тем временем у цезаря в Италии все шло не совсем гладко, хотя его друзья в Риме сделали его диктатором. Его солдаты взбунтовались против своих офицеров и против его власти; и большой отряд помпеянцев собран в той провинции Африки, где Джуба завоевал бедного Куриона, — когда в свите Джубы шли римские сенаторы, а армия Цезаря была разгромлена. Провинция, называвшаяся Африкой, лежала как раз напротив Сицилии и была благословлена той римской цивилизацией, которая принадлежала к владениям Республики, ближайшим к Риму, великому центру всего сущего. Теперь это оплот республиканской фракции, как единственное место на римской земле, в котором цезарю не удалось добиться успеха. Помпея, действительно, больше нет, но два сына Помпея здесь - и Сципион, тесть Помпея, которого Помпей присоединил к себе в командовании при Фарсале. Здесь Лабиен, который с тех пор, как отвернулся от цезаря, был большим помпеянцем, чем сам Помпей; и Афраний, к которому цезарь был так добр в Испании; и Петрей и король Джуба, о которых еще предстоит рассказать общую историю; и Вар, который удерживал провинцию от Куриона; и, наконец, эта опора силы, великий Катон, самый добродетельный и непрактичный из людей, который, несмотря на свою добродетель, всегда неправ, и которого весь мир помнит только, что он любил вино и что он покончил с собой в Утике.

Все они находятся в Утике, и для них в настоящее время Утика — это Рим. Они учреждают Сенат; и Сципион, который недостойн великого имени, которое он носит, и некомпетентен как полководец, становится главнокомандующим, потому что Катон решает, что этого требуют закон и рутина. Сципион был консулом, командовал совместно с Помпеем, и его ранг самый

высокий. Тот же аргумент использовался, когда он был принят на эту должность, — что ему подобало получить такую власть, поскольку он имел консульский ранг. Командование республиканским флотом было доверено Бибулу на том же основании. Мы никогда не слышали, чтобы цезарь даровал такое повышение. На самом деле, его время от времени уводит в сторону другой недостаток: он доверяет людям просто потому, что любит их, — то, что мы можем назвать фаворитизмом, — как он сделал, когда позволил Куриону потерять свою армию в Африке и тем самым вызвал все последующие неприятности. Когда мы читаем о ранге Сципиона, мы вспоминаем, что слышали о похожих причинах для необдуманного продвижения по службе в более поздние времена. Помпеянцы, однако, собрали огромную армию. У них десять римских легионов, и, кроме того, их поддерживают все силы царя Джубы. Нам говорят, что эта армия столь же многочисленна, как и та, которой Помпей командовал при Фарсале. Между ними идет борьба за власть; ссоры из-за стратегии; ревность к варвару при признанной неспособности действовать без него; и читатель чувствует, что все это напрасно. Приходит цезарь, несколькими словами подавивший мятеж своих старых ветеранов в Италии. Он ходил среди них, ничего не боясь; они требуют своего освобождения — он дарует это. Они требуют награды, которая, по их мнению, им причитается, и он говорит им, что они получают свои деньги, когда он завоюет их с другими легионами. Затем он обращается к ним не как к солдатам, а как к “гражданам” — “квиритам”; и что они не могут устоять; это подразумевает, что они больше не являются непобедимыми солдатами Цезаря. Они сплываются вокруг него; легионы переформируются, и он высаживается в Африке с действительно небольшой армией — поначалу немногим более трех тысяч человек, — и снова почти уничтожен в самом первом сражении. Но после нескольких месяцев предвыборной кампании старую историю приходится рассказывать снова. Великая битва разыгрывается при Тапсе, через год и пять месяцев после битвы при Фарсалии, и Республика снова терпит поражение и уже навсегда. Комментатор сообщает нам, что в этом случае свирепость ветеранов Цезаря была так велика, что никакими мольбами, никакими приказами их нельзя было заставить прекратить пролитие крови.

Но об уничтожении вождей рассказывают отдельные истории. О Катоне — первая история, наиболее известная истории. Он оказывается вынужденным сдать город Утику цезарю; и затем, “сам он, тщательно уладив свои дела и препоручив своих детей Луцию Цезарю, который тогда исполнял при нем обязанности квестора, своей обычной походкой выражением лица, чтобы не вызывать подозрений, он взял свой меч с собой в спальню, когда пришло его время удалиться на покой, — и так покончил с собой”. Сципион также покончил с собой. Афраний был убит солдатами Цезаря. Лабиен и двое сыновей Помпея, и Вар, бежали в Испанию. Затем следует история царя Джубы и Петрея. Джуба собрал своих жен и детей, все свое богатство в виде золота, драгоценных камней и богатой одежды в своем городе под названием Зама; и там он соорудил огромную погребальную кучу, на которой в случае своего завоевания цезарем он намеревался погибнуть, — это означало, что все его жены, дети, иждивенцы и богатые сокровища должны были быть сожжены вместе с ним. Итак, потерпев поражение, он вернулся в Заму; но его жены, дети и иждивенцы, будучи менее благоразумными, чем их король, и зная о его королевских намерениях, и не желая становиться украшением его эвтаназии, не позволили ему войти в это место. Затем он отправился к своему старому римскому другу Петрею, и они вдвоем сели ужинать. Петрей был тем, кто не позволил Афранию сдаться цезарю в Лериде. Когда они поужинали, Джуба предлагает им сразиться друг с другом, чтобы хотя бы один из них мог умереть со славой. Они сражаются, и Петрейуса быстро убивают. “Джуба, будучи сильнее, легко уничтожил более слабого Петрея своим мечом”. Затем варвар попытался покончить с

собой; но, потерпев неудачу, нанял раба, чтобы тот закончил работу. Произошла битва при Тапсе, 47 год до н.э. Цезарь сделал Нумидию провинцией, и таким образом Африка была завоевана. Мы можем сказать, что Римская республика умерла вместе с Катонем в Утике.

Испанская война, давшая материал для последнего комментария, - это всего лишь растапливание тлеющих углей. Цезарь после событий в Африке отправляется в Рим; и историк начинает свою хронику с сообщения нам, что он задержан там “muneribus dandis” — распределением наград, — без сомнения, выполняя свое обещание тем ветеранам, которых он вернул к военному повиновению, назвав их “квиритами”, или римскими гражданами.^[13] Сыновья Помпея, Кней и Секст, собрали большое количество людей, чтобы поддержать свое изношенное дело, и нам сообщили, что в битве при Мунде погибло более 30 000 человек. Но на этом все закончилось. Лабий и Вар убиты; и историк сообщает нам, что в их честь были устроены похороны. Один Скапула, о котором говорят, что он был зачинщиком всего этого испанского восстания, съедает свой ужин, получает помазание и оказывается убитым на своих похоронах. Кней, старший сын Помпея, спасается бегством, раненый, но в конце концов оказывается пойманным в пещере и погибает. Секст, младший, сбегает и становится лидером повстанцев еще на несколько лет, пока, наконец, его тоже не убивает один из офицеров Антония.

Этот Комментарий обрывается, или, скорее, преждевременно завершается, на середине речи, с которой Цезарь обращается к жителям Хипсалы — Севильи, — в которой он в резких выражениях говорит им, как хорошо он ведет себя с ними и как очень плохо они вели себя по отношению к нему. Но мы резко обрываем фразу в середине предложения.

После битвы при Мунде Цезарь вернулся в Рим и целый год наслаждался великолепным великолепием и королевской властью в Риме. Он назначен консулом на десять лет и пожизненным диктатором. Он все еще первосвященник и, наконец, назван королем. Он издает множество законов и, возможно, добавляет драгоценный камень к своей нетленной диадеме славы, реформируя календарь и устанавливая правильное чередование месяцев и дней, чтобы год был правильно разделен. Но поскольку здесь нет комментария к этому году жизни Цезаря, наши читатели не ожидают, что мы будем описывать его здесь. Всем мужчинам и женщинам известно, как он был забит до смерти Брутом, Кассием и другими заговорщиками и упал у подножия статуи Помпея, изящно подобрав под себя одежду, проводя политику, которая была славной и стойкой до последнего.

“Тогда разорвалось его могучее сердце;
И в плаще, закрывающем лицо,
Прямо у подножия статуи Помпея,
По которой все это время текла кровь, пал Великий цезарь”.

То, что он выполнил свою работу и умер вовремя, чтобы спасти свое имя и славу от злодеяний, в которых неограниченная власть в государстве, слишком вероятно, сделала бы виновным тирана, было, возможно, не самым удачным обстоятельством в карьере, которая по счастливой случайности не имела себе равных в истории.

КОНЕЦ.

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "УИЛЬЯМ БЛЭКВУД И СЫНОВЬЯ", ЭДИНБУРГ.

ДРЕВНЯЯ КЛАССИКА ДЛЯ АНГЛИЙСКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ.

ОТРЕДАКТИРОВАНО

Преподобный У. ЛУКАС КОЛЛИНЗ, магистр медицины

Опубликованные тома содержат—

1. ИЛИАДА. 2. ОДИССЕЯ. 3. ГЕРОДОТ.

Том будет публиковаться 1 числа каждого последующего месяца по цене 2,6 доллара США.

Цель настоящей серии будет состоять в том, чтобы в достаточной степени объяснить широкому кругу читателей, кем были эти великие писатели и что они написали; дать, по возможности, некоторый связный очерк истории, которую они рассказывают, или фактов, которые они фиксируют, проверенных результатами современных исследований; представить некоторые из их наиболее ярких отрывков в одобренных английских переводах и проиллюстрировать их в целом цитатами современных авторов; короче говоря, послужить популярным ретроспективным обзором главной литературы Греции и Рима.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОБЗОРОВ ЭТОГО СЕРИАЛА.

Субботний обзор.

Если другие тома будут оформлены так же хорошо, как этот, ежемесячный выпуск вскоре станет прекрасным руководством для всей области классической литературы, а когда путь будет таким образом прояснен, хорошие переводы будут читаться с гораздо большим удовольствием и разборчивостью. Мы ожидаем, что разумный и новаторский замысел такого сериала встретит, как он того заслуживает, широкую и длительную поддержку; и что с его успехом в целом будут преобладать более справедливые идеи о характеристиках великих писателей прошлого.

Вестник государственной службы.

В последнее время не было более удачной идеи, чем та, о которой идет речь в первой части.... Если другие последующие тома будут равны "Илиаде", серия станет самой очаровательной и поучительной, а "Античная классика для английских читателей" окажет неоценимую помощь современному образованию.

Зритель.

Мистер Коллинз заслуживает или, вероятно, разделяет со своими издателями высшую похвалу за открытие, которое не менее похвально и потому, что теперь оно кажется очевидным. Бесконечный труд был потрачен без особого успеха на попытку сделать великих греческих и латинских классиков доступными для неискушенных читателей. По правде говоря, широко используемый метод, метод перевода, громоздок и неэффективен. Перевод оказывает необычайное воздействие на тех, кто им занимается, и он не лишен литературной ценности, но его меньше всего ценят те, для кого он в первую очередь предназначен. Блестящие пересказы

Поупа действительно нравятся, и лорда Дерби читают, потому что он был великим английским аристократом; но как мало читателей ценят изысканное мастерство, с которым мистер Уорсли выполнил задачу перевода "Одиссеи"! Преимущество данной серии в том, что авторы не скованы точностью, которая часто мешает переводчику; что они могут опускать, сокращать или приводить полностью, как им заблагорассудится; что они могут воспользоваться прекраснейшей работой по переводу, когда какая-либо сцена должна быть представлена в деталях; что они могут ввести соответствующие иллюстрации в основную часть произведения, а не сводить их к неясным примечаниям, и что все это они могут сделать в рамках такого объема, который легко прочесть за один присест. Что касается двух лежащих перед нами книг, "Илиады" и "Одиссеи", то они напоминают нам "Сказки Шекспира" Лэмба. Действительно, они содержат и другие вещества; но это самая привлекательная их часть, и будет немалой похвалой сказать, что им нет нужды уклоняться от сравнения. Действительно, мы можем сказать, что, хотя у нас есть один или два недостатка в деталях исполнения, они выполнены на удивление хорошо. Умело схвачены основные моменты происшествия и характера; критические замечания, как этические, так и художественные, здравы и рассудительны; стиль прост и энергичен. Даже читателям небольшого приложения будет легко с ними ознакомиться, и никто не сможет прочитать их, не узнав что-нибудь по-настоящему о Гомере.

Ярмарка тщеславия.

Для таких людей, которые часто в последующие годы остро ощущают пренебрежение или недостаток возможностей познакомиться со всемирно известными древнегреческими и латинскими авторами и которые из-за занятости не в состоянии восстановить утраченные позиции, эти тома окажутся настоящим благом; и если последующие тома будут соответствовать стандарту того, что находится сейчас перед нами, трудно представить, как они могли бы получить свои знания в более приятной, ясной или сжатой форме.... Таким образом, этот хорошо напечатанный, удобный небольшой томик заслуживает нашей безоговорочной похвалы. Есть много Отцов Семейства, которые в течение многих лет были вынуждены с достоинством, но малодушно молчать, выслушивая лукавые классические намеки своих не по годам развитых отпрысков, а теперь, благодаря этим маленьким книжкам, смогут перенести войну во вражескую страну и устроить свою изумленную семью учеными рассуждениями о характере Агамемнона и педантичными предположениями о месте рождения Гомера.

"МЕССИРЫ БЛЭКВУД И СЫНОВЬЯ"

ПОСЛЕДНИЕ ПУБЛИКАЦИИ.

Уолпол, или "У каждого человека есть своя цена".

Комедия в рифму. Автор: Лорд Литтон. 5s.

Оды и эпопеи Горация;

Метрический перевод на английский. С введением и комментариями. Автор: Лорд Литтон. С латинским текстом. 8vo, 14s.

“Мы не знаем ни одной книги, из которой английский читатель мог бы получить более яркое и живое представление о сердечности и грациозной песне великого римского поэта, чем из перевода лорда Литтона”. —*Ежеквартальное обозрение*, октябрь.

Оды, эпопеи и сатиры Горация,

Переведен на английский в стихах. Вместе с Жизнеописанием Горация. Автор Теодор Мартин. К этому изданию (третьему из Од и эпод) впервые добавлен перевод сатир. Публикация 8vo, цена 9с.

"Илиада и Одиссея" Гомера.

Переведен на английский язык стихами в строфе Спенсера. "ОДИССЕЯ" преподобного П. С. Уорсли; "ИЛИАДА" мистера Уорсли и профессора Конингтона. Четыре тома, сообщение 8vo, 39 страниц.

Goethe's Faust,

Переведенные на английский стихи. Автор Теодор Мартин. Новое издание, цена 3,6 доллара, в матерчатом переплете.

Исторические очерки правления Георга Второго.

Миссис Олифант. Новое издание, 10 страниц. 6d.

Лекции по ранней греческой философии,

И другие философские останки профессора Ферье из Сент-Эндрюса. Под редакцией сэра Алекса. Грант и профессор Лашингтон. 2 тома. сообщение 8vo, 24с.

“Эти Лекции, поскольку они касаются греческой философии вплоть до Платона, были тщательно проработаны и представляют большую ценность — действительно, более высокую ценность, чем любые работы на ту же тему на английском языке; и с точки зрения ясности, глубины и решительного поиска истины, а также цепкого удержания ее, когда она найдена, мы сомневаемся, что они превзойдены на каком-либо языке.... Со своей стороны, мы не знаем ни одного философского произведения, столь увлекательного для молодого изучающего философию, как эти первые страницы ”.—*Шотландец*.

Труды сэра Уильяма Гамильтона, барта,

Профессор логики и метафизики в Эдинбургском университете.

ЛЕКЦИИ ПО МЕТАФИЗИКЕ. Под редакцией преподобного Х. Л. Мэнсела, бакалавра права, декана Собора Святого Павла; и Джона Вейча, магистра философии, профессора логики и риторики в Университете Глазго. Четвертое издание. 2 тома. 8vo, 24с.

ЛЕКЦИИ ПО ЛОГИКЕ. Под редакцией того же автора. Второе издание. 2 тома. 8vo, 24с.

ДИСКУССИИ ПО ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЕ, ОБРАЗОВАНИЮ И УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЕ. Третье издание. 8vo, 21с.

Испанский цыган.

Джордж Элиот. Новое издание, третье по счету, в crown 8vo, 7s. 6d.

Биографии Джона Уилкса и Уильяма Коббетта.

Работы Джона Селби Уотсона, магистра медицины и с. Публикация 8vo, с портретами, цена 7 шилл. 6долларов.

Объясненные и проиллюстрированные военные операции.

Автор: Эдвард Брюс Хэмли, полковник армии и подполковник Королевской артиллерии; бывший профессор военной истории, стратегии и тактики в Штабном колледже; член Совета военного образования. Второе издание, полностью переработанное Автором и содержащее важные дополнения о влиянии железных дорог и телеграфа на войну, а также о том, какие изменения в вооружении, как можно ожидать, окажут влияние на тактику. 4то, Семнадцать Карт и планов с другими иллюстрациями, 28 с.

История Шотландии,

От вторжения Агриколы до революции 1688 года. Джон Хилл Бертон. Тома. От первого до ЧЕТВЕРТОГО, деми 8vo, цена 56с.

“Лучший отчет, который когда—либо был написан о национальной жизни и бытии Шотландии”. -*Times*.

“Одна из самых полных историй, которые мы когда—либо видели, о какой-либо стране”. -*Субботнее обозрение*.

“Большой вклад в историческую литературу”. —*Шотландец*.

“Мы не помним, чтобы читали столь сдержанную, столь спокойную и бесстрастную историю”. —*Журнал Блэквуда*.

“Une grande et belle histoire.”—*Revue des Deux Mondes*.

СНОСКИ:

[1] Есть восьмая книга, в которой говорится о восьмой и девятой кампаниях, но это не работа Цезаря.

[2]

Cœlo tonantem credidimus Jovem
Regnare; præsens Divus habebitur Augustus.

[3] Слова взяты из истории дина Меривейла.

[4] Она была той женой, которая изменила Клодию и с которой Цезарь развелся, заявив, что жену Цезаря нельзя даже подозревать. Он не захотел оставить себе фальшивую жену; в тот момент он также не стал бы участвовать в обвинении против Клодия, который был из его партии и против которого такое обвинение, поддержанное цезарем, было бы фатальным. Вторжение демагога в дом цезаря в погоне за женой цезаря во время мистерий Vona Dea стало предметом

судебного разбирательства в Риме. Преступление было ужасным и пользовалось дурной славой. Клодий, которого патриции ненавидели и боялись, был любимцем народной партии. Преступник, наконец, предстал перед судом и был оправдан продажными судьями. Слово, сказанное оскорбленным мужем, гарантировало бы его осуждение, но цезарь не произнес этого слова. Со своей женой он мог развестись, но не стал бы подвергать опасности свою власть в глазах собственной партии, требуя наказания того, кто развратил ее.

[5] Ниппердейус.

[6] Эти люди были потомками тех кимбров, которые полвека назад причинили такое горе Риму! Кимбры, как нам говорят, ушли со своих земель и шесть раз одерживали победы над римскими армиями, заведая “нашей провинцией” и угрожая Италии и Риму. Вся империя Республики была в опасности, но в конце концов была спасена мужеством, искусством и быстротой Мария. Покидая свою страну, они оставили позади остаток своего имущества, которое не могли унести с собой; и эти адуатики были детьми и внуками этого остатка. Цезарь, несомненно, помнил все это.

[7] И Цезарь, без сомнения, был возмущен так же искренне, хотя, возможно, и иррационально в своем негодовании. Мы знаем, насколько священной считалась личность римского гражданина, и помним патристическую декларацию Цицерона: “*Facinus est vinciri civem Romanum, — scelus verberari*”; и снова слова, которые Гораций вкладывает в уста Регула, когда он утверждает, что римский солдат должен быть навсегда потерян в своем позоре и бесполезен: “*Qui lora restrictis lacertis Sensitiv iners timuitque mortem*”.

[8] Цезарь говорит о слиянии Рейна и “Мосы” как о месте, где он столкнул германцев в реку, — и в различных отрывках, говоря о Мосе, явно имеет в виду Маас. Однако, по-видимому, английские ученые, которые с большим трудом изучили топографию кампаний Цезаря, придерживаются мнения, что место слияния Мозеля и Рейна, от которого Кобленц получил свое название, является подходящим местом. Наполеон, который едва ли стал авторитетом в делах цезаря в целом, но который считается авторитетом в области топографии, придерживается мнения, что место в Голландии предназначено для описания. Читатели, озабоченные этим вопросом, могут выбирать между этими двумя; но читателей, которые не озабочены, вероятно, будет больше.

[9] “*Hostium numerus capitum CDXXX millium fuisset*”, из слов которого мы можем предположить, что сражалось 180 000 мужчин, не считая женщин и детей.

[10] Все хорошо образованные современные британцы узнали от старых авторитетов, что боевые колесницы бриттов были снабжены косами, прикрепленными к осям, — от Помпония Мелы, римского географа, и от миссис Маркхэм, среди прочих. А Юджин Сю в своем романе, переведенном на английский язык под названием “Соперничающие расы”, объясняет, как бретонцы на другом берегу моря, в Морбиане, использовали эти косы; и как перед битвой с легионами Цезаря жены воинов прикрепили ремни так, чтобы косами можно было управлять с колесницы, как веслами с лодки. Но Цезарь ничего не говорит о таких косах, и, несомненно, он сделал бы это, если бы увидел их. Читатель должен сделать выбор между молчанием цезаря и авторитетом Помпония Мелы, миссис Маркхэм и Юджина Сю.

[11] Народные трибуны были должностными лицами, избираемыми ежегодно для того, чтобы действовать от имени народа в качестве проверки магистратуры Республики, и были наделены

широкими полномочиями, которые, как предполагалось, они использовали для защиты свободы. Но должность трибуна была низведена до партийных целей, как и любая другая государственная должность.

[12] Декан Меривейл в своем отчете об этом деле сокращает количество пробоин в щите Сцевы до ста двадцати — по совместному свидетельству, без сомнения, Флора и Валерия Максимуса; но Флор прожил 200 и Вал. Максимум через 300 лет после Цезаря. Светоний допускает полное количество лунок, но подразумевает, что 120 были получены, когда воин сражался в одном месте, и 110 - когда сражался в другом. Лукан очень подробно рассказывает историю Сцевы, но не сообщает количество ран на щите. Кажется, он говорит, что Сцева был убит в этом случае, но не совсем ясно излагает суть. Несомненно, что у Сцевы был выбит один глаз. Лукан действительно сообщает нам в самых последних строках своей поэмы, что в Египте цезарь снова увидел своего любимого центуриона; но в описываемый момент даже Цезарь был встревожен, и комментаторы сомневаются, не призрак ли Сцевы увидел Цезарь тогда. Валерий Максим уверен, что Сцава был убит, когда получил ранения; но если так, то как он мог быть вознагражден и повышен в звании? Этот вопрос вызывал много споров, но здесь было сочтено, что лучше всего придерживаться цезаря.

[13] Не в Комментариях, а в другом месте мы узнаем, что теперь он одержал четыре победы, одержав четыре разных победы, не претендуя ни на одну победу, одержанную над римскими солдатами. В четыре разных дня его проносили через город вместе с его легионами, добычей и пленниками. Его первым триумфом были галльские войны; и в тот день Верцингеторикс, доблестный галл, которого мы помним и который к тому времени провел шесть лет в тюрьме, был задушен, чтобы оказать честь цезарю. Я думаю, что мы ненавидим Цезаря еще больше за его жестокость к тем, кто не был римлянами, потому что политика побудила его щадить своих соотечественников.